

*65-летию Великой Победы советского народа
в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.
посвящается*

ЭХО НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДЕТСТВА

«ГОВОРЯЩАЯ» КНИГА ПАМЯТИ

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2010

ББК 63.3(253.3)6
Э 95

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Над книгой работали:

*Н.В.Сапожникова, М.Ю.Балабанова, А.А.Бейбулатова, В.И.Черкасов,
М.В.Забурдяева, А.А.Мазур, Е.С.Паришкова, Ю.А.Перевалова,
Л.Р.Пунга, В.А.Яценко, Р.Р.Калимуллина, В.В.Умнова, В.А.Чапурина*

Рецензенты:

кандидат философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук
Нижевартовского филиала Тюменского государственного
нефтегазового университета, доцент *Т.Г.Сологуб*;
член Союза журналистов России, первый председатель
Нижевартовского общества бывших малолетних узников
фашистских концлагерей «Жертвы войны» *Т.Н.Плецака*

Э 95 **Эхо несостоявшегося детства: «говорящая» Книга Памяти**
(на материалах Нижевартовского общества бывших малолетних
узников концлагерей «Жертвы войны») / Под общ. ред. Н.В.Са-
пожниковой. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та,
2010. — 201 с.

ISBN 978–5–89988–700–1

Впервые на основе воспоминаний проживающих и проживав-
ших в Нижевартовском районе ХМАО — Югры бывших мало-
летних узников фашистских концлагерей, детство которых оказа-
лось «затерянным» в военном лихолетье 1941—1945 гг., предложен
новый предметно-экспозиционный формат «говорящей» Книги
Памяти. В предлагаемом издании рассмотрен широкий круг источ-
никоведческих, военно-исторических и морально-этических про-
блем, заявленных в рамках одного из сравнительно молодых науч-
ных направлений — так называемой «устной истории».

Коллективный труд адресован всем тем, кому дорога наша
общая и великая историческая память.

ББК 63.3(253.3)6

ISBN 978–5–89988–700–1

© Издательство НГГУ, 2010

* * *

Перед вами не просто книга. Это — микрочастица судьбы целой страны и ее детей, оказавшихся в пекле самой страшной из войн — Великой Отечественной. Она рождалась из глубины прошлого как эхо — эхо несостоявшегося детства, где не было ни колыбельной матери, ни рассказываемых на ночь сказок, ни всепонимающих и добрых глаз *любящих взрослых*. До нас дошли воспоминания проживающих и проживавших в Нижневартовском районе ХМАО — Югры бывших малолетних узников фашистских концлагерей, детство которых оказалось «затерянным». Тех, *кому есть что рассказать* об этой трагичной в своей обыденности жестокости войны, и *наконец быть услышанными* в той «поименной» истории, называемой сегодня «устной», разработка которой в России началась не так давно.

Предлагаемую вашему вниманию книгу мы назвали «*говорящей*». В ней не только записаны воспоминания бывших узников. Ее составители и авторы — руководитель и члены молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее», созданной еще в 2003 г. при кафедре истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета, — стремились сохранить «живой» память об этих удивительных людях — когда-то совсем маленьких детях, их несломленном в фашистских концлагерях человеческом достоинстве, желании, несмотря ни на что, состояться в этой жизни, став личностями. Но как же дорого они за это заплатили! И хватит ли у нас понимания, сострадания и *просто человеческой порядочности* не отмахнуться от них, не оскорбить равнодушием и черствостью?!

Целью подобного экспериментального издания стала реализация *многолетнего проекта* ассоциации по созданию комплексного труда под названием «*Эхо несостоявшегося детства: "говорящая" Книга Памяти*», который является итогом кропотливой работы, исследовательской деятельности студентов, всех добровольных помощников по поиску,

обработке, систематизации документальных источников, в том числе видеоматериалов. Работа сплотила нас, превратив юных студентов в замечательных и надежных друзей, коллег, патриотов. Не на словах — на деле, результат чего мы вам и представляем в канун 65-й годовщины Победы советского народа в поистине великой войне 1941 — 1945 гг. Это книга о боли, скорби и величии Души России, способной так много пережить и, несмотря ни на что, остаться живой.

Слова особой благодарности следует сказать прежде всего неутомимым председателям Нижневартковского общества «Жертвы войны»: первой из них — Плещкой Тамаре Николаевне и второй — Соболю Марии Васильевне; главе Ростовской ассоциации борцов антифашистского сопротивления и жертв нацистских репрессий, автору нескольких книг — удивительной женщине Людмиле Степановне Муратовой, краткая встреча с которой для автора этих строк стала одним из ярких событий; замечательным сотрудникам Музея на Поклонной горе, оказавшим неоценимую помощь и поддержку и поделившимся частью исторических материалов. А также всем тем, кто финансово и организационно помог подготовить и издать данную работу.

Доктор философских наук,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории России
Нижневартковского государственного
гуманитарного университета
Наталья Васильевна Сапожникова

ВВЕДЕНИЕ

Взрослые плачут слезами,
Взрослые плачут глазами,
Маленькие плачут сердцем,
Маленькие плачут жизнью.
Но если взрослый плачет,
Как маленький,
Значит, он правда плачет.

(Из «стыдных стихов» Макса, 12 лет,
сирота, подмосковный детдом, 2008 г.)

В конце Второй мировой войны президенту академии наук и искусств Третьего рейха преподнесли в подарок творения И.В.Гете, переплетенные в кожу... немецкого антифашиста¹. Поистине, сон разума рождает настоящих чудовищ! И даже великий Гете с его гениальной прозорливостью не смог предвидеть подобный inferнальный ужас XX века, пережитый не только взрослыми, но, прежде всего, детьми, оказавшимися *абсолютно беззащитными* перед гнусностью нацизма!

Правда, и в третьем тысячелетии вопрос цены, уплачиваемой человечеством за разрастающееся военное безумие в самых отвратительных и циничных его формах, как ни парадоксально, все так же открыт и злободневен. Столь же алогичной представляется ситуация, когда современная техногенная цивилизация с ее бесцеремонным интересом и «нановторжением» в святая святых — жизнь, нередко делает все, чтобы эту жизнь уничтожить, проводя «уникальные» опыты и ставя эксперименты над человеком в духе нацистских изуверов (достаточно вспомнить наделавшие шума недавно изданные мемуары бывшего швейцарского прокурора Карлы дель Понте, засвидетельствовавшей всю

¹ Судьба. Газета Международного союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей. 2009. № 2. Март-апрель.

чудовищность экспериментов над пленными сербами по изъятию у них органов прямо в военно-полевых хорватских лагерях конца XX столетия!). И уже никого не удивляет жестокость современных «детских игр в гестапо»² или осквернение братских захоронений времен Великой Отечественной и забвение ее уроков, например, недавние события в Кутаиси, где был взорван памятник защитникам Родины в 1941 – 1945 гг.

Сегодня мы по-разному оцениваем многие события и этапы нашей истории, особенно Великой Отечественной войны. При этом раздаются голоса с требованием прекратить «ворошить прошлое». И хотя правда о нем, к сожалению, не всегда вооружает историческим оптимизмом, история – это не разменная монета, и от перестановки мест слагаемых «сумма исторической справедливости» все-таки существенно меняется. Меняется в сторону осознания принадлежности к великому народу, *ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, ЦЕНИТЬ И ПОМНИТЬ* вклад которого в дело грандиозной Победы 1945 года и означает становиться Человеком, Личностью, Патриотом.

Прошло более шестидесяти лет, а люди все еще стремятся узнать о судьбах своих близких. Так, доцент Нижневартовского государственного гуманитарного университета *Нина Васильевна Дягилева* не так давно побывала под Старой Руссой, где присутствовала на церемонии захоронения останков солдат, найденных поисковиками в этих местах. В том числе, возможно, и ее отца, погибшего где-то здесь, «след» которого она все-таки надеялась отыскать. Боль от этой потери далекого 1941 года, когда ей самой было лишь 6 лет, по ее словам, живет и поныне³. И свеча в ее руке,

² См., например: Сысоев Г. «Дети в подвале играли ... в гестапо» // День. Всеукраинская газета. 1997. 19 апреля.

³ Из интервью Н.В.Дягилевой, данного членам ассоциации «Память и будущее» 20 апреля 2008 г.

зажженная в память о ста неизвестных солдатах, которые имели когда-то не только имя, но и собственную судьбу, дорогих им близких, Отечество — от дуновения ветра не погасла лишь в ее руке, тогда как у десятка стоявших рядом людей свечи потухли. Священнослужитель, освящавший обряд погребения, расценил это как знак упокоения души, возможно, именно ее отца — рядового Балыкова Василия Павловича, 1912 года рождения, уроженца села Нефедьево Угличского района Ярославской области, прошедшего финскую войну и сложившего голову где-то здесь. Только в этом районе стояли насмерть более 850 тысяч советских солдат, а неупокоенные останки более 200 тысяч из них до сего дня ждут своих поисковиков! И это в России, стране-Победительнице!

История Великой Отечественной войны в последние годы становится катализатором исследовательской работы по изучению причин и фактологической канвы событий, отысканию следов павших и без вести пропавших в те страшные годы. В том числе через создание многообразных «Книг Памяти». Их истоки, в известной степени, можно усмотреть в старинных церковных книгах с именами родившихся и усопших православных. В XIX — начале XX вв. усилиями энтузиастов-краеведов и Русского Синода стали публиковаться мартирологи с именами захороненных на кладбищах Санкт-Петербурга, Москвы и провинциальной глубинки представителей русского дворянства, что само по себе стало уникальным и ценным источником по отечественной истории и генеалогии дворянских родов⁴.

С 70-х гг. XX в. Книга Памяти, задуманная как мартиролог с именами защитников России, погибших, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, издавалась

⁴ См., например: Русский провинциальный некрополь. М., 1914; Река времен: В 5 кн. Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П.Чулкова из собрания Государственного литературного музея. М., 1996. Кн. 4.

в центре и регионах. В 1989 г. под руководством Фонда мира специалистами Временного творческого коллектива при Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела была предпринята масштабная обработка архивной информации по военнослужащим, погибшим и пропавшим без вести в той войне. В дальнейшем был разработан автоматизированный информационный комплекс по формированию Центрального банка данных (ЦБД) «Книга Памяти» и создана единая поисковая система. В результате появилась база данных «Книга памяти о погибших, умерших от ран, попавших в плен и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны»⁵. На основе полученных данных стали создаваться Книги памяти в регионах, краях, областях РФ и других государствах СНГ. В настоящее время издано уже более 900 томов⁶.

В канун 60-летия Великой Победы подобная работа была активизирована, оставаясь столь же пронзительно болезненной, но по-прежнему недописанной. В настоящее время процессы сбора материала и его систематизации продолжают как на уровне его архивации, так и публикации Книг Памяти, которые можно подразделить на несколько проблемно-тематических модулей: общий «мартиролог» центральных и региональных его изданий; профессиональные⁷; национальные; профессиональные Книги

⁵ См.: Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР: Сборник докладов участников международной научно-практической конференции. Нижний Тагил, 18–21 мая 2000 г. Нижний Тагил, 2001; Международный проект создания единого электронного банка жертв политических репрессий «Возвращенные имена»: Сборник материалов по итогам первого этапа проекта. 2000–2003 годы. Нижний Тагил, 2003, и др.

⁶ Книг памяти пока нет в Калининградской области, Дагестане, Ингушетии, Чувашии и некоторых других регионах.

⁷ Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы: В 7 кн. Тверь, 2004.

памяти⁸. Особенно большое количество региональных изданий появляется в последние годы в память о жертвах политических репрессий, как, например, многотомный мартиролог «Книга расстрелянных» по Тюменской области⁹, «Ленинградский мартиролог», содержащий информацию о жертвах репрессий 1937–1938 гг., аналогичный «Одесский мартиролог»¹⁰. Вышли Книги памяти о погибших в годы репрессий по Новгородской области¹¹, жертв Тагиллага, «Греческий мартиролог», третья часть которого представляет собой собрание писем из ГУЛАГа и иных документов личного происхождения¹². В 2008–2009 гг. усилиями энтузиаста – председателя Общества жертв политических репрессий «Истоки Памяти» Л.С.Тоскаевой подобное издание появилось и в Нижневартовске¹³.

Лишь в самые последние годы стали выходить Книги Памяти о *преступлениях нацизма против детства* – в Карелии, Латвии, Белоруссии, в г.Муроме¹⁴, хотя процесс сбора материала идет давно. Правда, подобные публикации издаются под названиями, которые роднят их скорее со

⁸ См., напр.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг.: В 2 кн. М., 2001; Брачев В.С. «Дело историков». 1929–1931 гг. СПб., 1997.

⁹ Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Тюмень, 1999–2008.

¹⁰ Ленинградский мартиролог. СПб., 1995; Одесский мартиролог: [Списки репрессированных в Одессе и Одесской области за годы советской власти]. Одесса, 1995.

¹¹ Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области: В 9 т. Новгород, 1993–1999.

¹² «Пишу своими словами...»: История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа / Сост. И.Г.Джуга. СПб., 2009.

¹³ Мы – дети репрессированных: В 2 кн. Нижневартовск, 2008–2009.

¹⁴ Оккупация. Воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей – в год 60-летия Великой Победы. Петрозаводск, 2005; Воспоминания климовчан-остарбайтеров. Могилев, 2005; Кривоблоцкий В.В., Поликанина В.П. Память. Минск, 2005; Детство, опаленное войной. Воспоминания о пережитом. Муром, 2008.

сборниками воспоминаний. К числу последних можно отнести работы В.З.Никитина, А.И.Ермаковой, А.И.Демченко «Несломленные в фашистской неволе: очерки и воспоминания»¹⁵; Н.Д.Жагриной, Т.А.Рогачевой, Л.Д.Бурим, В.М.Александрова «Как это с нами было»¹⁶; документально-художественные издания протоиерея Василия Ермакова и С.И.Дмитриева «Воспоминаний горькие страницы...»¹⁷ и Марии Рольникайте «Я должна рассказать»¹⁸; «Плененное детство» о трагедии бывших малолетних узников города Петрозаводска¹⁹.

Исключительным явлением стала публикация документальных материалов «На детстве моем войны отметина» председателя Союза БМУ г.Саратова А.В.Родиной, где рассказывается о ее детских годах, проведенных в концлагере Алитус, и судьбах других бывших малолетних узников²⁰. Глубинная суть фашистской политики истребления «неполноценного человеческого материала» в России раскрыта в книге Людмилы Тимощенко «Дети и война» на основе уникального фактологического и источникового материала, а также многочисленных свидетельств бывших малолетних узников, что делает оговоренный автором жанр ее книги — «документальное повествование» — поистине бесценным²¹ (особенно учитывая тот факт, что власти Латвии

¹⁵ Никитин В.З., Ермакова А.И., Демченко А.И. и др. Несломленные в фашистской неволе: очерки и воспоминания. Тюмень, 2001.

¹⁶ Жагина Н.Д., Рогачева Т.А., Бурим Л.Д., Александров В.М. «Как это с нами было». Воспоминания малолетних узников фашистских концлагерей. СПб., 2004.

¹⁷ Прот. Василий Ермаков, Дмитриева С.И. «Воспоминаний горькие страницы...»: Документально-художественное издание. СПб., 2000.

¹⁸ Рольникайте М. Я должна рассказать. М., 1976.

¹⁹ Костин И.А., Нешлиева К.А. Плененное детство. Петрозаводск, 2005.

²⁰ Родина А.В. На детстве моем войны отметина. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратов, 2003.

²¹ Тимощенко Л. Дети и война. Даугавпилс, 1999.

предприняли все меры к запрещению этого издания, делающие его к тому же раритетным).

Крайне интересной и историсофичной оказалась работа Вл.Литвинова «Коричневое “ожерелье”»²², где «документальное повествование» оказывается гораздо шире и масштабнее, поскольку автор, сам не являясь узником, много лет посвятил работе по защите прав этих людей. Привлекая разнообразные документальные источники, он пытается разобраться в причинах столь полномасштабной военной катастрофы, приведшей к оккупации страны и превратившей мирное население, включая детей, в заложников.

Книга президента Ростовской ассоциации борцов антифашистского сопротивления и жертв нацистских репрессий Л.С.Муратовой «Несломленные» — уникальное явление. Людмила Степановна была вывезена на принудительные работы в Германию совсем девочкой. За диверсию в рабочем лагере она была отправлена сначала в гестапо, а затем — в концлагерь Равенсбрюк, о котором написала пронзительные по глубине и тонкости воспоминания как об аде, о котором «правдиво может рассказать лишь тот, кто там побывал». Именно эта фраза была начертана ее рукой на титульном листе подаренного ей издания французского автора — Violette Rougier-Lecoq, которая нарисовала этот самый ад так, как она его увидела глазами не профессионального художника, а выжившей в нем женщины, поведавшей рисунками об ужасе «нереальной реальности» фашизма²³.

Фрагментарная информация о содержании в концлагерях детей наравне со взрослыми присутствует в ряде воспоминаний бывших невольников, как, например, «Слесарная команда Равенсбрюка»²⁴ Шарлотты Мюллер, «Свидетели

²² Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье»: В 2 кн. Киев, 1996—2001.

²³ Муратова Л.С. Несломленные. Ростов н/Д, 2008.

²⁴ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключенной № 10787 / Пер. с нем. Н.А.Смирновой. М., 1985.

обвинения»²⁵ Е.А.Вечтомовой и В.В.Иванова, где описывается каждодневная «жизнь» концлагерей и ужасы фашистского плена, разделенные взрослыми с малолетними узниками, дополняя общую картину той величайшей национальной трагедии, в результате которой *Россия потеряла значительную часть своего генофонда – своих детей*: неродившихся, убитых, искалеченных, растерзанных, изнасилованных и сожженных заживо...

Воспоминания двух австрийских коммунисток Мали Фритц и Гермине Юрза «Да здравствует жизнь! Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау» (1988) рисуют потрясающую картину неимоверного страдания людей и высоты духа тех, кто еще находил силы помогать другим: «Конечно, хотелось жить, но не любой ценой. Это не фраза: даже в обстановке <...> террора надо было прилагать усилия, чтобы оставаться человеком. В том необъятном хаосе страха и смерти <...> узники, не имевшие определенной <...> позиции, перед лицом обрушившихся на них бедствий оказывались беспомощнее людей убежденных»²⁶.

С одной стороны, история совершенных фашизмом преступлений против детства общеизвестна. Имеются многочисленные документальные свидетельства, как, например: «Акт Чрезвычайной республиканской комиссии» от 5 мая 1945 г., Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 февраля 1946 г., где приведены материалы свидетельских показаний такой исторической силы, что до сих пор одним не верится *в саму возможность* подобных изуверств на уровне планомерно проводимой *государственной политики* «культурнейшей европейской страны», а другим – не остается ничего другого, как признать факты существования нацистских концлагерей, медицинских

²⁵ Свидетели обвинения / Сост. Е.А.Вечтомова, В.В.Иванов. Л., 1990.

²⁶ Фритц М., Юрза Г. Да здравствует жизнь! Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау. М., 1988. С. 207.

экспериментов над детьми и многого иного, что, вероятнее всего, еще сокрыто от исследователей и, возможно, станет достоянием истории лишь десятилетия спустя.

Сюда же относятся опубликованные материалы Нюрнбергского трибунала (двухтомник 1954 г.; 7-томное издание, вышедшее в 1957 – 1961 гг., и незавершенное издание 1987 – 1991 гг.), а также трижды переизданный массовыми тиражами (1963, 1968, 1985) сборник «Преступные цели – преступные средства»²⁷, где воспроизведены документы центральных и местных архивов об оккупационной политике гитлеровцев, на фоне которых прослеживаются зловещие следы, оставленные на нашей земле немецко-фашистскими захватчиками, пути массовой депортации советского населения в «немецину». В другом издании – «Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы»²⁸ показаны этапы тщательной документальной проработки Германией планов войны на тотальное истребление советских людей, первыми жертвами чего, естественно, становились дети и старики.

С другой стороны, в обобщающих трудах по истории Второй мировой войны «детская» проблематика лишь «просматривается». Это 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945» (1960 – 1965), 12-томная «История Второй мировой войны» (1973 – 1982), 24-томная «Всемирная история» (1997) и заключительная книга международного проекта «Энциклопедии Второй мировой войны» – «Крах Третьего рейха (весна – лето 1945 г.)» (2007). Эти работы отличает солидная источниковая база, куда включены уникальные архивные документы, в том

²⁷ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.). 3-е изд. М., 1985.

²⁸ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / Под ред. и с предисл. П.А.Жилина. М., 1987.

числе по формированию европейской системы концлагерей с их аппаратом управления и психического подавления узников, «медико-экспериментальными программами», особыми командами по умерщвлению заключенных и «упорядоченности» изъятия у обреченных ценных вещей, волос и даже детских пинеток. Правда, в 5-м томе последнего издательского проекта общая информация о фашистских концлагерях приведена всего лишь на полстраницы (!).

В итоговой работе Д.М.Проэктора «Фашизм: Путь агрессии и гибели» (1985), одной из первых в СССР, изучена идеологическая составляющая фашизма в его «германской редакции», включая обоснование «особой» программы уничтожения славян, цыган, евреев и остальных «недочеловеков». Вопросы изучения «проблемы» «расовой санации» населения Европы и СССР стали базовыми в монографиях Н.Лебедевой, посвященных итогам Второй мировой войны и урокам Нюрнбергского процесса²⁹.

В монографии М.И.Семиряги «Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета» (1985) основной акцент сделан на движении Сопротивления периода Второй мировой войны в самой Германии, на территории оккупированных стран и в застенках фашистских концлагерей, где попутно рассмотрены вопросы устройства мест «превентивного заключения», специфики контингента и условий содержания узников.

В работе Г.Г.Вербицкого «Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию» (2000) на уникальном трофейном документальном материале подробно раскрывается фактологическая сторона процесса насильственного угона населения на работы в Германию. Собраны уникальные фотографии и документы: регистрационные карточки, рабочие удостоверения,

²⁹ Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975, и др.

паспорта иностранных рабочих, воспоминания и переписка «остовцев», локальная информация о детях-узниках.

В монографии М.Ю.Балабановой «Советские остарбайтеры в годы Великой Отечественной войны»³⁰ предпринят комплексный подход к изучению вопроса возникновения самого явления «остарбайтеры» как *особого института военной истории*, «просчитанного» нацистами не только экономически, но и идеологически, в рамках решения «славянского вопроса» и использования рабского труда советских детей. К достоинству работы следует отнести и авторский экскурс в послевоенные судьбы малолетних узников на местном, нижевартовском материале.

«Локальные» сюжеты по истории отдельных концлагерей как «подразделений СС» и «филиалов» Третьего рейха под названием «империя смерти», рассмотрение особенностей «стратегии» гитлеровской Германии в отношении условий содержания и подневольного труда советских граждан, особенно женщин и детей, а также «скрупулезной педантичности» в вопросе массового их уничтожения, — *требуют более углубленного научного осмысления с позиции сегодняшнего дня*³¹, учитывая их историческую актуальность, нравственно-этическую значимость, а также неразработанность данной проблематики в целом.

Причины последнего вполне объяснимы, учитывая, что вопрос о детском узничестве долгие десятилетия был блокирован «политическим заказом». Иначе сложно понять, каким образом население половины страны, включая малолетних

³⁰ Балабанова М.Ю. Советские остарбайтеры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск, 2004.

³¹ Шуплецов В.М. Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945). Пермь, 1973; Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1988; Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993; Уильямсон Г. СС – инструмент террора. Смоленск, 1999, и др.

детей, оказалось оставлено беззащитным перед лицом озверелого врага. Другая причина кроется в сложностях изучения особенностей деформации детской психики в условиях плена с его цинично-откровенной демонстрацией нечеловеческой жестокости обращения с детьми как тщательно продуманной системы психического и физического уничтожения. До сего дня трудно объяснить саму логику «прагматизма» содержания в концлагерях детей, т.к. осознание последствий всего произошедшего лишает сам предмет разговора всякого смысла.

Между тем проблема детства и гендерной истории с позиций социально-психологической их составляющей в условиях тотальных войн и плена практически не изучена. Исключение составляют немногочисленные труды психологов, рассматривавших особенности человеческого поведения в условиях концентрационного лагеря, основываясь, в том числе, и на собственном опыте пребывания там в качестве заключенных, как, например, у В.Франкла в работе с весьма символическим названием — «Человек в поисках смысла»³². Но этот интерес обращен к психологическим состояниям взрослого человека, пережившего ужас концлагерей как «реальность нереального». Доступных материалов научных исследований по «детской» проблематике в СССР нами не было найдено. Исключение составляют лишь западные исследования 1980-х гг., в частности, психологов тогда еще ЧССР, специально занимавшихся изучением особенностей поведения детей в военных и пенитенциарных условиях концлагерей³³.

Все это позволяет говорить о том, что наша тема продолжает оставаться исследовательской лакуной. Во всяком случае до сего дня *нет ни одной монографической работы,*

³² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

³³ См.: Лангмайер Й., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте. М.; Прага, 1984; Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии. М., 1986. С. 58—60.

посвященной заявленной нами проблеме. Она находится в той историографической проекции, где лишь намечены общие задачи исследования и источниковые резервы, которыми на сегодняшний день располагают исследователи в связи с открытием границ, архивов и налаживанием научных контактов. Однако до сих пор остается слишком много вопросов, нуждающихся в оперативном решении. Ведь исчезает историческая память, граничащая с «устной историей» и требующая восстановления не просто Справедливости, но Правды Истории. И не «вообще», а адресованной каждому из тех малолетних заложников войны, у которых не просто «затерялось» в военном лихолетье их детство, порой такое жестокое и кровавое, — говоря словами Анны Ахматовой, им *«подменили жизнь»*.

Это усиливает значимость сохранения устных свидетельств, имя которым — коллективная Историческая Память. Она, как мозаика, воссоздает трагизм и силу нашего прошлого, а также цену, уплаченную *каждым советским человеком, даже погибшим младенцем, за то, «чтобы свеча не погасла» и не прервалась в веках Нить Российской Ариадны*.

Вот почему таким важным для нас стало то дело, которому студенты молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее» посвятили несколько лет напряженной работы. Начало сотрудничества с созданным в 1997 г. Нижегородским обществом бывших малолетних узников концлагерей «Жертвы войны» было положено в 2003 г., когда на кафедре истории России НГГУ тогда доцентом Н.В.Сапожниковой была сформирована молодежная студенческая ассоциация. Это послужило началом серьезной практической и научной работы студентов-историков.

Первая официальная встреча с представителями общества малолетних узников концлагерей состоялась 12 февраля 2004 г. Впоследствии была продолжена совместная работа по сбору, обработке и систематизации воспоминаний,

написанию курсовых и дипломных работ и их защите, а также подготовки и празднования наших общих памятных дат и неформальных встреч в самом офисе Общества с привлечением даже родителей наших студентов-волонтеров.

Ассоциация была инициатором проведения пяти научно-практических конференций, в том числе посвященной 60-летию Победы (май 2005 г.), четырех – под общим тематическим названием *«Имею честь достойно Родине служить»*; встреч со школьниками г.Нижевартовска и п.Излучинска, посвященных Дням Памяти (11 апреля, 9 мая, 30 октября).

Были установлены рабочие контакты с ведущими **музеями** страны: центральными – *Истории Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.* (Музей на Поклонной горе), *Обороны Москвы (Москва)*, региональными – музеем завода *«Вагонка» (Нижний Тагил)* и *Омского государственного университета*; **музейным комплексом** Пушкиногорье – Михайловский заповедник (Псковская обл.); **исторической лабораторией** Нижнетагильской социально-педагогической академии; **поисковым центром** «Соболь» (Нижний Тагил); **архивами** – Управления ФСБ по Омской области, музея на Поклонной Горе, Центральным государственным архивом Российской Федерации (ГАРФ), Подольским военно-историческим архивом, Нижнетагильским архивом Тагиллага и Богословлага; **общественными организациями** – *«Жертвы войны»* (председатель – М.В.Соболь), *«Истоки памяти»* (председатель – Л.С.Тоскаева), *Ростовским* обществом узников и участников Сопротивления в концлагерях (председатель – Л.С.Муратова); ветеранскими организациями (г.Нижевартовск, Севастополь); **клубами исторической реконструкции** «Рокада», «Вольный ветер» (г.Нижевартовск), «Росток» (г.Урай); **кадетскими классами** (г.Урай).

Молодежная ассоциация принимала участие в конкурсе грантов администрации города и выиграла два из них,

передав один в качестве дара НГГУ для создания «перводра» будущего музея университета. В 2007 г. студенты приняли участие в международной юношеской научно-практической конференции «*Пушкинский проект*» в Санкт-Петербурге, став дипломантами. Нами был сформирован информационно-справочный и архивный фонд (см. Приложение 1). Первый координатор ассоциации, бывшая аспирантка М.Ю.Балабанова написала монографию об истории остарбайтеров.

Однако центральным проектом ассоциации стало создание *Книги Памяти как эха несостоявшегося детства* тех, кто ребенком оказался в самом эпицентре войны — будучи угнанным в Германию, как, например, *Николай Павлович Родин, Мария Емельяновна Коваленко, Мария Николаевна Агиевич, Александра Филипповна Мацина*; в Латвию — *Владимир Демьянович Атрохин* и *Мария Михайловна Тимофеева*; Польшу — *Роза Адамовна Соснова*, либо — чудом оставшимся в живых, как малолетние узники страшного лагеря Озаричи (Белоруссия) *Василий Григорьевич Алехно, Лидия Сергеевна Барановская, Роман Францевич Логваль. Тамара Николаевна Плецкая* родилась в самом концлагере, став по существу представителем «второго поколения» узников фашизма. Лишь в 2007 г. она получила свое подлинное свидетельство о рождении вместо выданного когда-то НКВД: отныне в графе «место рождения» значится «Австрия» (см. Приложение 2). Первые минуты жизни *Виктории Викторовны Часыговой* были отсчитаны в немецком концлагере в 1944 г., где она, младенцем, стала объектом чудовищного медицинского эксперимента. Это испытание сделало ее сильной и жизнелюбивой личностью, умеющей прощать, понимать и помнить.

В основе концепции нашего проекта — не формально продекларированная преемственность поколений, а живой контакт сложного прошлого, озвученного голосами тех, кому есть что рассказать о реально пережитой ими Историей,

и противоречивого настоящего в лице тех, кто способен это услышать, сопереживая и взрослея как личности. Поэтому Книга Памяти является не просто сборником воспоминаний, она отражает определенный научный уровень осмысления причин столь масштабного мирового апокалипсиса, так трагически преломленного в «детских» воспоминаниях о взрослой боли бывших малолетних узников, *их устной, но не всегда рассказанной, истории*. Поэтому мы предложили новый подход — мультимедийный модуль, который делает Книгу Памяти «говорящей» — о боли, надежде и любви!

Глава I

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ» И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МАЛОЛЕТНЕГО УЗНИЧЕСТВА ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

От имени погибших и живущих,
От имени деревьев, птиц поющих.
Я говорю от имени людей,
От имени отцов и матерей.
Рожденное дитя так хочет жить!
Березка и травинка хочет быть!
Речонка без названия течет
И тихо-тихо ласково зовет
Туда, где луч ласкает детство,
И где с божественным особое соседство,
Когда ребенок знает — он любим
И херувимом-ангелом храним.

Историческая память способна становиться оружием политической борьбы, аргументом в международных спорах либо тайным хранителем «народной печати» — своеобразным «*вересковым медом*», секрет изготовления которого являлся залогом сохранения легендарного британского этноса. Она подразделяется на *коллективную* и *индивидуальную*, естественным образом взаимосвязанные, равно как и дистанцированные по временным и смысловым уровням. *Коллективная* память развивается по собственным законам, и проникающие в нее «осколки» индивидуальных воспоминаний видоизменяются настолько, что уже не принадлежат одной только личности, расширяя смысловые границы самого исторического процесса. *Индивидуальная* память, хотя и локализована достаточно узкими пространственно-временными рамками, способна стать частью большой истории, как, например, *дневники* двух погибших девочек: *блокадный — русской Тани Савичевой* и *оккупационный —*

*бельгийки Анны Франк*¹. И если коллективная память является собой скорее панораму жизни, то индивидуальная — ее персонифицированный «дубль», принадлежащий при этом уже всему человечеству. Примерно так, как это уложено в известные формулы Генриха Гейне: *«Мир раскололся пополам, и трещина прошла через мое сердце»*, а потому — *«под каждой могильной плитой лежит всемирная история»*.

Память, являясь одной из самых долговечных и не до конца изученных наших способностей, позволяет осознать своеобразие судеб не только отдельных личностей, но и ушедших поколений в целом, *«освещая не только прошлое, но и отбрасывая свою тень в будущее»*. Событийная насыщенность XX столетия на фоне поистине вселенских страданий человечества — своего рода «Дня Гнева» — «Dies irae» — двух мировых войн и столь же впечатляющего взлета технических возможностей цивилизации, привели к появлению «устной истории» с ее интересом к масштабному, но практически неразработанному массиву источников так называемого «личного происхождения», персонифицируя голоса прошлого через человеческие эмоции, мысли, размышления, дневниковые записи, письма и воспоминания самых разных людей, обойденных вниманием «большой истории». XX век оказался не просто событийно насыщен, но в той или иной степени сделал участником «всемирной исторической массовки» практически каждого жившего или живущего на Земле.

Поэтому и реакции у разных людей порой совпадали в восприятии происходившего вокруг них, особенно в эпоху глобальных военных конфликтов, ввергавших людей и беззащитных детей в коллективный ужас иррациональной реальности того, что могло присниться лишь в самом дурном сне, оставляя ощущение, что человек оказывался в каком-то

¹ Родители Анны (Анне), немецкие евреи, спасаясь от фашизма, оказались с детьми в Бельгии, где и застала их Вторая мировая война.

ином измерении. Именно так воспринимал свое пребывание в концлагере известный психолог И.Коэн. *Лидия Сергеевна Барановская*, попав тринадцатилетней в концлагерь «Уперталь» под Дюссельдорфом, до сего дня не может спокойно вспоминать обо всем пережитом, объясняя это тем, что *страшным было абсолютно все*. И никакой немецкий фонд взаимопонимания и примирения («Память. Ответственность. Будущее»), убеждена она, не способен компенсировать нанесенный жертвам войны моральный и физический урон. Да и как забыть пылавших как факела людей, заживо сожженных фашистами у нее на глазах, редкую изобретательность нацистских палачей в стремлении сломать, психологически уничтожить человека в неволе, даже совсем малыша. Ее поддерживает *Наталья Афанасьевна Гамера*, имевшая свой горький опыт узничества: «Ни о каком сострадании со стороны лагерной администрации к детям-узникам не могло быть и речи, так как здесь вообще не было понятий “добра” и “сострадания”». *Александра Филипповна Мацина*, будучи совсем маленьким ребенком, там, в концлагере, ночами «очень плакала и боялась, чтоб нас не расстреляли». *Василий Трофимович Лебедев* лаконичен в вопросе о том, почему выжил в лагере: «Молод был, потому и выжил. К тому же взрослые спасали детей ценой своей жизни».

Хотя, конечно, немцы были разные. *Мария Павловна Петриченко*, говоря о своем пребывании в берлинском концлагере, упоминает об одном из немцев-полицаев, которого узники называли «папаша». Он ненавидел Гитлера и говорил, что скоро придут русские и их освободят. А вот второй, начальник кухни чех Новак, стал для узников настоящим изувером. По словам *Надежды Степановны Труновой*, «в лагере добра мы не находили, а вот мирное население нас жалело и иногда подкармливало: то морковку подкинет, то булку хлеба найдем в траве». Но, по ее словам, «фашизм — это смерть», и лишь чудом она осталась жива,

едва не став калекой. Нацисты, глумясь над незащитными детьми, «экспериментировали» и потехи ради раздробили ей мениск ноги. Попав в Германию в 1943 г., *Ирина Васильевна Жадкевич* сначала была определена в многодетную семью в г.Швабахалле, на себе испытал лютую ненависть хозяйки, которая сильно била и плохо кормила невольников. Затем она была направлена в фермерскую семью в деревню Хазвельден, где к ней очень хорошо отнеслись, не обижали и не отказывали в еде. Когда объявили об окончании войны, хозяин Рудольф Бауэр лично доставил своих работников на городской сборный пункт. *Ольга Владимировна Новоселова*, будучи в те военные годы совсем крохой, вспоминает страшный и такой обыденный эпизод отправки в Германию на корабле. В ее семье было 5 девочек и один мальчик. Старых и больных оставили, и когда корабль отплывал, сарай с оставшимися узниками подожгли. «...На корабле... солдат заметил, что мы с сестрой больны, кожа да кости, и сказал матери: “Матка, я выброшу твоих детей (за борт)”. Мама умоляла не делать этого. Тогда он ответил: “Спрячь их подальше, чтобы их не было видно”. Мама (потом) говорила, что не все (немцы) бывают плохими людьми, и в этом было что-то человеческое». Да, что-то, действительно, было...

Для детей время в концлагерях остановилось, навсегда лишив детства и мгновенно превратив их в глубоких маленьких старичков. Именно так воспринимала оккупацию и пленение бывшая малолетняя узница Тамара Леонова-Иванько, заметив, что после войны «чувствовала себя древней-преддревней старухой»². Нижневартовец *Владимир Демьянович Атрохин* по этому поводу сухо замечает: «Мы рано повзрослели, мы не знали детства». Да и главной задачей тогда становились совсем недетские заботы. По словам

² Цит. по: Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье». Киев, 2001. С. 101.

Н.А.Гамера, «об играх детям (думать) было некогда, ... не до того совсем было.... Все мысли были о еде».

И совсем неслучайно новое и до сих пор вызывающее неоднозначную реакцию направление научно-исторического знания — так называемая «устная история» («oral history»³) появилась именно после Второй мировой войны, насыщенной кровавыми событиями и эмоциями столь мощного «болевого» диапазона, что требовался поиск не только новых источников, объектов, методов, но и современных технологий сбора источниковых материалов, научного языка, поистине рембрандтовских красок, а также равнодушного и честного исследователя. Хотя сам факт рождения нового направления и возросший интерес к новым исследовательским возможностям были предопределены появлением (в XIX в.), а затем и совершенствованием звукозаписывающей аппаратуры, что дало профессору Д.П.Урсу весомое основание увидеть в устной истории «дочь современной научно-технической революции»⁴. Это

³ В 1938 г. профессор Колумбийского университета Алан Невинс, впервые введший понятие «устная история», предложил создать организацию, которая систематизировала бы собранные и записываемые устные рассказы, мемуары американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны за последние шестьдесят лет. Через десять лет, в 1948 г. был создан Кабинет устной истории для записи воспоминаний людей, сыгравших значимую роль в жизни Америки. Уже к 1971 г. его сотрудники собрали две с половиной тысячи записей общим объемом почти в 350 тысяч страниц. В рамках данного направления издается целый ряд журналов, прежде всего, английские «Oral History», «Журнал Устно-исторического общества» и американский «Oral History Review». Аналогичные издания имеются в Канаде, Австралии и Бразилии. С 1997 г. Международная устно-историческая ассоциация выпускает свой журнал «Words and silences» («Слова и молчание») на трех языках.

⁴ Урсу Д.П. Методологические проблемы Устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 16. К 1930-м гг. значительно усовершенствованный аппарат звукозаписи использовался на радио, а через десятилетие появилась магнитная лента и бобинные

инициировало разработку нетрадиционных для исторической науки методов: прямое интервьюирование, «наблюдение изнутри», привлечение картографии, статистики, частных биографических материалов, а также устных свидетельств, что сближало историю с рядом гуманитарных наук, в частности, с социологией.

Создание с конца 1970-х гг. международных ассоциаций устной истории, научных фольклорных институтов и архивохранилищ (особенно в Скандинавии и Великобритании) положило начало коллективным международным проектам с институционализацией данного научного направления. Были созданы Международный комитет и национальные ассоциации исследователей, архивированы собранные массовые источники и начата их публикация. Конференции и симпозиумы, научные проекты, специальные исторические журналы постепенно не только сближали позиции представителей «устной истории» со сторонниками так называемой «традиционной историографии», но и примиряли их.

Но самым важным в развитии устной истории, на наш взгляд, явились ее *прикладные разработки*, итогом которых становилось *восстановление исторической справедливости*, особенно в отношении тех, кого долгие годы именно Россия отказывалась признавать за своих сыновей и дочерей. Во Франции члены «департаментов исторических

магнитофоны. В начале 1960-х гг. были разработаны уже их кассетные модификации. Это не только упростило сбор информации, но и поставило ряд серьезных методологических проблем, связанных с теоретическим обоснованием «научности» интереса к повседневому миру «совсем простых» и «очень знаменитых» людей, «маршрутами» поиска человеком собственной «экзистенции», а также правомерности использования «in publico» получаемых данных, их идентификации и самих методов обработки. Философские идеи экзистенциализма, постмодернизма и традиции социальной и антропологической истории стали теоретико-методологической базой для перспективных научных направлений исторического знания как «науки о человеке во времени».

комитетов» по изучению истории Второй мировой войны особо активно включились в работу по сбору и обработке сведений о европейском движении Сопротивления, его участниках и руководителях, осуществлявших активные боевые действия в тылу оккупированных нацистами государств.

Именно благодаря усилиям французских, бельгийских, норвежских, голландских историков были установлены имена и опубликованы исторические свидетельства о мужестве и удивительной смелости русских героев Сопротивления, сражавшихся бок о бок с европейскими братьями по оружию. Так мир узнал о *Василии Леонтьевиче Ваньшеве*, ветеране французского Сопротивления, жителе **Нижневартовска**, который еще *в 1993 г. (!) числился в списках репрессированных*. После войны на многочисленных допросах он говорил: «Я воевал против фашистов, да, был в плену, да, был в партизанском отряде “Маки”». А ему не верили СВОИ! И только когда в 1993 г. в посольстве Франции его признали ветераном французского Сопротивления, назначив пенсию и вручив медаль «За освобождение Франции» в дополнение к двум боевым крестам участника Сопротивления, он получил и в России орден Великой Отечественной войны II степени⁵.

История трех подруг, среди которых была мужественная русская девочка, комсомолка Галина Петрова из концлагеря Грини близ норвежской столицы, стала для норвежцев символом негибимости русского духа в самых нечеловеческих условиях. В результате поиска норвежских историков, удалось разыскать *Галину Николаевну Петрову* в далекой Караганде. И она, так же как Василий Леонтьевич, впоследствии была награждена многими норвежскими, а затем уже и российскими наградами, восстановив свое доброе имя десятилетия спустя. И все это — благодаря поисковой

⁵ См.: Местное время. 1996. 22 февраля (см. Приложение 3).

деятельности норвежских историков, занимавшихся разработкой проблем устной истории⁶. Материалы ее архива, ознакомиться с которыми и получить часть из них смогли члены нашей студенческой ассоциации «Память и будущее» в январе 2009 г. (см. Приложение 4), сегодня хранятся в Музее на Поклонной горе.

В Германии «устная история» развивалась параллельно с историей повседневности, прежде всего, периода национал-социализма, а также становления новой ГДР. В объединенной Германии до сего дня военная проблематика находится на острие большинства общественных дискуссий, несмотря на этап исторического «примирения и согласия». Был даже издан специализированный именной словарь, где представлены разные поколения исследователей, ставящих серьезные вопросы о грамотном изучении исторической памяти, в том числе, пусть и горького, но поучающего «наследия предков» с обменом результатами исследований с российскими коллегами. Во Фрайбургском исследовательском центре оказались сконцентрированы основные источники и начата реализация крупных исследовательских проектов по военной истории, особенно Второй мировой войны, с созданием многотомной ее версии. Примечательно, что именно в этом городе на чердаке одного из домов была обнаружена так называемая «фрайбургская коллекция», собранная нацистским чиновником, заинтересовавшимся символической стороной жизни остарбайтеров. К чести этого человека, в сложных условиях тотального психоза он сумел увидеть в невольниках людей, сохранивших свои традиции и человеческое лицо⁷.

⁶ Фиш Г. Подруги из Грини // Литературная газета. 1963. 2 июля.

⁷ См. об этом: Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции. 4–5 апреля 2005 г. Нижний Тагил, 2005. С. 66–68.

На базе устной истории появились и такие новые направления, как «альтернативная история», близкая к этнологии «история народов без истории», а также психоистория и военно-историческая антропология. В Британии в послевоенный период формируется новый научный подход — синтез истории, социологии, социальной географии и культурологии. На телевидении был проявлен интерес к созданию серии документальных фильмов, используемых, среди прочего, и для преподавания истории в младших классах. Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке создали общенациональный архивный резерв «*коллективной памяти нации*». То есть как раз то, что у нас в России с ее богатейшим историческим наследием лишь начинает создаваться.

С начала 1990-х годов устная история с ее впечатляющими исследовательскими и реконструкционными перспективами получила развитие и в России, являясь поистине «историографическим импортом». Правда, наша страна сравнительно недавно включилась в процесс интеграции национальной памяти, особенно Второй мировой войны. Но интерес к этой теме в последние годы возрастает, прежде всего накануне памятных дат: издаются журналы, книги, появляются проекты по изучению устной истории и самой исторической памяти не только на общероссийском, но и на региональных уровнях, в том числе и в Нижневартовске.

Учитывая, что именно в нашей стране отношение к устным источникам (например, былинам, песням и другим фольклорным формам) издавна приобрело форму устойчивой *историко-культурной традиции*, логичной видится *органичность восприятия* исследователями нового научного направления исторического знания. Вместе с тем современный этап работы с массовыми источниками так называемого «личностного звучания» и комплексами нарративно-повествовательного характера вызывает острые споры

в среде историографов и методологов, антропологов и социологов, не вполне преодоленные до сего дня.

Между тем еще в годы Великой Отечественной войны возродилась практика сбора устных свидетельств, когда сотрудники специально созданной Комиссии по истории войны выезжали на фронт, посещали госпитали, приглашали к себе участников войны, записывая их рассказы. Это позволило собрать несколько десятков тысяч записей, около четырех тысяч из которых в настоящее время содержится в Научном архиве Института российской истории РАН⁸. Однако послевоенный этап изменил ситуацию, не просто осложнив работу по сбору устных источников, но практически прекратив ее. Лишь в 1967 г. на кафедре научной информации МГУ была создана группа фонодокументации под руководством В.Д.Дувакина, собравшая внушительный фоноархив мемуарного характера. В 1960–70-е гг. исследования в области устной истории были сведены к сбору и публикации воспоминаний ветеранов войны и очевидцев событий военной поры⁹. Но с середины 1980-х появляются клуб устной истории Московского государственного историко-архивного института, затем Международная ассоциация устной истории на Украине. В ноябре 1989 г. в Кирове была проведена первая всесоюзная научная конференция по проблемам устной истории, итогом чего стало рождение Общества устной истории при ассоциации молодых историков. Существенный вклад в развитие этого

⁸ См.: Домановский Л.В. Устные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 194–239; Минц С.И. Устные рассказы жителей Малоярославца // Там же. С. 384–390; Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974; Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А.В.Гончарова. М., 1979.

⁹ См.: Мещеркина Е.Ю. Послесловие. Продолжение устной истории // Томпсон П. Устная история / Пер. с англ. М., 2003. С. 346–347.

направления внесла работа общества «Мемориал» по созданию объединенного архива личных документов эпохи сталинизма и репрессий. В 1990-е гг. в созданном Центре устной истории Российского государственного гуманитарного университета (г.Москва) совместно с обществом «Мемориал» и Советом по краеведению Российской академии образования стали проводиться ежегодные всероссийские конкурсы исследовательских работ школьников, которые использовали такие источники, как интервью, биографии и семейные предания¹⁰.

Центр устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге издал хрестоматию по устной истории¹¹, в Петербурге и Москве были созданы биографические архивы, проводились публичные конкурсы «историй жизни», а в Институте социологии РАН изучалась социальная мобильность россиян через исследование биографий трех поколений. Применение метода выборочных «глубинных интервью» способствовало изучению социологами жизненных стратегий молодого поколения. К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне историки из Твери реализовали полномасштабный проект по сбору устных рассказов о войне, записанных на территории трех областей – Тверской, Смоленской и Московской. Аналогичную работу провели курганские историки¹².

В итоге к началу третьего тысячелетия устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки в России. Более того, представители этого направления активно сотрудничают

¹⁰ См.: Социология в России. М., 1998. С. 143.

¹¹ Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В.Лоскутовой. СПб., 2003.

¹² Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / Под ред. О.Е.Лебедевой и М.В.Строганова. Тверь, 2005; Спустя полвека: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Курган, 1994.

с архивистами и музейщиками, радио и телевидением, создают целые источниковые комплексы, недооценивать степень важности которых недопустимо для историков: ведь уходят не просто поколения — уходит Память такой «исторической пробы», компенсировать провалы которой, полагаем, практически невозможно! И как тут не вспомнить С.О.Шмидта, бьющего тревогу именно по этому поводу: несмотря на увеличение численности вводимых в научный оборот российских источников и фактов, все более осязаемой, полагает глубокоуважаемый историк, становится *невосполнимость некоторых потерь, связанных с устным, «звучащим» словом, изображением, «живым» присутствием свидетелей эпох нашего быстро меняющегося времени как «ферментов устной истории»*^{13!}

Особенно актуальным это видится в отношении такой неизученной разноаспектной страницы истории Второй мировой войны, как *малолетнее уничество*, в том числе на базе психоистории — в рамках исследования особенностей детских воспоминаний в условиях фашистской плена, самого характера исторической памяти у детей-узников в соотношении с их взрослым осмыслением драматических воспоминаний военной поры, а также — резервов детского компенсаторного общения в условиях концлагеря, тех «образов детства», которые оказались пронесенными через всю взрослую жизнь бывших малолетних узников, оказывая влияние на последующую взрослую судьбу.

Между тем многие из жертв войны так и не обрели право на свой собственный голос, покинув этот мир не услышанными. Лишь единицы из уцелевших узников концлагерей, которых с каждым годом становится все меньше, получив это право, могут им воспользоваться в силу возрастных

¹³ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 104.

причин. Вместе с ними исчезает *«устная история»* как индивидуализировано-уникальная память о *их войне*, поскольку у каждого из современников тех страшных событий она оказалась своя. У одних — за бруствером окопов, у других — в тылу за токарным станком, а у третьих — в детском концлагере, где вместо колыбельной — автоматная очередь, вместо детской смеси — кусочек сырой картофелины. И то — если повезет.

Как вспоминает наша землячка, оптимистка и все еще красивая женщина *Ольга Владимировна Новоселова*, в концлагере немецкого города Рехлин «был немой немец, который возил на кухню брюкву, а мы бежали за повозкой, чтобы схватить брюквинку. Он, если замечал нас, кидал вилы. Мы не понимали, глупые, что он мог и заколоть нас». *Александра Федоровна Лебедева* пятилетней оказалась в числе угоняемых невольников: «Помню, как я бежала и часто падала в снег голыми руками... У меня были отморожены и руки, и ноги. Ноги мне оттерли, а руки долго болели... Опухшие руки... были подвязаны к шее, и я плакала от боли».

Принципиально важным в этих условиях становится разработка *методики работы с ТАКИМИ воспоминаниями и САМИМИ бывшими узниками*. Стремясь получить исключительной ценности информацию из крайне «специфичных» источников (что, собственно, и является стержнем всей исследовательской стратегии), важно помнить заимствованную нами у медиков *заповедь историка* — «*Не навреди!*»: ни человеку, ни истории, ни собственной совести, в том числе профессиональной.

Поэтому ассоциация «Память и будущее» *в меру своих сил и возможностей* пытается сохранить за историей «человеческое измерение» и, используя резервы устной истории, напомнить человеку смысл его пребывания на Земле (да простится нам столь громкое заявление). Эти направления и стали базовыми в работе молодежной студенческой

ассоциации НГГУ «Память и будущее», определившей собственную стратегию, разрабатываемую в рамках именно устной истории. Членами ассоциации был создан во многих отношениях уникальный документальный, фото-, видео- и аудиоархив.

Первая его часть, отражающая самый начальный этап работы нашей ассоциации, базируется на собранных *материалах опросных листов, анкет, воспоминаний* (частично оформленных самими бывшими малолетними узниками или их родственниками, либо записанных студентами со слов участников опросов и заверенных ими). Затем эти материалы были обработаны и оформлены в специальные источниковые блоки с фотографиями, помещенными в отдельные файлы для последующей работы с ними на *предмет сверки их соответствия друг другу, непротиворечивости* содержащихся в них данных и уточнения деталей¹⁴ для дальнейшей их публикации (см. Приложение 5).

Вторая часть состоит из *документального архива самих бывших малолетних узников концлагерей*, предоставленного нам обществом «Жертвы войны» (см. Приложение 6), а также — части резервного фонда *Музея на Поклонной горе* — в виде так называемых *«резервных подлинников»*, переданных ассоциации *Музеем истории Великой Отечественной войны*. Поэтому поиск, систематизация и архивация источниковых материалов, организация студенческой исследовательской работы на базе создаваемого нами архива при написании курсовых, дипломных работ и самой «Книги Памяти», а также *забота о их сохранности с последующей передачей* в соответствующее *государственное архивохранилище* — становятся генеральными направлениями деятельности нашей Ассоциации (см. Приложение 7).

¹⁴ Этот этап работы является важнейшим, поскольку несоответствия данных обнаруживались уже на этапе обработки в ряде воспоминаний и опросов наших ветеранов, что требовало внимательного сопоставительного их анализа.

Тем самым наше прошлое обнаруживает свое присутствие в настоящем самыми различными способами и, прежде всего, в виде определенной «перекодировки» памяти в форме письменных свидетельств о нем. И если письменные источники так называемого «официального происхождения» чаще всего отражают историю государства и его институтов, то *устные источники «личного происхождения»* обращаются к истории народа, его душе, причем позволяют сделать это напрямую, адресуя вопросы очевидцам происходивших событий, фиксируя полученную информацию, *не передаваемую потомкам никаким иным путем*. Данный «ключ с правом передачи», предназначен тем, о ком сказано: «имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит»!

В «устных источниках» выделяются два пласта содержащейся в них информации. *Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое, являя собой живую историческую традицию и своеобразную форму передачи социального опыта. А второй пласт – меморатный – представленный воспоминаниями очевидцев и участников событий, прежде всего, недавнего прошлого, но подвергнутый письменной их «перекодировке».* Подобные источники подразделяются на мемуары, воспоминания, устные рассказы, легенды, частушки, песни и т.д. Традиционно считается, что главная ценность устных источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, *как они отражаются в общественном сознании, сохраняя замеченный еще историком И.Д.Ковальченко массив скрытой в источнике информации*¹⁵.

В нашем случае источники «личного происхождения» презентуют как раз *меморатный* уровень памяти, становясь не просто свидетельскими показаниями, составляемыми на основе, конечно же, субъективных, *личных впечатлений*.

¹⁵ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 27.

Эта «memory» — как осколки не всегда точно зафиксированного следа памяти ребенка, но именно в нем скрыт важнейший исторический абрис того «образа лагерного мира», который малышом еще даже и не назван — это скорее болевой «пунктирный штрих». Как в случае с воспоминаниями *Валентины Даниловны Даниленко (Капустиной)* из Витебской области: «...Сколько было ... малышей, которые, так и не узнав себя, не познав ничего в жизни и ничего не понимая (курсив наш. — Н.С.), остались там навсегда... Мне вспоминаются маленькие перчаточки на руках ... годовалой или полуторагодовалой девочки... Но это долгий рассказ...»¹⁶. Авторская недоговоренность... и исчезнувший образ судьбы, о котором даже сил нет рассказать! Но за этим стоит символ величайшей трагедии тех лет — надругательства над детством, а значит — и самой жизнью.

Как известно, источники личного происхождения могут создаваться по «горячим следам» событий в форме дневников, записок и писем. Дневниковые и памятные записи (записные книжки) фиксируют впечатление автора непосредственно в ходе и вслед за свершением события почти синхронно. Однако, как показывает практика, более распространенной формой являются именно «воспоминания по памяти», а также мемуары. Вопрос о жанровом их разведении до сего дня является достаточно спорным, хотя, думается, критерии различий все-таки присутствуют. *Воспоминания* носят достаточно свободный характер, где автор счел возможным и нужным рассказать что-то очень важное *о времени* через собственное его восприятие.

Автором *мемуаров* выступает личность, ставящая четко оговоренную в предисловии цель — рассказать «*о себе во времени*», где и проявляются его наблюдательность, избирательный характер отношения к фиксируемым фактам и событиям, умонастроение, моральные и этические

¹⁶ Цит. по: Тимощенко Л. Дети и война. Даугавпилс, 1999. С. 254.

установки. И чем интереснее он мыслит и чем более со-звучными эпохе оказываются его замечания и выводы, тем более полифоничной становится его интерпретация событий и поступков людей.

Однако мемуары практически не встречаются среди опубликованных материалов узников концлагерей, военнопленных, репрессированных, штрафников, прошедших проверочную фильтрацию в советских лагерях, по вполне объяснимым причинам. Часто их «труды» шифруются как «документальное повествование». Иными словами, «субъективность восприятия», «доверенная бумаге» в *таких исторических условиях*, — вещь чрезвычайно сложная и чреватая разного рода осложнениями, когда самым важным становилось *не столько помнить, сколько уметь забыть*, передав чуть ли не генетически этот свой страх детям, разделившим участь взрослых в концлагерях. *Николай Александрович Агошков*, родившись в 1942 г., едва ли мог что-то запомнить. Сам он об этом говорит так: «Если бы я попал в лагерь постарше, то помнил бы больше. А я был маленьким — *даже повезло, что не помню ничего*. Старшие *только между собой* что-то вспоминают (курсив наш. — Н.С.)». Тем более, что и у юных узников до сего дня есть основания для «закрытия» отдельных тем и вопросов: слишком большая цена оказалась ими заплачена там, в немецких лагерях *самого разного типа*.

Поэтому далеко *не все можно рассказать бывшим малолетним узникам* — в этом пришлось убедиться самому редактору при работе с рукописями некоторых воспоминаний. Как показала жизнь, нередко даже самые близкие и родные люди не всегда способны понять и *простить* (!) то прошлое, за которое не несут ответственности *детузники!* *Счет должен быть предъявлен Истории!* *Да и нечестно это — еще раз ударить беззащитных по самому больному — их сломанной судьбе!* Как горько заметила *Надежда Васильевна Суманова*, «всего невозможно описать

и рассказать, это была бы целая книга страданий и унижений человека». Когда-то Иван Бунин написал пронзительные стихи по поводу пережитого им, завершив словами: «Да и кому рассказать? При искреннем даже желаньи — никто не сумеет понять всю силу чужого страдания!» Возможно, он оказался прав.

Поэтому появившиеся воспоминания этих людей редко становятся «занимательным чтением». Читателю нужно иметь не только крепкие нервы, но чуткое и сострадательное сердце, поскольку даже сегодня выдержать эмоциональное напряжение этих страниц крайне сложно. Как, например, поразивший нас рассказ очевидца — *Людмилы Степановны Муратовой*, президента Ростовской ассоциации борцов антифашистского сопротивления и жертв нацистских репрессий (см. Приложение 8) об одной из ежедневных драм, разыгравшейся в женском концлагере Равенсбрюк: «В немногочисленную группу чешек прибыла женщина весьма солидного возраста, очень спокойная и молчаливая, которую звали Анна. Она была певицей Пражского оперного театра. Первый рабочий день выпал ей в ночную смену, самое тяжелое рабочее время суток, когда очень хочется спать, но как раз именно тогда и наступал самый страшный момент развлечения эсэсовок, любивших устраивать массовые побоища и особо изуверские издевательства над заключенными женщинами. Эсэсовки, зная, что Анна оперная певица и видя в ней красивую, гордую женщину, не осмеливались ее унижать, а относились терпимо. Но в первую же смену ее заставили петь арии из опер с лестничной площадки». «Мы в это время, — вспоминает Людмила Степановна, — не знали опер, но слушали потому, что это был дополнительный перерыв. Потом она запела “Аве Мария”, и надо было видеть, что творилось в цеху: все упали ниц и молились. Молились все, кто знал или не знал молитвы, а я читала “Отче наш”, которому научилась в оккупации, и просила Бога вытащить меня из этого

кошмарного ада. Это был единственный случай, когда эсэсовки не били нас за слезы. Больше Анну мы в своем цеху не видели»¹⁷.

Воспроизводя наиболее важные со свидетельской точки зрения стороны действительности, источник стремится определить *свое место* в происшедшем, дать ему оценку, что делает его исключительно ценным для изучения психологических и бытовых аспектов развития общества, определения связи между событиями прошлого, для уточнения и исправления неполных, неточных или намеренно искаженных сведений других источников. В нашем случае особенностями такого рода свидетельств является авторский уход от травмирующей ситуации, зафиксированной памятью, но имеющей свой «код доступа», когда не всякая информация может быть донесена до современников без ущерба для собственной психики. Даже во имя высшей справедливости. **Василий Фавстович Шпаковский**, будучи взрослым, однажды увидел фотографии, где у отца и матери на груди были таблички с номерами. Попросив отца рассказать о лагерном прошлом своей семьи, он узнал, что их угнали в Германию весной 1943 г., когда самому Василию Шпаковскому тогда было всего-то 9 месяцев. Взрослые и дети постарше уже после освобождения старались скрыть свое пребывание в лагерях не только по причине «компроматного» восприятия их прошлого на родине. Болевой шок воспоминаний разрушал этих людей. В беседах с ними нашим студентам приходилось не раз слышать: «Все! Не могу больше говорить об этом! Сердце рвется!»

В контексте нашей темы воспоминания служат не только дополнительным, но в ряде случаев — даже *единственным источником*, поскольку «военная история» оказывается *пережита* человеком в течение не просто лет, месяцев, дней, часов, но минут и даже единственного мгновенья,

¹⁷ Муратова Л.С. Несломленные. С. 165–166.

за которым стояла или смерть, или жизнь (а она, как известно, у каждого своя). За первым — небытие. За вторым — воспоминания, а значит, бессмертие. Иначе чем можно объяснить ставшую известной много позже окончания войны судьбу знаменитой Матери Марии (Елизаветы Кузьминой-Караваевой), взошедшей на костер крематория вместо юной (в другой редакции — многодетной) узницы, что стало сегодня чуть ли не легендой, в правдивости которой современники сомневаются?¹⁸

Или рассказ *Михаила Александровича Компанейца* о своем поистине чудесном спасении от виселицы: «После многочисленных моих побегов, затем поимок с помощью гитлерюгенд, я оказался в городе Вохумфюнф — в штрафном лагере, где, отсидев 2 недели и получив № 3030, попал на шахту Гануфер (как потом оказалось, еще не самую плохую!), и вновь пустился в бег. И здесь попал в настоящий ад: лупили постоянно, вши ковром. Именно там я чудом остался жив, когда после четырех побегов меня приговорили к смертной казни в составе таких же трех узников. Уже были приготовлены 4 петли, поставлены скамейки, на которых мы должны были стоять. Но жена коменданта, любившая присутствовать на казнях (у нее даже был дамский пистолет), вдруг попросила своего мужа сохранить мне жизнь. Из разговора я понял, что комендант, напротив, хотел проучить на моем примере остальных... И все-таки я уцелел».

¹⁸ Символично, что задолго до своей гибели, она, тогда совсем юная 15-летняя красавица, как бы смоделировала собственный уход из жизни в романтических строках, которые критически оценил поэт А.Блок, собственноручно подчеркнув смутившие его строки: «В последний миг дорога может круто повернуть / Я гибели ждала перед последней смертной гранью, — / К высотам горным повернул земной, кремнистый путь...» (Цит. по: Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 56).

Думается, что все это позволяет говорить о важности пересмотра отношения к вопросу достоверности и самого статуса специфичного источника как «продукта устной истории», методологии его «перекодирования» в «новое» историческое качество — свидетельства, дающего во многих случаях источниковую информацию исключительной ценности с уникальной детализацией воспроизведения прошлого, «как оно было на самом деле», но в силу разного рода причин забытого или искаженного потомками. В свою очередь, это помогает определить *уровни идентификации* подобных «свидетельских показаний», подтверждающие точность и подлинность авторского варианта последних или опровергающие их.

Хотя очевидно, что воспоминания детей являются крайне специфическими источниками с присущими им ограничениями: «отсроченностью» создания и, в силу разного рода причин, выборочностью *«отпечатков»* (или *«опечаток»*) самой памяти, некоторым позиционированием как фрагментов воспоминаний, так и лиц, о которых автор хочет высказаться.

В нашем случае речь идет именно о *детской памяти*, которая в нормальных, мирных условиях бывает «проявленной» у разных людей в разные временные периоды. Одни помнят себя и события чуть ли не с младенческого возраста. У других «шкала запоминания» бывает выше — лет с 10—11. Детские воспоминания об условиях пребывания в концлагерях могут базироваться или на рассказах взрослых, или — более старших детей, поскольку узниками становились и родившиеся в самом концлагере, чудом выжившие там, поскольку режим содержания предписывал немедленное их умерщвление, в том числе, в топке печи. И тому есть ряд задокументированных подтверждений в материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии. В частности, по свидетельским показаниям И.М.Ратнера, в эстонском концлагере Клоога в феврале 1944 г. двое

родившихся детей были брошены живыми в топку кочегарки. Польская писательница Северина Шмаглевская показала, что когда газовые камеры Освенцима не справлялись с людским потоком, детей бросали в огонь живыми. Отчаянный детский крик стоял над лагерем постоянно¹⁹.

Нередко, вследствие пережитого стресса, память могла «пощадить» психику ребенка и стереть «негатив», используя язык психологии, инфернальных переживаний. С другой стороны, именно детская память обладает особо яркой фотографичностью запоминаемого, именуемой на бытовом уровне «цепкостью».

Став взрослыми «по паспорту», эти люди так и не перешагнули исторический рубеж длиной в несколько военных лет, поделивший их жизнь на «ДО» и горькое «ПОСЛЕ», когда в их судьбы оказались навсегда впечатаны вопросы «почему?», «за что?» и, если все-таки чудом удалось уцелеть в этом аду, то «каков высший смысл сохранения им жизни и какими силами он определен?». В личных беседах с этими людьми не всегда удается получить ответ на подобные вопросы, возможно, в силу того, что в них таится некий психологический детонатор. Хотя освободиться от *груза воспоминаний* такой разрушительной силы не всегда по силам даже взрослым. Единственный выход в подобной ситуации, когда *нет срока давности для мыслей о прошлом*, — это «поделиться» всем пережитым с теми, кто способен, сопереживая, помочь понять смысл «наследия несостоявшегося детства»!

Так, на съемках воспоминаний бывших узников-нижневартовцев **Виктория Викторовна Часыгова**, ставшая младенцем-инвалидом еще в концлагере, рассказала об ответе своей бабушки на вопрос, который ребенком мучил ее: почему она не такая, как все. Мудрая женщина объяснила

¹⁹ Из выступления В.Скрябина — замдиректора Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Судьба. 2009. № 2 (120). Март—апрель; Тимощенко Л. Дети и война. С. 124.

тогда своей внучке, что ее приход в этот мир стал своего рода индикатором человеческого в человеке, и по отношению к ней видно *божественное в людях*: одни способны любить, сопереживая, а другие — смеяться и оскорблять, издеваясь над увечьем ребенка. Над тем, в чем нет его вины и чем его «наказала» всемирная история!

Проверка степени достоверности воспоминаний начинается с изучения личности самого автора: ознакомления с его жизненным путем до описываемых событий, ролью в них, эволюцией его личности и др. Причем, если археограф не имеет готового текста воспоминаний, а получает его в процессе работы с автором, в том числе в качестве интервьюера, достоверность информации в значительной мере определяется уже самим выбором объекта воспоминаний путем уточняющего диалога с автором, определения «зон блокировки воспоминаний» и выяснение причин этого. В частности, при работе с материалами воспоминаний, анкетирования, ответов на вопросы в ходе живого опроса бывших малолетних узников концлагерей приходилось прибегать к сопоставительному анализу текстов воспоминаний одного автора, но записанных в разные временные интервалы, где могут иметь место непреднамеренные или произвольные искажения, либо, напротив, уточняющие детали хода событий, как, например, в одном из вариантов воспоминаний О.В.Новоселовой, где было ею сверху дописано: «Могла умереть, но выжила...» За этим многоточием скрываются вновь ожившие воспоминания.

Объем и характер искажения, фактологическая неточность, вызванная особенностями памяти, ретроспективный взгляд на события и их оценка с современных уже «диспозиций» — корректируются с помощью сопоставительного сравнения с имеющейся или специально изученной документально-архивной базой. При опубликовании источника, предназначенного для узкого круга специалистов, «коэффициент неточности» может быть большим, нежели

в издании, ориентирующемся на широкую читательскую аудиторию. Незначительные фактические неточности не должны отразиться на судьбе содержательной и в целом достоверной рукописи.

Работа по сбору воспоминаний участников событий распадается на два этапа: *определение круга* будущих авторов и *работа* с ними. Выбор методики для *первого этапа* работы зависит *в нашем случае* от *возможности* (состояние здоровья) и *готовности* (*психологическая адаптация*) людей поделиться именно с нами воспоминаниями о том, о чем они молчали долгие десятилетия. Для этого необходима серьезная подготовительная организационная работа, а во второй части — определение круга вопросов анкеты или интервью, которые бы максимально полно позволили дать репрезентативную и исчерпывающую информацию по интересующим нас вопросам.

При встречах студентов-волонтеров с членами общества «Жертвы войны» велись стенографические (протокольные) записи, шла работа с диктофоном с последующей расшифровкой материала. При этом *методика записи в процессе личной беседы*, как правило, проводилась в три этапа. *Предварительная беседа* помогала выяснить объем и характер сохранившихся в памяти автора сведений, а также служила толчком, активизирующим работу памяти. *Запись* осуществлялась силами двух-трех человек, один из которых вел беседу, а другой записывал полученные ответы. Запись датировалась и завершалась членами ассоциации (см. Приложение 9).

Записываемый текст воспоминаний, в свою очередь, проходил незначительную литературную обработку. Необходимость предварительной работы с текстом оправданна, другое дело — она не должна подменять собой как сами воспоминания, так и ту реальную, прочувствованную действительность, которую, к сожалению, не всегда возможно уложить в красивую литературную форму, особенно при

работе с материалом такого «жизненного напряжения», как воспоминания бывших малолетних узников концлагерей.

В противном случае можно получить не воспоминания, а ответы на вопросы, которые (даже если они и дадут ценный фактический материал) не передадут своеобразия как самой личности человека, так и условий, в которых он был вынужден находиться. Поэтому наиболее правильным является не однократное собеседование, а планомерная и достаточно длительная работа интервьюера на этапе записи ответов на вопросы, заполнения анкет, оказания помощи в написании воспоминаний. Тем самым человеку предоставлялась возможность *обстоятельно* вспомнить детали событий, *описать их такими*, какими их сохранила его память *в тот момент*, а все уточнения и дополнения *производить* по получению рукописи путем последующей работы с мемуаристом, текстом, архивными материалами (см. *Воспоминания членов общества «Жертвы войны»*).

Через несколько дней текст записи авторизировался, причем автор мог внести необходимые дополнения и уточнения с последующим документальным оформлением верности записываемого материала и подписью интервьюируемого. Дальнейшая работа с полученным материалом шла на оформительском уровне, где готовились специальные компьютерные формы с размещением фотографий и самого отредактированного текста воспоминаний. Столь серьезная предварительная работа должна опираться на установление рабочих контактов с архивами, историческими лабораториями, музеями, общественными организациями и энтузиастами-исследователями.

Особенно актуальным это становится при обращении к проблемам Второй мировой войны, которые напрямую выходят на роль личности в истории и ее ответственности, повседневную жизнь семьи в условиях оккупации, до сих пор не заживающие раны, оставленные теми трагическими событиями в душах не абстрактных людей «вообще», а еще

живущих рядом с нами бывших фронтовиков, малолетних узников концлагерей, репрессированных, членов наших семей, родственников. Эта проблематика требует интегративных усилий специалистов разного профиля для поисковой и аналитической работы именно с массовыми источниками, отражающими действительность как определенную общественную систему с привлечением статистики. Эта позиция известного методолога И.Д.Ковальченко оспаривалась Б.Г.Литваком, который акцентировал внимание на обстоятельствах порождения массовых источников в обыденной жизни и содержании информации, закладываемой в них *в момент создания*, что автоматически выводило статистику из числа массовых источников уже потому, что она является вторичной по отношению к повседневной жизни.

Однако очевидно, что сегодня решение ряда серьезных вопросов военной истории, в частности, так и не уточненных данных об общих потерях в Великой Отечественной войне, невозможно без обработки массовых источников, включая материалы «закрытой» статистики на базе соответствующих новых информационных программ работы с ними. Современные информационные технологии представляют собой методики, основанные на применении новейших технических средств (компьютеров, сканеров, модемов и др.) и соответствующего программного обеспечения. Как известно, использование количественных методов и компьютеров в 1960–80-е гг. привело к появлению ряда перспективных направлений, таких как «новая политическая история», «новая экономическая история» (эконометрия), «новая социальная история» в США, квантитативная история (клиометрика) в странах Европы, школа по использованию математико-статистических методов и ЭВМ в исторических исследованиях советских исследователей под руководством упомянутого И.Д.Ковальченко.

Особенно актуальным это видится применительно к созданию электронных «Книг Памяти», вобравших в себя

в том числе воспоминания бывших малолетних узников концлагерей. Такое издание становится не просто аккумулятором эмоционально-выборочных, разнородных информационных фрагментов, а той величайшей Победой Жизни над Смертью, где все ее «частички» сошлись *одномоментно на дате 11 апреля 1945 года* — дне освобождения концлагеря Бухенвальд (позднее этот день был объявлен Международным днем освобождения узников фашистских концлагерей), а затем великого Дня *9 мая 1945-го!*

Поэтому столь важным видится пересмотр отношения исследователей и к самой «устной истории», и к ее источниковому основанию — воспоминаниям, рассказам очевидцев, сохранившимся фотодокументам. Особенно, если речь идет о переживаниях, в редакции основателя школы «экзистенциальной психологии» А.Маслоу, «неимоверной психической силы». Тогда сама память о событиях, ставших их причиной, превращается в детонатор, разрушающий человека, что наиболее рельефно проявляется в условиях военных действий, делающих людей участниками, свидетелями, заложниками и жертвами **ОДНОВРЕМЕННО!**

Именно так случилось с судьбами тех, кто детьми оказались в эпицентре безумия Второй мировой войны. Они пронесли эти ужасающие воспоминания через всю свою взрослую жизнь, стремясь освободиться от них любой ценой и стать *как все*, с годами осознавая, что условием освобождения от *такой* памяти является ее обнародование, какой бы жестокой она ни была, т.к. срока давности для военных преступников не существует. Не должно существовать! И последние события с арестом лагерного изувера Ивана Демьянюка это подтверждают.

Тем самым уникальность рассматриваемого нами источникового материала едва ли требует дополнительного обоснования, учитывая, что данная проблематика была долгие десятилетия под строжайшим запретом. Прорыв «плотины умолчания» состоялся после событий XX съезда

КПСС. Прежде всего благодаря деятельности писателей Альберта Лиханова, возглавившего союз бывших малолетних узников концлагерей (БМУК), Сергея Смирнова, а также Героя Советского Союза, знаменитого Алексея Маресьева, собиравшего архив по истории советских узников концлагерей, где как раз были впервые систематизированы разного рода воспоминания. Хотя, полагаем, нужно продолжение комплексной научной работы по обработке и сохранению имеющихся архивов, в том числе у нас в Нижневартовске, Ростове-на-Дону, Новошахтинске и других местах, где собраны и могут исчезнуть уникальные исторические документы! И здесь, безусловно, нужна государственная помощь и поддержка.

Глава II

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ

Уютная довоенная Европа и представить себе не могла, в какой почти семилетний кошмар фашистского режима попадут ее жители, помнившие, казалось бы, ужасы еще Первой мировой войны. В одной из книг приключенческой серии о легендарном Штирлице периода его раннего «вживания» в роль будущего штурмбанфюрера СС, молодой тогда герой Юлиана Семенова стал свидетелем и участником, на первый взгляд, рядового случая, позволившего ему ощутить, пусть и на поверхностном уровне, суть германского фашизма. Неудачно припарковавшему крошечный авто Штирлицу никак не удавалось исправить ситуацию, за которой насмешливо и с каким-то особым удовольствием наблюдали два штурмовика, даже не предпринимая попыток помочь. И разведчик впервые осознал, что фашизм зарождается сначала в душе, там, где один человек получает наслаждение от неудобства, а затем и страданий другого. И уже *вслед за этим* идут насилие, кровавые преступления, войны.

Датский религиозный философ С.Кьеркегор, размышляя о предназначении человека на Земле, полагал, что человек начинается с мысли о смерти. Замечательный российский мыслитель М.Мамардашвили, напротив, считал, что человек-то как раз начинается *с плача по усопшему*. *Екатерина Васильевна Кожевникова*, попавшая в концлагерь г.Эссен 14-летней, переживала не только по поводу всего происходившего там лично с ней, но и о том, что у нее, тогда ребенка, не было даже времени *поплакать* над столькими ее подругами, погибшими в результате налетов авиации союзников.

Хотя, конечно, первыми жертвами войн всегда становятся дети и старики, но именно Вторая мировая придала этому процессу впечатляющую динамику «сатанинского проекта». Как было заявлено на международной конференции «Вторая мировая война глазами детей — бывших узников фашистских концентрационных лагерей», прошедшей в апреле 2009 г. в Южно-Сахалинске, по самой общей и отнюдь не полной статистике фашисты уничтожили в концлагерях более 13 миллионов детей. Как подсчитали историки, из каждых четырех погибших в годы Великой Отечественной войны один был ребенок! В Смоленской области, понесшей самые страшные потери из всех подвергшихся немецкой оккупации областей, погиб каждый третий ее житель, и до сих пор там не восстановлена довоенная численность населения! Нетрудно понять, что первыми здесь гибли именно дети. В одном только прибалтийском лагере смерти Саласпилс из почти 22 тысяч белорусских, украинских, русских детей были умерщвлены 20 тысяч¹.

Уцелевшим до сих пор не верится в то, что они живы, другим — что это вообще могло быть на самом деле. А третьим — не терпится вновь напомнить человечеству о «вечных ценностях» нацизма, как это случилось в конце января 2010 г. в Польше, где неонацисты, выкрав и распилив знаменитую металлическую надпись на воротах Освенцима «Arbeit macht frei» («Работа делает свободным») — попытались переправить ее своим шведским «коллегам», пренебрегающим уроками Второй мировой и ценой, уплаченной человечеством за чудовищный «эксперимент», поставленный над душами и телами миллионов людей, включая малолетних детей. Ребятишки самых разных национальностей и возрастов, ставшие «подопытным материалом» болезненно изощренной политики фашистской Германии и вивисекции ее «нового порядка», оказались

¹ См.: Судьба. 2009. № 2 (120). Март — апрель.

заложниками взрослой шизоидной игры за политические амбиции и власть над миром.

Одним из центральных звеньев этой «программы» стали немецкие концлагеря, или, как их называли в Германии, «кацет» (по двум латинским буквам слова «концлагерь»). Они были созданы после прихода гитлеровцев к власти в 1933 г. с целью изоляции политических противников и иных элементов, сразу же превратившись в важнейшую составную часть всей фашистской террористической системы. В соответствии с приказом Гиммлера в январе 1941 г. все лагеря были разделены на следующие категории: трудовые, пересыльные, строительные, еврейские, штрафные, для рядовых военнопленных и военнопленных офицеров и генералов, переселенцев и пр. Позже появились «специализированные» для женщин и детей из 20 стран мира, как, например, «маховик смерти» Равенсбрюк с многочисленными его филиалами. Затем стали даже создаваться единичные лагеря «национального переориентирования» (германизации) — например, лагерь в польском городе Константынув-Тухинген под Лодзью.

На территории Германии, Польши, Чехословакии, Австрии, не считая других оккупированных стран, имелось 1185 крупных лагерей различного типа: в Польше — 222, Австрии — 72, Чехословакии — 38, в немецких провинциях: Рейнской области — 51, Бранденбурге — 50, Баварии — 49 и Тюрингии — 33 и др.² И это — не считая тех, что располагались на оккупированной территории СССР, где формировались многочисленные «передвижные» концлагеря. Лишь по официально подтвержденным данным, в одной только Ленинградской области таких насчитывалось 49, в Новгородской — 45, Псковской — 26, а в совершенно разрушенном и залитом кровью захваченном Севастополе

² Семиряга М.И. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985. С. 69.

целых 5 концлагерей!³ И этот список можно продолжать, включая лагерь «местного перепрофилирования»: концентрационные лагерь уничтожения, фильтрационные, наблюдационные, переселенческие, транзитные, штрафные, трудовые, донорские, детские, подростковые, мужские, смешанные, а также предназначенные для членов семей советских офицеров.

В лагерь превращали не только конюшни, сараи, церкви, но и просто огороженные открытые места, как, например, страшный Озаричский лагерь смерти, созданный в марте 1944 г. приказом командующего 9-й армии генерал-полковника танковых войск Й.Гарпе у самого переднего края немецкой обороны (на болотах у пос. Дертъ, дер. Подосинник и местечка Озаричи). До сих пор в этой истории, обойденной вниманием отечественной историографии, остается множество «белых пятен», связанных не только с причинами и целью его организации (здесь впервые было предпринято умышленное массовое заражение узников тифом), но и с фактом непосредственного участия в разработке этого «проекта» самого Гитлера. За *несколько дней, с 9 по 13 марта 1944 г.*, из почти 60 тысяч женщин и детей в Озаричах погибла половина! При освобождении оставшихся в живых, по приказу командующего Первым Белорусским фронтом, маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского, на этой территории было развернуто 25 военно-полевых госпиталей⁴.

Малолетним узником Озаричского концлагеря оказался и наш земляк *Василий Григорьевич Алехно*: «Помню зиму. Огромная колонна женщин, стариков, детей. Все люди движутся в каком-то направлении. По обе стороны вооруженные немецкие солдаты с собаками и березовыми дубинами

³ См.: Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье». Киев, 2001. С. 553–563. Общая численность лагерей на оккупированной территории СССР до сего дня уточняется (см. Приложение 10).

⁴ Тимошенко Л. Дети и война. С. 76; Судьба. 2009. № 2 (102). Март–апрель.

в руках. У каждого на груди железная бляха. ... Утром мы очутились на огромной поляне в лесу. ... Кругом вышки с пулеметами. Так мы оказались в Озарическом лагере смерти..., (где) не было ни одного барака. Стояла зима: январь, февраль, март. Люди ложились на мерзлую землю. Кто-то утром вставал, а кто-то оставался лежать навечно. (Все) лежали вместе... Выйти из этого лагеря не было никакой возможности. 10 метров до колючей проволоки — ... люди или взрывались на минах, или их срезало автоматной очередью. Воды не завозили — топили снег и так пили воду. Было одно место возле проволоки не заминировано — там собирался народ получить хлеб, который солдаты из приезжающей машины порой бросали через проволоку голодной толпе... Кто поймает батон хлеба, тот выживал. Позже, будучи взрослым, читал один документ, подписанный Адольфом Гитлером, где говорилось, что при отступлении немецких войск, лагерь должен быть заражен сыпным тифом. Это должно было вызвать эпидемию тифа при контакте с Советской армией. Но что-то помешало. Так мы остались в живых».

Из самой России гитлеровцы вывезли 5 269 513 мирных граждан, включая несовершеннолетних. *Наталья Афанасьевна Гамера* вспоминает, что, ее «вместе с семьей (матерью, братом и сестрой) погрузили в вагоны — “телятники”, в которых было очень холодно, есть было нечего...». В вагоне была такая скученность, что люди, вспоминал бывший малолетний узник *Олег Михайлович Киселла*, «не имели возможности присесть — стояли плотно, прижавшись друг к другу. И ужас сковывал все тело, когда ощущал, что рядом с тобой стоит мертвый человек!...». *Матрена Ефимовна Шумейко* была уверена, что выжила в таких условиях только потому, что в дорогу ей мать насыпала мешочек сухарей, которые она сосала.

Разрастание «базовых» концлагерей и их многотысячных филиалов по всей Европе, включая саму Германию и особенно оккупированные районы СССР, было напрямую

связано с необходимостью наращивания объемов военного производства, особенно в связи с крахом «блицкрига» в условиях нехватки рабочей силы и резко увеличившегося многонационального, постоянно «возобновляющегося» живого потока рабов, хлынувшего с востока. Товарники с невольниками увеличили численность заключенных за период с сентября 1939 г. по март 1942 г. более чем в 4 раза, включая советских военнопленных, семьи партизан, угнанных гражданских лиц с оккупированных территорий СССР.

Так появились целые лагерные комплексы, превратившиеся в настоящие «комбинаты смерти». Например, самый большой лагерь Освенцим-Биркенау (1942 г.) как часть комплекса Аушвиц, был способен одновременно вместить 100 тыс. заключенных (и столь же быстро «сменить его население»), служа центром эксплуатации узников на промышленных предприятиях и лагерем смерти с четко отработанной системой отбора прибывавших людей: либо на работы, либо в газовые камеры, либо совмещая то и другое (см. Приложение 11).

Затягивание войны предопределило реорганизацию системы управления лагерями, первоначально осуществлявшегося начальниками лагерей. С 1934 г. руководство и охрану взяли на себя структуры СС, с конца 30-х гг. — дивизии «Мертвая голова». Затем была создана специальная управленческая структура («центральная служба “К”»), в ведении которой находилась концентрационная система в целом. С начала 1942 г. эта служба была заменена Главным административно-хозяйственным управлением во главе с Освальдом Полем, своего рода «менеджером смерти», предложившим сдавать за большие деньги заключенных концлагерей промышленным предприятиям, военным заводам и частным лицам.

Это был необычайно прибыльный бизнес, в результате чего изменилось и первоначальное назначение лагерей. До начала фашистской агрессии узниками концлагерей Дахау

(район Мюнхена, 1933 г.), Заксенхаузен (вблизи Берлина, 1936 г.), Бухенвальд (район Веймара, 1937 г.), Маутхаузен (Австрия, 1938 г.), Флоссенбюрг (восточнее Нюрнберга, 1938 г.), Равенсбрюк (севернее Берлина, 1938 г.) и др. были немецкие антифашисты, в первую очередь коммунисты, а также лица, преследовавшиеся по расовым или религиозным мотивам⁵. С 1939 г. число заключенных росло за счет превентивных оппозиционеров, включая католическое и протестантское духовенство, а также поступавшего европейского «контингента». С 1941 г. поступление живой силы превратилось в бесперебойный конвейер. Причем, как свидетельствуют сами узники, нередко их перебрасывали с одного «объекта» на другой, от одного хозяина к другому, как, например, *Ирину Васильевну Жадкевич*.

До конца 1942 г. не существовало отдельных барачков и блоков для детей. Первым подобный блок появился в женском лагере Равенсбрюк лишь в конце 1944 г., хотя дети попадали сюда еще в 1939 г. Его создание было связано с инспекционными поездками швейцарского Красного Креста, знакомившегося с условиями пребывания детей в лагере. Здесь жили матери с грудными детьми, иногда — двух-трехлетними. Но едва ли швейцарские миротворцы доподлинно знали, что после гибели матери ребенка, как правило, переправляли в Бернбург или Освенцим для уничтожения в газовых камерах⁶. Хотя не исключено, что этот «эпизод» ими мог быть и «просмотрен». Во всяком случае, недавнее обнаружение некоторых ранее неизвестных документальных страниц «реал-политик» швейцарского государства периода Второй мировой войны на предмет поддержания им *очень тесных* отношений с фашистской

⁵ Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 332, 338.

⁶ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка: Воспоминания заключенной № 10787. М., 1985. С. 139, 140.

Германией, вызвало скандал, корректируя сам образ «нейтральной» республики и объясняя ранее «всплывавшие» факты наличия секретных банковских счетов фашистской Германии в «недрах цюрихских гномов»⁷.

К тому же никакие международные конвенции, законы и обычаи войны, общие правила уголовного права в отношении советских граждан и уж тем более детей в концентрационных лагерях просто не действовали! Особенно в отношении членов партизанских семей, таких, как *Мария Митрофановна Цуканова*, родившаяся в 1937 г. в Брянской области, знаменитом партизанском крае: «Деревню сожгли, мы бежали в лес и находились в лесу партизанской зоны, жили в землянках. ... После поражения немецких войск под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге на борьбу с партизанами бросили несколько немецких дивизий. Немцы шли цепью, прочесывая лес. В мае 1943 г. мы попали в плен. Гнали нас несколько дней через сожженные деревни, где торчали только печные трубы. Пригнали в поселок Локоть Брасовского района, лагерь был обнесен со всех сторон колючей проволокой. ... Стояла виселица, вокруг немцы и их союзники — мадьяры, венгры и много полицаев. Людей сортировали, куда-то уводили, а кого-то тащили к виселице, при этом били прикладами автоматов, пинали ногами. Здесь ... до войны был известный на всю Россию племенной конезавод. Пришла война, ... конюшни завода стали тюрьмой. ... Стоял стон, людей набивали в стойла так, что не только лечь, но и даже сесть было невозможно». Ее земляк — *Владимир Демьянович Атрохин* также был из партизанского села Кокоревка, сожженного фашистами: «Все население... ушло жить в лес, (где) прожили ... два года, без соли, хлеба и других продуктов, питаюсь растительностью...

⁷ См.: Эрманн И. Новые представления об истории в Швейцарии и влияние советской истории // Историческое знание в современной России. Дискуссии и поиски новых подходов. М., 2005. С. 75—82.

В 1943 г. была облава на партизан Брянского леса. ... И я с тремя сестрами и двумя братьями и мамой также попал в плен. На вторые сутки ... нас покормили так, что запомнилось на всю жизнь. ... Сварили картошку в бочке, которую высыпали на землю, после чего каждый пленный должен был ... брать три самые крайние картофелины. Подошла моя очередь, самая крайняя ... была в морщинках-трещинах и я ее не взял, за что получил пять ударов плетки, да так, что рубаха моя на спине разорвалась в клочья». Потом — концлагерь в г.Резекне. «Труба крематория дымила круглосуточно. С пленными обращались хуже, чем с собаками, порка или плетка на каждом шагу».

Лидия Сергеевна Барановская, семья которой тоже оказалась в партизанской зоне, насмотрелась и хлебнула лиха, как говорят, «по полной программе»: трагическая гибель матери, не пожелавшей сдаться врагу живой, двух братьев-партизан, пленение власовцами — «красивыми русскими хлопцами», страшный концлагерь Озаричи, где при «сортировке» узников детей и стариков попросту сжигали. На ее глазах, немцы не смогли оторвать от матери малыша, крепко обвившего ее шею. Тогда они бросили их в погреб с водой, и их дальнейшая судьба неизвестна. По прибытии в Германию, попав на фабрику, она старалась навредить, обтачивая до бракованного состояния кольца. Правда, не знала точно, для каких именно целей предназначались детали, изготовлявшиеся на этом военном производстве.

Особенно много партизанских детей было в детском бараке в Освенциме. Более того, для них создавались даже специальные концентрационные лагеря, куда менее чем за месяц было переселено из смешанных лагерей 10 тыс. детей в возрасте от нескольких дней до 14 лет. Именно к ним применялись наиболее жестокие способы обращения: их гоняли в упряжке вместе со взрослыми, заставляя таскать бороны по минным полям, использовали как живой заградительный щит при проресывании лесных массивов в поисках

партизан, оставляли, как в упомянутом лагере Озаричи, на голодную смерть и замерзание на болотах.

В старом замке в селе *Горня Риека* в хорватском Загорье с первых дней оккупации располагался известный лагерь, преобразованный в июне 1942 года в лагерь для детей. Он получил название «детский дом», где в помещениях, зараженных сыпным тифом, было размещено 300 партизанских детей, мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет, которых доставили тремя партиями — 24 июня, 13 июля и 2 августа 1942 года. Уже к 13 августа 1942 года здесь умерли 150 детей, а 150 — были отправлены в больницы Загреба. Благодаря профессору Камило Бреслеру, которому вместе с группой женщин удалось вовремя вывезти их из «детского дома», было спасено около 100 детей. Детский дом в *Ясске*, существовавший еще до войны, использовался до июня 1942 года в качестве концентрационного лагеря. Затем он был расширен и превращен в специальный лагерь для детей. Управление лагерем находилось в руках монахинь конгрегации св. Винко Паульского. Здесь детей подвергали самым изощренным пыткам, в чем особое рвение, как ни странно, проявляли именно монахини.

Специальных инструкций относительно содержания и пребывания детей в лагерях вначале не существовало. «Правилами» внутреннего распорядка Равенсбрюка им запрещалось покидать блок; появляться на Лагерштрассе без сопровождения блоковых или штубовых. Нельзя было чему-либо обучать детей. Не разрешалось иметь игрушки, в дневное время малыши должны были тихо сидеть в углу. Если надзирательница видела плачущего ребенка, она его била и запирала на несколько часов в темную кладовую. В случае присутствия матери избивали и ее.

Впоследствии изданный ряд циркулярных документов четко определил характер использования труда заключенных. По прибытии в лагерь всех распределяли на работу. Перед этим людей «сортировали» и некоторых отправляли

к местным крестьянам или оставляли в лагере, а кому-то «ставили печать на лоб», но потом этих людей больше никто никогда не видел. По свидетельству самих бывших малолетних узников, все ребяташки, способные ходить, независимо от возраста, безжалостно использовались в концлагерях на самых разнообразных работах — от чистки туалетов в бараках до рытья окопов. 6—7-летние вместе с родителями гонялись на принудительные работы. 10-летние увозились по мобилизации отдельно от родителей на промышленные объекты.

Со слов старшего брата *Александра Николаевича Евсеенкова* — *Евсеенкова Евгения Николаевича* (1935 г.р.), при выселении всех жителей дер.Теребивль Калужской области их отправили до г.Рославля Смоленской области, где был своего рода сортировочный пункт. Детей отделили от родителей, собрав отдельно всех мальчиков от 8 до 12 лет и отправив родителей с «малолетками» в другое место.

Условия жизни тех детей, кто оставался в лагере, были, как правило, хуже, чем у тех, кто был продан крестьянам, так как часть хозяев понимали: чтобы работник трудился, его надо хотя бы сносно кормить. Хотя правил в этом вопросе не существовало. По воспоминаниям *Розы Адамовны Сосновой (Цимерман)*, члены ее семьи, угнанные в Польшу на сельхозработы и жившие в курятнике, питались очень плохо: «Взрослые старались подкармливать детей через отверстия оконных решеток, чем придется. ... Местные жители приходили посмотреть на нас, через колпачую проволоку, как на зверинец, (называя) “черноморскими свиньями”, потому что этап прибыл с Черного моря из г.Николаева».

Со слов матери *Тамары Николаевны Плецкой* — *Плецкой (Ивашенко) Анастасии Ивановны* и ее солагерников, с которыми Тамара Николаевна познакомилась, ведя поиск оставшихся в живых узников семейного блока лагеря Никласдорф, — на фильтрации в г.Граце (Австрия) ее родителей отобрали в составе 15 семейных пар на фабрику Бригль

Бергмейстера в 5 км от города Леобен: «Жили ... на чердаке автогаража в лагере за колючей проволокой. ... Еда — шпинат да «супок» из брюквы как подарок к праздникам и маленький кусочек хлеба. 15 женщин работали на бумажной фабрике, вымешивая древесину в чанах-штофах с кислотой». Из восьми родившихся детей в живых осталось четверо. «Через месяц после моего рождения мама сильно заболела крупозным воспалением легких, и нас отвезли в частный госпиталь в Леобен, где за больными ухаживали монашки из местного костела. Благодаря этому мы остались живы. У мамы не было молока, и меня подкармливали женщины-австрийки из палаты, лежащие рядом с нами».

Особую значимость в глазах фашистского руководства приобретало использование детей в качестве доноров для солдат германской армии и проведение массовых медицинских экспериментов. Забор детской крови в концлагерях был поистине «поставлен на кровавый поток» (хотя не вполне понятно, как это укладывалось в нацистскую концепцию «чистоты арийской крови»). И даже совсем малыши хорошо понимали, что единственной ценностью в глазах лагерной охраны являлись шприцы с набранной в них детской кровью как пропуском в жизнь, хотя бы еще на один день. И они с готовностью шли на сдачу крови, понимая, что это — отсрочка смерти. Данному факту имеется множество подтверждений, как в официальных документах, так и в воспоминаниях жертв.

Факт систематического забора крови у детей лагеря Салспилс подтвердили 33 очевидца. К данным свидетельским показаниям присоединились бывшие малолетние узники концлагерей Димитравас, Освенцим, Равенсбрюк и др. По воспоминаниям *Ады Родиной*, бывшей пленницы концентрационного лагеря Алитус, был специальный барак со множеством приспособлений и трубочек. В него помещали детей — маленьких доноров и каждый день брали у них кровь. Перед этой «процедурой» ребятишки должны

были хронически голодать, т.к. только такая очищенная детская кровь могла быть влита в кровеносную артерию «арийской» Германии.

Те дети, которые выжили в донорских бараках, саму процедуру не помнят, так как их перед взятием крови поили какой-то «белой болтушкой из бутылки» или давали таблетки, от которых память притушлялась и дети просто теряли сознание. Нижневартовец *Леонид Ефимович Качан* свидетельствовал, что уже после того, как у детей (в том числе и у него, шестилетнего) забирали кровь, им еще что-то вводили вовнутрь. Во всяком случае, все это не могло не отразиться на здоровье малолетних узников, вплоть до инвалидности, сокращая жизнь тех из них, кто дожил до нашей великой Победы. Иногда сдавшему кровь ребенку давали конфетку, за что тот говорил палачам: «Спасибо».

Выкачивание крови продолжалось до тех пор, пока ребенок не умирал. Тогда его просто выкидывали в ров, где было массовое захоронение, как ненужный использованный «материал». Туда же сбрасывались и еще живые дети, но обескровленные и потерявшие сознание. Такая участь постигла и *Аду Родину*. Ее спасла женщина, которая раздвигала трупы перед тем, как столкнуть их в ров. Именно она и увидела, что девочка еще жива, и тайком унесла к родственникам в лагерьный барак. Родные долгое время ее выхаживали, пряча от надзирателей, обычно отправлявших на смерть слабых и больных детей⁸.

В большинстве случаев фашисты уничтожали маленьких детей сразу, особенно грудничков и детей до 12 лет. Как, например, в Освенциме, где, согласно предписанию, детей этого возраста, лиц старше 50 лет, а также больных, преступников, которые доставлялись в вагонах со специальными табличками, немедленно отправляли в газовые камеры⁹.

⁸ Родина А.В. На детстве моем войны отметина. Саратов, 2003. С. 115.

⁹ Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993. С. 337.

За нечеловеческие условия, в которых здесь находились люди, Аушвиц получил название «anus mundi» — «клоака мира». К августу 1944 г. заключенных насчитывалось 500 тыс., а в январе 1945 г. — 700 тыс., из которых почти 50% составляли дети. Лагеря обрастали массовыми захоронениями, им «на помощь» приходили крематории, отправлявшие узников, как цинично заявляли гитлеровцы, «в небеса».

Ужасающая антисанитария, издевательства эсэсовцев, инфекционные болезни, голод, медицинские эксперименты, непосильный труд каторжников, холод — все это способствовало тому, что «загруженные работой» газовые камеры и крематории не успевали «оперативно» справляться с заданиями по уничтожению груд сваленных мертвых тел (которые доставлялись к крематорию и детьми) и планомерно «регулируванию» численности «населения» концлагерей. *Надежда Терентьевна Храмова* вспоминает, что от угона спасались, чем могли, еще не зная точно, что ожидает их впереди, но предчувствуя беды: «Симулировали болезни, чистотелом натирались, заводили чесотку и вшей, немцы страшно этого боялись». За неудачное бегство из лагеря она с подругами была наказана: «...Вернули в лагерь и посадили в карцер (цементные сидения, комната не больше нашего туалета, без окон, лишь одна дверь). ...Били, не разбирая по голове или ногам. В лагерь пришла немка и забрала к себе на работу, убирала у нее золу из печи, стирали до тех пор, пока пальцы до самых костей не стирались, очень жестокая была хозяйка». Затем немцы угнали в другой лагерь: «Было все равно, ребенок ты или взрослый человек, немцы не щадили никого. Здесь немцы вели себя особенно жестоко, заставляли людей себе же копать ямы для могилы, потом ставили людей в ямы и расстреливали, (узники) друг друга же и закапывали, все это происходило и при детях, и взрослых. Конечно, и среди немцев находились такие, которые нас жалели, некоторые нас подкармливали. Но в целом — страшно!»

Высшее фашистское руководство часто посещало лагеря, видело убийственно тяжелый труд, издевательства и опыты над детьми, безжалостное их использование в качестве доноров для солдат Третьего рейха и относилось к этому не просто как к рядовому «дисциплинарному» явлению, а как к части хорошо продуманной военно-экономической программы, обязательной к выполнению. Так, согласно телеграмме гауляйтера Майера в июле 1944 г. главному «куратору» распределения рабочих потоков с Востока Заукелю, необходимо было предпринять меры по усилению угона из России в Германию детей 10–14 лет для работы в военной промышленности¹⁰. В сердцах фашистов не могла возникнуть жалость к детям-узникам, поскольку «этот материал» ни в коей мере не соотносился в их представлении с понятиями о «семейных ценностях». Хотя многие из этих людей имели и любили своих собственных, как, например, комендант одного из лагерей, позволявший в дни рождения своей дочурки ей самой производить выстрелы по тому количеству отобранных маленьких узников, которое совпадало с числом исполнившихся ей лет. Документальные свидетельства о подобных «презентах любящего отца» стали обвинительными на Нюрнбергском процессе.

Да и сама фашистская доктрина Гитлера по «обезлюдению» территории СССР была сформулирована достаточно четко: «Населению более северных районов России, особенно городскому, придется страдать от жесточайшего голода. Они должны будут или умереть, или мигрировать в Сибирь. ... Следствием такой политики будет угасание промышленности и вымирание большего количества человеческих существ в и без того малоллюдных регионах России». И он действительно стремился реализовать свое

¹⁰ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М., 1985. С. 223–224.

предписание, считая славян «низшей расой», которую в будущем следовало частично уничтожить, а частично превратить в послушных рабов. Евреев, цыган — уничтожить полностью. В особый список на уничтожение попадали коммунисты и комсомольцы, а также деятели искусства и интеллигенция в целом¹¹. Патологическую ненависть почему-то вызывали актеры Малого театра, театра им. Вахтангова, списки актерского состава которых были составлены еще перед началом войны.

Нередко среди прибывших заключенных были беременные женщины, которым, согласно специальной директиве Управления питанием и сельским хозяйством фашистской Германии под названием «Обращение с беременными женщинами не немецкой национальности», чаще всего врачи СС в принудительном порядке прерывали беременность, так как беременные не были полноценной рабочей силой. Для этого их специально изнуряли на очень тяжелых работах, заставляя поднимать тяжести, либо просто избивали, вызывая тем самым преждевременные роды. Такая «процедура» обычно заканчивалась смертью и матери, и ребенка. А если ребенок рождался живым, то обязательной практикой становилось умерщвление новорожденных надзирательницами или медсестрами-эсэсовками, как, например, в лагере Равенсбрюк, где бывали случаи, когда новорожденных просто кидали живыми в печь.

Но даже если дитя все-таки рождалось, у истощенных и истерзанных женщин не было молока, и дети погибали в первые же дни. Лишь у единиц была возможность кормить детей, некоторым удавалось за паек выменять что-либо из одежды и даже спасти новорожденного. Но это — исключение. Как правило, фашисты сознательно запрещали

¹¹ См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. С. 338; Преступные цели — преступные средства. С. 32—34.

кормить детей¹². По воспоминаниям польской акушерки концлагеря Освенцим-Бжезинка *Станиславы Лецинской*, «самой ужасной была судьба родившихся детей: они медленно угасали от голода. Кожица на их тельцах становилась прозрачной, пергаментной, через нее просвечивались сухожилия, кровеносные сосуды и кости». «Из всех пережитых трагедий особенно сильно врезалась в память история одной женщины родом из Вильно. ... Не успела она родить, как ее номер был зачитан для отправки в крематорий... Она завернула ребенка в грязную бумагу и прижала к груди. Ее губы беззвучно шевелились, видимо, ей хотелось спеть малютке колыбельную... Но она обессилела, не могла выдать из себя ни звука, только слезы катились из-под опущенных век, падая на головку крошечного смертника»¹³.

В появившихся блоках матери и ребенка были книги регистрации родившихся, где вписывались дата рождения, имена матери и ребенка, национальность, имя сестры-заключенной, помогавшей при родах, и уже через несколько часов, дней или недель рядом с датой рождения проставлялась дата смерти. Тетрадь из Равенсбрюка удалось спасти. Она стала еще одним документальным свидетельством злодеяний фашизма на Нюрнбергском процессе. Самые страшные пытки фашистские нелюди изобрели для евреек — их заставляли душить собственных детей своими руками. Русских младенцев, как правило, тоже не оставляли в живых, даже для опытов. Для этого после родов врачи «забывали» перевязать пуповину, и ребенок погибал. В Освенциме выжили только те, которые родились незадолго до освобождения лагеря.

¹² Мельникова Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в фашистской Германии. 1933—1945. М., 1988. С. 83; Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. С. 143.

¹³ Кароляк Т. Рапорт акушерки из Освенцима // Польша. 1983. № 9 (344). С. 16—19.

В случае сопротивления женщин наказанием служила все та же газовая камера. Матери, обезумев от горя, пытались, как могли, защитить своих детей. Одних бессилие отупляло, другим, напротив, придавало энергию, с которой эти бледные тени, когда-то бывшие красивыми и цветущими женщинами, начинали бороться за жизнь не только своих собственных, но и совершенно чужих им детей. Как, например, жительница Ялты *Анна Павловна Польщикова*, спасшая жизнь 17 детей, появившихся на свет в концлагере Освенцим. Она вопреки категорическим запретам, родив сына и имея лишнее молоко, тайно выкормила чужих ребятшек, правда, при этом едва не потеряла своего собственного¹⁴ (см. Приложение 12).

Или упомянутая узница *Станислава Лецинская*, которая, приняв за 1943–1945 гг. почти 3 тысячи родов, все-таки сумела сохранить жизнь 30-ти новорожденным. В ее почти сорокалетней мирной акушерской практике не умерла ни одна мать, ни один ребенок. Но лагерным итогом была, как правило, смерть дитя. Ставшая известной ее записка, состоявшая всего из нескольких страниц, была названа «Рапорт акушерки из Освенцима»: «Внутри барака, — писала Лецинская, — с двух сторон высились четырехэтажные нары, где на грязных сенниках со следами запекшейся крови и кала лежало по 3–4 женщины... В центре находилась печка с двумя топками на концах. Это было единственное место, где принимались роды... Протапливали здесь редко, несколько раз в год, так что стужа, особенно зимой, стояла такая, что мороз буквально прошибал до костей, ... с крыши свисали длинные ледяные сосульки. Тридцать коек, находившихся вблизи печки, и составляли так называемое родильное отделение»¹⁵.

¹⁴ Недавний А. Мама из Освенцима // Труд. 2001. 11 мая; Коломиец В. Дети из ада // Крымская газета. 2005. 27 января.

¹⁵ Кароляк Т. Рапорт акушерки из Освенцима. С. 16.

Из воспоминаний *Сильвии, дочери Станиславы*: «Через несколько дней маму вызвали к лагерному врачу. Он приказал ей уничтожать всех младенцев сразу же после их появления на свет». Лагерному врачу, известному изуверу Йозефу Менгеле в ответ на его требование немедленно приступить к «акции», она бросила: «...Никогда! Нельзя убивать детей!» На удивление, ее не отправили в газовую камеру. Сама Станислава Лещинская писала: «До мая 1943 г. всех детей, родившихся в лагере, убивали самым жестоким образом: топили в бочке... После каждых родов из комнаты двух немок-акушерок до нашего слуха доносилось громкое бульканье и иногда — довольно долго — плеск воды. Вскоре после этого несчастная мать могла увидеть тельце своего ребенка перед баракom, все изглоданное крысами»¹⁶.

Концлагерь и для взрослых-то был непосильным, нечеловеческим испытанием. А для ребенка — тем более. Длительные страдания, изнуряющие холод, голод, болезни, страх быть сожженным в печи крематория, расстрелянным или забитым палками через час, завтра или через несколько дней, — все эти невообразимые страдания для маленького, но уже все понимающего человека были той реальностью, которая сродни страшному сну. «Четкий порядок» психического и физического уничтожения детства и материнства приводил к страху, ступору и депрессии. Тем более, что ежеминутно дети становились свидетелями ужасающих садистских расправ над ними.

В концентрационном лагере смерти Трешлинка, по свидетельству очевидца, дети, едва поспевая за обреченными на казнь взрослыми, бежали вслед. Но и в этом последнем походе к газовым камерам их ожидала смерть в лице эсэсовца Цэпфа. Обладая огромной силой, он специализировался на убийствах именно детей, выхватывая из толпы ребенка и либо, взмахнув им, как палицей, бил головой оземь,

¹⁶ Кароляк Т. Рапорт акушерки из Освенцима. С. 18.

либо раздирал пополам. Все это происходило на глазах матерей, которые ничем не могли помочь своим малышам и просто сходили с ума. А фашист, получая какое-то дьявольское удовольствие, злорадно хохотал¹⁷.

Медицинской помощи в нормальном, человеческом ее понимании, практически не было, а если она оказывалась, то силами специально обученного персонала из самих эсэсовцев, которые, как правило, использовали единственный способ радикального «излечения» — инфекционное заражение, вливание детям растворов, приводивших к диарее с заранее спрогнозированным исходом — крематорием. В Саласпилсе, например, заставляли глотать разнообразные средства и таблетки, от которых дети теряли зрение или погибали через какое-то время. Давали отравленную кашу и кофе, и от этого в день умирало по 150 человек. Вместо того чтобы лечить больных детей, немецкие врачи с дипломами давали детям пищу, содержащую мышьяк, от которой дети умирали мучительной смертью. В одной только Латвии гитлеровцы сожгли, расстреляли, удушили и живо закопали 35 476 детей.

И без того измученные дети оставались совершенно одни, без матерей и близких, в лагерях, где их ожидала неизбежная смерть. Весной 1944 года в лагере Биркенау был организован блок для близнецов, куда поступили около 700 тыс. детей. Доктор Менгеле, который отнюдь не был главным врачом лагеря, так «увлекся» медицинскими экспериментами, что вошел в историю как «главный» лагерный садист, ставивший чудовищные опыты. Он отбирал во всех прибывавших партиях именно близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в особом блоке находились и маленькие дети, и подростки. У них брали кровь и после проведения экспериментов измеряли результаты. Даже его помощник Иоганн Пауль Кремер, прибывший

¹⁷ Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. С. 99.

в Аушвиц в 1942 году после работы в университете Мюнстера, с огромным «научным интересом» наблюдая массовые казни в газовых камерах и фиксируя свои наблюдения в дневнике, записал: «Впервые присутствовал на специальной акции. Дантов ад кажется комедией по сравнению с тем, что увидел я. Не зря Аушвиц называли лагерем уничтожения!» (см. Приложение 11).

С 1943 г. начали «татуировать» заключенных концлагерей. Дети подвергались данной процедуре на общих основаниях, правда, с одним отличием — общий порядковый номер выжигался у них на ноге, так как, состоящий из пяти цифр, он просто не помещался на маленькой детской ручонке.

В концлагерях «обычный» день ребенка, даже полугодовалого, который должен стоять (!) рядом с матерью на плацу (на руках мог находиться лишь грудничок)¹⁸, начинался с подъема в 4 часа утра. Дважды в день, утром и вечером, при любой погоде всех собирали на перекличку. Иногда она затягивалась на несколько часов, служа своего рода наказанием, либо развлечением, когда фашистам было особенно скучно. От такого неподвижного простаивания изможденные дети валились с ног, теряли сознание. Их запрещали поднимать, и нередко по окончании аппеля на земле оставались окоченевшие трупы. Плохо одетые, дети подолгу стояли под дождем и снегом, на пронизывающем осеннем ветру. В лютую зимнюю стужу они обмораживали себе ноги, простужались и заболели.

По свидетельству узницы Акилины Лелис, особенно страшной была судьба тех еще не ходивших или только ползавших 500 крох из концлагеря Саласпилс, которые были без матерей брошены на произвол судьбы в отдельный барак. Они лежали на нарах голые, грязные, перепачканные настолько, что не было видно даже глаз. Стояло зловоние.

¹⁸ Тимощенко Л. Дети и война. С. 103.

Женщины решили бороться за детей, скрытно пронося воду, перебив их всех, сшив им из найденного рубашечки и пеленки. Но эти дети были обречены¹⁹.

Дети от 6 до 12 лет работали во «внутренних командах» на территории лагеря. Они убирали двор лагеря от окурков, камешков, бумажек. Потом следовала команда: «Разбросать мусор!» И опять все «до отупения» начиналось сначала. В Саласпилском лагере подростки по 12 часов носили грунт с одного места на другое, а потом оттуда — на прежнее. У всех было только одно желание — поскорее добраться до нар.

Дети старше 12 лет работали во «внешней команде», надрываясь у станков, на заводах, фабриках, мастерских, на сельскохозяйственных работах в поле по 12–17 часов ежедневно. В Освенциме детей заставляли работать «командой» по 15–20 человек: на лямках тянуть повозки с разным грузом, но чаще — отвозить трупы умерших к специальному блоку, где их складывали и увозили в крематорий. За малейшее нарушение трудовой дисциплины, за брак в работе виновных строго наказывали. «Саласпилские дети», все без исключения, рассказывают о таком наказании, как «стоять час или два с метлой, не шелохнувшись».

Так называемое «питание» предполагало на завтрак — пустой эрзац-кофе, коричневая жидкость из желудей, в котором ценилась узниками гуща: хоть что-то еще попадало в сжатый спазмами от голода желудок, — и маленький кусочек хлеба, перемешанный с опилками. На обед — крапивная похлебка без малейших признаков гущи. Суп-баланда мог быть из отходов с кухни для лагерной охраны, из испорченной чечевицы или гороха, из мерзлой картошки, брюквы или шпината. Нередко в «зуппе» плавали черви. «Меню» отражало время года: весной — суп из крапивы, осенью — из кормовой свеклы или капустных листьев и

¹⁹ Там же. С. 129.

кочерыжек, часто загнивших и с землей, зимой — из перемерзших овощей.

Дневная норма хлеба: 75 граммов неработающим детям, 150 граммов — работающим. Многие малыши шли работать, чтобы только получить эти дополнительные 75 грамм. Выдавали его «маленькими кусочками 20 на 5 см, который растягивался на 4 дня». Такой хлеб был достаточно тяжелым из-за его состава, поэтому выдаваемая порция была совсем крошечная. Примечательно, что сам рецепт хлеба, так называемый «Osten Brot», был утвержден Министерством продовольствия Германии, где 40% — отжимки из сахарной свеклы, 30% — отруби, 10% — целлюлозная мука из листьев или соломы, и 20% — древесные опилки! Этот хлеб — черный, клейкий, тяжелый, с неприятным запахом, скорее напоминал замазку, но даже такой хлеб — жизнь, и свою пайку дети проглатывали сразу же. От такой пищи все тело покрывалось фурункулами. Гнойные нарывы приносили страдания детям. За ночь глаза слипались от гноя (конъюнктивит, трахома). Бывшая малолетняя узница Саласпилса *Аня Красовская* говорит, что из-за фурункулов она могла спать только в одной позе: опершись на лоб и на коленках²⁰.

Угон миллионов людей в рабство, массовые убийства и глумление над беззащитными людьми имели свой график, нормы, сроки поквартального и месячного выполнения — и все это при строгом педантичном документальном оформлении. Вот почему приближение окончания войны вынуждало фашистов срочно уничтожить *все следы* своей деятельности, особенно «отчетной». Согласно приказу Гитлера, ни один человек, находившийся в концлагерях, не должен был попасть в руки союзников. Особенное рвение демонстрировали эсесовцы во время печально знаменитых «маршей смерти» 1945 года, когда оставшихся в живых

²⁰ Подробнее см.: Тимощенко Л. Дети и война. С. 139.

узников всех лагерей перемещали с целью ликвидации на этом последнем их пути.

Всего с января по апрель одного только 1945 г. было уничтожено: в концлагере Заксенхаузен — 41332 узника, Берген-Бельзек — около 37000, Маутхаузен — 35572, Дахау — 13158, Бухенвальд — 13056²¹. Скорее всего, это неточные и заниженные данные, т.к. значительную часть документов о жертвах лагерей фашистам все-таки удалось уничтожить. Оставшихся в живых узников, перегоняли на территорию других лагерей с этой же целью, по дороге уничтожая. Так, при «эвакуации» 59 тысяч узников концлагеря Ордруф в Дахау 12 тысяч погибли как раз во время такого перехода, из них больше половины были дети. Уцелевшие так и называли эту дорогу — «марш смерти».

Можно ли понять разумом происходившее, ведь даже взрослым это оказалось не под силу, что уж говорить о детях, так и оставшихся на долгие десятилетия впоследствии наедине с вопросом, до сих пор открытым: «Так что же это было и во имя чего *именно моя судьба* оказалась заложницей истории?» Да и документальные свидетельства, включая фотографии, сделанные самими эсэсовцами, потрясают настолько, что человеческий разум отказывается верить в реальность всего происходившего тогда с *человеком* — тем, кто оказался беззащитной жертвой, но также и тем, кто стал его палачом. Что же это за грань в человеке, преступив которую один превращается в преступника и зверя (см. Приложение 13), а другой — в нечеловеческих условиях голода, постоянных унижений и страха смерти жертвует собой ради совершенно чужого ему существа?

²¹ Якушевский А.С. Внутренний кризис Германии в 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2. С. 62.

Глава III

«ОБРАЗЫ ДЕТСТВА» В УСЛОВИЯХ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА

Как известно, «мы все родом из детства». И ключ к нему – в тех образах, которые помогают ребенку взрослеть, осваивать и постигать чужой и незнакомый для него окружающий мир. Он «выстраивается» в сознании малыша в виде фантазийных, радостных и поразительно талантливых символов, за которыми стоит и первый детский познавательный опыт, и наследие предков, и ангел-хранитель впервые произнесенного слова «мама». И пропустить этот этап взросления – значит не прожить одно из самых волнующих и важных приключений ребенка в мире взрослых! Процесс социализации детей, их вхождения в жизнь, полную звуков и красок, эмоций и запахов, тактильных прикосновений и ощущений безопасности или, напротив, тревоги – это богатство образного мировосприятия, как справедливо замечал классик, – от солнца и молока матери, «помноженных» на любовь как фактор первостепенной важности в развитии ребенка.

Согласно «Словарю русского языка» С.И.Ожегова, «детство, -а, ср. – детский возраст, детские годы». И далее курсивом: «*друг детства*»¹. Здесь нет *антитезы* – «враг детства», т.к. это нелогично и просто «не звучит». «Зазвучало» разрывами бомб и фашистскими концлагерями с их по-немецки педантично спланированными массовыми «эксзекуциями» – расстрелами, повешениями, сожжением живых, медицинскими экспериментами уже в 1941-м «огненном» году: «Она такой вдавила след, и столько наземь положила, что десять лет, и двадцать лет живым не верится, что живы». Константин Симонов ошибся в одном – в хронологии. По сей день не верится, что *всё это просто БЫЛО*, произошло с детьми, пронесшими ужасающие ночные

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 150.

лагерные сны через всю свою послевоенную взрослую жизнь. В польском городе Лодзь, где в годы войны в одном из кварталов этого города фашисты устроили детский концлагерь, готовя малышей для отправки в лагеря уничтожения, есть памятник — огромное разорванное материнское сердце. Наверное, само небо должно было разорваться над этим местом. Но это случилось лишь с материнским сердцем.

В украинском языке есть поразительное слово «*Перемога*» — «Победа». Оказавшись в фашистском плену, матери делали *невозможное*, чтобы сохранить своих детей. Так, с шестью малышами на руках, один из которых был еще грудничком, мать *Марии Васильевны Соболя* по дороге из своей белорусской деревни сумела всех их сохранить и спасти, находясь уже в немецком концлагере! А мать *А.Ф.Лебедевой*, шедшая на фашистскую каторгу с пятью ребятишками, привязала шестимесячную кроху полотенцем к старшему брату, сама неся на руках их трехлетнюю сестренку. Как вспоминала Александра Федоровна, ее сестра умерла в Брянском лагере, а мать — в Белоруссии. Чего стоила эта дорога в германский «рай» матерям — сегодня даже представить невозможно... А они сумели все «перемочь» и победить смерть, ведь спасенные ими жизни собственных малолетних птенцов, вырванных войной из родного гнезда, также стали «первокирпичиком» процесса Освобождения. Как капля крови в большом и тогда едином кровеносном потоке, питавшем нашу общую Перемогу — Победу!

Запретительный мир концлагеря, заполненный насилем и жестокостью с его нечеловеческими законами не выживания, а мгновения-существования, за которым стоял реальный призрак «газовки» (на детском сленге узников — название газовой камеры), ломал законы природы и человеческого общества. Исключение чувственного опыта (что-то трогать, рассматривать, пробовать рукой, ногой, зубом) лишало ребенка представлений о том, что можно и нужно делать, какие образы вслед за этим возникают и каковы

границы самого освоения мира. Внушавшаяся полная беспомощность и отсутствие у ребенка позитивных условий взаимодействия с окружающими, становящимися немотивированно опасными, свертывание разговорного опыта, так необходимого для развития речи и мышления, изымали у детства самую Душу.

Последствия нахождения детей в подобных «военнопенитенциарных» условиях фашистского плена наложили тяжелейший отпечаток на дальнейшие их судьбы. По своей природе ребенок не выносит долгого и бездеятельного стояния и сидения на месте, уставая от духоты, скопления людей и громких звуков. Между тем многочасовые апелли на плацу, сверки численности узников при любой погоде, немотивированная ненависть нацистов к детям, холод, голод, болезни, заборы крови и эксперименты, страх быть сожженным в печи крематория или забитым палками через час, завтра или через несколько дней — все эти невообразимые страдания для крошечного человечка были той ирреальностью, которую он также учился постигать с единственной целью — уцелеть в этой кровавой мясорубке, по существу решая серьезные взрослые задачи!

Ребенок, как улитка, «уходил в себя» от непонятно агрессивного мира взрослых, переставал улыбаться, меняя стереотип своего поведения на защитный — страха и апатии. Этим и спасался от полного духовного опустошения. В результате, как показывает опыт общения с бывшими малолетними узниками, мало кто мог полно и объемно рассказать о себе и происходившем с ним там, в лагере. Либо, напротив, как *Раиса Максимовна Червинская*, которой в начале войны было всего 7 лет, в беседе со студентами произнесла примечательную фразу: «Помню очень много, но не обо всем хочется вспоминать». «...Немцы гнали нас как скот, если кто не успевал идти — расстреливали. Это было жутко и страшно!» В собственноручно записанных ею в 1998 г. воспоминаниях («Личных переживаниях о пережитом в те годы») она расшифровывает контекст последней фразы: в колонне

угоняемых она, совсем тогда кроха, грамотно анализирует смертельную ситуацию и ведет себя, как взрослый и отдающий отчет в своих действиях человек: «Еще страшнее, как немцы расстреливали стариков, которые отстали от колонны. Я помню, как хотели расстрелять и мою мать с маленьким братиком на руках. Я умоляла их не убивать маму, так как нас было много маленьких у нее». На удивление, в тех диких условиях она сумела быть убедительной.

Конечно, дети более старшего возраста понимали, насколько данная ситуация безысходна, реально осознавая смертельную угрозу их жизни, так же, впрочем, как и их родители, пытавшиеся защитить своих детей. Там же, где дети были изолированы от взрослых, те, что постарше, пытались в меру своих сил стать хоть какой-то опорой младшим. Так, например, в детском «партизанском» бараке Освенцима медленно умирали дети всех возрастов — от грудных до подростков. Пятилетние уже ни на что не жаловались, казалось, перестав быть детьми. Старшие нянчились с младенцами и малышами, приглядывали за ними, всячески оберегая их от жестоких эсэсовок. По существу они выполняли материнские функции, по-своему сопротивляясь фашизму.

Роман Францевич Логваль, родившийся незадолго до войны в 1940 г. в деревне Белица Жлобинского района в Белоруссии, со слов старших поведал историю о том, что приближение фронта зимой 1944 года привело немцев в ярость, и они решили остановить советские войска с помощью распространения тифа. Его заболевший отец умер. Старшую сестру Марию, заболевшую тифом, немцы забрали из дома и вывезли в лес, а всех жителей на машинах — сначала в Жлобин, затем узники оказались в первом лагере в районе деревни Рудня: «Лечь было невозможно, везде была вода. Собрав вещи, сложили в кучу и, взгромоздившись на нее, переночевали. Утром всех немцы построили в колонну и мы пошли дальше. Но очень много стариков и слабых маленьких детей остались там умирать. Второй лагерь был на возвышении. Воды не было. ... Началась давка,

и немцы открыли стрельбу... Истрадавшиеся люди от жажды и голода не нашли выход. Посредине был туалет. Содержимое вычерпали, (но) вода прибывала и ее пили. ... На утро вновь пришлось идти и опять без крошки во рту. Многие истощенные жители бросали своих детей. ... У меня в лагере отнялись ноги... Но мать меня не бросила. За юбку матери держались брат Алексей и сестра Люба, а меня мать несла на спине. Третий лагерь находился недалеко от деревни Озаричи. Здесь мы прожили до конца освобождения Белоруссии. Дальше вспоминать нет желания и тяжело. Вот так прошли мои детские годы».

Война против СССР, говорилось в приказе командующего 4-й танковой группой генерал-полковника Гепнера от 2 мая 1941 г., «должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника». Противником оказалась вся Россия, включая неродившихся и совсем малышей. Их убивали вместе с родителями, группами и по одиночке, в детских домах, больницах, заживо хороня в могилах, бросая в огонь, отравляя и производя опыты, направляя в концентрационные лагеря, где дети умирали от голода, пыток и эпидемических заболеваний.

Война была объявлена даже самой природе детства. Принципиально важным фактором гармоничного взросления является физический контакт с матерью — «открытие», о котором знают все, даже самки млекопитающих: новорожденному малышу он необходим, чтобы *развиваться*. В противном случае клетки организма отказываются эволюционировать. В каждой из них — часть генома, отвечающая за производство энзимов роста².

² Серван-Шейбер Д. Погладить ребенка, чтобы он... вырос // *Psychologies*. 2009. Январь. № 34. С. 150; Лукьянова И. Стой смирно! // *Ридерз дайджест*. 2008. № 10. С. 33.

В состоянии покоя или опасности эта система перестает работать, и тело впадает в своего рода спячку. Проще говоря, ребенок, попавший в подобную ситуацию, ПЕРЕСТАЕТ РАСТИ, а сам организм испытывает мощный стресс консервации возрастной программы, которая сродни состоянию мгновенного старения, поскольку эволюционная система оказывается заблокирована! Несмотря на авторитетное мнение известного психолога И.Козна, прошедшего лагерный ад («как физическая, так и духовная приспособляемость человека очень велика, по крайней мере, намного больше, чем я считал возможным»), глядя на бывших узников, понимаешь, что адаптационно-защитные механизмы человека все-таки небезграничны.

В итоге ребенок, так и не исчерпав свой резерв социализации, по существу до конца своих дней остается неопытным в коммуникативном плане, а сама структура его личности бывает искажена, даже если ребенок и рождается с уникальным набором генов. Но личностью ему предстоит стать, а условия концлагеря, как правило, исключали такую возможность. С другой стороны, он одновременно превращался в маленького старичка, неспособного отныне «радоваться жизни, как ребенок», и в эмоциональном плане *угасал*. Таким образом, речь может идти о так называемом состоянии депривации, своего рода психическом голодании на эмоциональном, социальном или сенсорном, чувственном уровне.

Как выяснили чешские психологи, занимавшиеся изучением проблемы последствий пребывания детей разных возрастов в фашистских концлагерях, у малолетних узников появлялся целый «букет» психических деформаций в виде острейшей *депривации, социальной изоляции и сепарации*, под которой понимается не только болезненное отделение ребенка от матери, но и всякое прекращение его связи с социальной средой. Причем сепарация отражается равным образом как на ребенке, так и на его родителях (особенно матери), переживающих также повышенную тревожность и

страх. Также было установлено, что даже тяжелый травматизм во время военных действий *не вызывал таких глубоких и стойких отрицательных последствий, как хронические психические лишения и детская изоляция в концентрационных лагерях.*

Судьбы детей, прошедших через них, оказались поистине трагическими. У них наблюдались явные нарушения психодинамики. У детей 1–3 лет отмечались признаки грубой задержки психофизического развития уровня олигофрении в стадии дебильности. Большая их часть вообще не говорила. Процесс социализации был резко замедлен. Они были небольшого роста, испытывали панический страх перед животными, особенно собаками, постоянную боязнь за сохранность еды, игрушек, одежды. У бывших малолетних узников разных возрастных групп в послевоенный период проявлялись недоверие к окружающим, боязнь чужих людей, агрессия к миру взрослых, стремление привлечь к себе дополнительное внимание, в том числе посредством преувеличенных жалоб на здоровье. Вся гамма сложных психологических переживаний обнаруживала себя в рисунках, стихотворениях, рассказах детей, которые больше страдали от потери семьи и родного очага, нежели от физических лишений³.

В СССР подобные исследования едва ли велись, учитывая саму обстановку тех лет и соответствующее отношение власти к узникам концлагерей в целом — не как к жертвам, а как к предателям и негодьям, которым не должно быть места в советской жизни.

Наталья Афанасьевна Гамера вспоминает о последних днях войны: «Наступил апрель сорок пятого. Все чувствовали, что война близится к концу. <...> Мы стали мечтать о возвращении на Родину, но оказалось, что рано радовались. Впереди была проверка на благонадежность в фильтрационном лагере, где допрашивали, как предателей. Немцы так издевались над нами, а дома нам не верили — обидно до слез!»

³ Буйнов М.И. Беседы о детской психиатрии. М., 1986. С. 55–56.

Хотя информация о страшных преступлениях фашизма стала известной лишь после того, как были освобождены первые узники. Советские солдаты, много чего повидавшие за столь длительную войну, впервые столкнувшись с концлагерьями, как свидетельствуют очевидцы, были просто потрясены всем увиденным. Особенно — маленькими узниками.

Плакать детям запрещалось во всех лагерях, а смеяться звонким, заливистым и радостным смехом они уже разучились или даже не умели. Единственной радостью становилась еда и возможность выжить. Дети напоминали подбитых птенцов и одновременно маленьких старичков, одетых в полосатые грязные, затасканные куртки с рукавами, свисавшими с маленьких плеч, словно подстреленные крылья. Но глаза их были совершенно взрослыми. Непосильный труд, истязания, побои, постоянная сдача крови быстро доводили каждого ребенка до истощения. Дети в таких условиях стремительно теряли силы, тем более, что в лагере надо было все делать быстро, чтобы выжить. Быстро встать, быстро — в очередь за едой; быстро ее получить: хлеб и миску желудевого кофе. Свою миску никому не давали, так как боялись, что украдут. А если не было посуды, то даже такой еды не получали. Поэтому ложку и посуду для еды всегда носили с собой. Мгновенно съедали хлеб. Потом — бегом на апельс, затем — к воротам для построения на работу. В противном случае следовало наказание. Так, *Мария Антоновна Васильева* вспоминает, что в лагере часто «били прикладом автомата и по ногам, и везде давали. Били за малейшую провинность. ... Один раз не успела добежать на проверку. Меня сильно ударил один немец по лицу, а потом автоматом по голове и отправил в комендатуру».

Бывшая узница Освенцима, польская исследовательница *Янина Косцошкова* выделяет в основном *четыре группы детей в концлагере*. *Первая* — подлежала ликвидации непосредственно по прибытии транспорта на место. Если ребенка держала на руках мать, в крематорий шли оба.

Вторая группа — уничтожавшиеся в утробе матери или сразу после рождения. Беременные женщины считались обреченными. В 1943 г. эсэсовцы даже изобрели формулу: «Женщины имеют право рожать, *но рожденный ею ребенок не имеет права жить!*» Третья группа — рожденные в лагере дети, не уничтожавшиеся, а отнимавшиеся от матерей. Сюда входили дети так называемого «нордического типа» и те, кто был «годен» для опытов (в частности, близнецы), или по каким-то иным признакам «заинтересовавшие» лагерных врачей-убийц. Четвертая группа — это дети-заключенные, массовое появление которых приходится на 1943—1944 гг. Это были дети из семей участников интернационального движения Сопротивления, советских партизан. Их сознание было парализовано страхом, они постоянно находились в нервном напряжении и ожидании смерти. По ночам им снились ужасы. «Каждый уцелевший в концлагере ребенок, — подчеркивает Янина, — совершал настоящий подвиг — подвиг выживания»⁴ в условиях тяжкого до изнурения труда, мучительного голода, спертого барачного воздуха, зимой — холода, хронического недосыпания, вшей и блох, грязи и гноящихся ран, постоянных эпидемий, издевательств, страха. Это были не только хорошо продуманные формы унижения и уничтожения детского лагерного «балласта», но и «образы» того детства, где за каждым шагом ребенка стояла цена, просчитать которую в тех условиях было непосильной задачей даже для взрослых. Тем более, что условия *этой задачи* изначально подразумевали такой ее знаменатель, как смерть. Жизнь становилась исключением.

А потому — детство сопротивлялось с помощью взрослых заключенных. Ярким примером тому является история концлагеря Терезин, где художница Фридл Дикер-Брандейсова стала учить маленьких узников рисовать. Сила

⁴ Цит. по: Литвинов В. Коричневое «ожерелье». Киев, 2001. С. 82—84.

личности Фридл была такова, что вместе с ней рисовали почти все малыши, жизнь которых с ее помощью наполнялась смыслом созидания и творчества, вплоть до последнего момента, когда вместе с этой мужественной женщиной их депортировали в Освенцим и там уничтожили. 4500 сохранившихся рисунков детей из Терезина, — быть может, самое яркое подтверждение возможностей самореализации человеческой личности в нечеловеческих условиях и обвинительный документ, созданный детскими ручонками.

Легендарный Янош Корчак сумел в жутких лагерных условиях спасти души детей, обогрев их своим теплом и разделив с ними общую смертную долю, шагнув в бессмертие. В Бухенвальде по решению Центра Сопротивления взрослые организовали подпольную школу для детей разных национальностей 7–12 лет. Русские и венгры, немцы-антифашисты и датчане, французы и чехи помогали ребятишкам учиться грамоте, счету, чтению, нелегально обеспечивая их карандашами и бумагой⁵. Узницы из картона, оберточной бумаги вырезали буквы, цифры, сшивали тетради. Дети не знали, как выглядит обычный дом, комната или кухня, что такое фрукты, какие животные, кроме лагерной собаки, вшей, крыс и птиц, пролетавших над лагерем, существуют. И в условиях лагерной жизни им трудно было объяснить самые обычные вещи, создать образ того, о чем ребенок не имел даже элементарного представления, зная лишь «чудесный вкус» случайно доставшейся сырой брюквы, картофеля или морковки с ботвой.

Взрослые тайно рассказывали детям сказки и истории, пытаясь передать хотя бы минимальные знания, которыми обладали сами. Это формировало у маленьких узников

⁵ Чекрыгина Е.А. Подпольная школа в концлагере Бухенвальд // Студент и научно-технический прогресс. Материалы XLVI международной научной студенческой конференции. 26–30 апреля 2008 г. Новосибирск, 2008. С. 195–197.

смысл, интерес к жизни, появлялась цель и желание творить, несмотря на жесткий распорядок, который строго соблюдался в лагере. Умывали их после общего утреннего аппеля. Женщины-узницы тайно следили за проветриванием помещения, за тем, чтобы дети делали зарядку — все это в тишине, не давая обнаружить себя и вызвать немедленные «акции». Детей быстро научили различать команду «Ахтунг!». Услышав ее, они выстраивались в одну шеренгу по стойке «смирно», глядя прямо перед собой.

У многих детей-сирот в лагере появлялась «лагерная мама», которая заботилась, воспитывала и пыталась защитить. Их отношения были не менее сердечными, чем между родными матерью и ребенком. И если ребенка посылали на смерть в газовую камеру, отчаяние его лагерной матери, сохранившей ему жизнь своими жертвами и лишениями, не знало границ. Эсэсовки тоже порой выделяли своим вниманием какого-либо ребенка, до той поры, пока он им не надоедал и живую игрушку посылали в газовую камеру или крематорий, как, например, начальница женского концлагеря Биркенау **Мария Мандель**, которой было 30 лет. Она успела поработать в лагерях смерти Лихтенбург и Равенсбрюк. «Коллеги» описывали ее как чрезвычайно умного и преданного своему делу «специалиста». Узники же называли чудовищем, испытывавшим искреннее удовольствие от процесса отбора заключенных, особенно детей, для отправки в газовые камеры. Одного ребенка она даже взяла на время под свое покровительство — подкармливала и баловала, а когда он ей наскучил, внесла его в список на уничтожение (см. Приложение 11).

Днем, когда родные и лагерные матери были на работе, за детьми присматривали дежурные. И дети охотно помогали им. В течение дня нужно было чем-то занять детей, чтобы они хоть на какое-то время забыли чувство страха, холода, голода, тоску о матери, в чем могла помочь лишь игра. Но игрушки были запрещены. Поэтому ими становились

пуговицы, камешки, пустые спичечные коробки, цветные ниточки, катушки из-под ниток, а оструганный кусок дерева был особенно дорог: из него можно было сделать некое подобие куклы. Ребенок мог играть лишь тайком, иначе надзирательница отбирала даже эти примитивные игрушки и жестоко наказывала ребенка.

Однако узникам младшего возраста в каком-то смысле было легче пережить заключение, так как кроме этого «мира» они никакого другого не видели и не представляли себе жизни без издевательств, избиений и рабского труда, реальной каждодневной угрозы смерти и пыток. А вот детям старшего возраста было намного тяжелее: они помнили прежнюю, довоенную жизнь на родине, запах замечательных маминых пирогов, уют домашнего очага. Именно поэтому между маленькими узниками был неписанный закон: не говорить о еде, стараться не вспоминать своего такого далекого мирного прошлого с его теплом и любовью, во всяком случае — разговоры на эти темы не должны были вызывать слезы.

Поразительно, но в таких нечеловеческих условиях среди детей выживали те, кто уже с детства воспитывал в себе силу духа, желание жить. И хотя именно они болезненней переживали внешние проявления лагерной жизни, это не оказывало на них такого разрушительного действия, как на детей, ослабших духовно. Вся энергия мобилизовалась на выживание. Не было неврозов, психозов и многих иных психопатологических состояний, которые так часто встречаются в современном мире в мирное время. Поэтому среди крох и смертность была соответственно очень высока: они еще не успели нарастить свой духовный «панцирь», да и по всем правилам нацистской игры в смерть были изначально обречены.

У всех узников, по мнению специалистов, наблюдался «KZ-синдром» — либо с постоянно присутствующей тревогой, суетливостью или, напротив, заторможенностью,

апатией и другими психосоматическими проявлениями. Но сильная личность, даже если это еще ребенок, порой оказывается способна внести свои коррективы в подобную симптоматику, утверждая жизнь. Хотя здоровья в последующие зрелые годы это вряд ли прибавляло: чересчур сильный стресс «впечатывал» свой след в судьбу.

Сегодня медики и психологи констатируют, что длительная экстремальная ситуация, в которой находились малолетние узники концлагерей, самым отрицательным образом сказалась на здоровье подавляющего большинства из них, вызывая цепную реакцию заболеваний, в первую очередь, естественно, сердечнососудистой системы, легких, почек, желудочно-кишечного тракта, низкий порог защитных сил организма. В своей оценке специалисты единодушны: среди бывших малолетних узников *нет и не может быть здоровых людей*.

У ребенка, прошедшего испытание концлагерем, во взрослой жизни в будущем обязательно возникают проблемы, связанные, прежде всего, с психическим и моральным здоровьем. Они страдают повышенной чувствительностью ко всем мелочам, навязчивым воспоминаниям, что является симптоматикой посттравматического стрессового расстройства. Врач Колле заключает: «Язык психиатрии слишком беден, чтобы выразить в понятиях все то, что наблюдает эксперт при обследовании этих людей»⁶.

Но даже питание было рассчитано таким образом, что лагерный рацион позволял оставаться в живых лишь в течение первых 3-х месяцев — а дети пребывали там дольше. Поэтому выжившие знают, какой ценой обернулась эта «удача»: по статистике, продолжительность жизни бывших малолетних узников на 10 лет меньше. Хлеб из древесных опилок, по мнению медиков, разрушал организм, нарушал обмен веществ. А там, где к нему примешивали еще 30%

⁶ Цит. по: Тимошенко Л. Дети и война. С. 136.

костной муки, бывшие узники мучаются остеохондрозом – окостенением позвоночника, синдромом преждевременного старения, импотенцией и бесплодием. Зачастую в еде присутствовали различные химические вещества, которые сказывались впоследствии не только на будущих детях, но и внуках. В лагерях девочки-подростки получали эрзац-кофе с бромом, чтобы прервать менструальный цикл. Позднее, эти девочки так и не смогли стать матерями. У тех, у кого все же сложилась семья, часто рождались ослабленные, больные дети. «Эхо» лагерных лет доносилось и до послевоенной жизни, сделав «контрольный выстрел» по уцелевшему будущему! *Тамара Григорьевна Зуикова*, глядя на собственную внучку Дашеньку и вспоминая свое лагерное детство, до сих пор не может представить, как ей, такой же по сути маленькой девочке, довелось пережить все ЭТО и остаться в живых!

К сожалению, никакой статистики о том, какие психоневрологические расстройства у бывших малолетних узников из СССР были и каков их удельный вес на сопоставительном уровне среди других групп населения, не существует. Поэтому неизбежно обобщение на уровне воспоминаний и аналогий, а живых свидетелей осталось мало, да и тем не всегда хочется вновь вспоминать пережитый ужас⁷. Так, на глазах *Анны Трифильевны Красовской*, уроженки пос. Шпоги Даугавпилсского района, маленькому мальчику (лет трех) штыком прокололи живот, а потом застрелили и его мать: «Такого зверства я не могу забыть до сих пор». *Мария Павловна Петриченко*, возвращаясь из немецкой неволи домой, ехала через Белоруссию и «в Хатыни видели поле,

⁷ Появившиеся лишь недавно материалы по данному вопросу, к сожалению, носят «гипотетически общий» характер из-за невозможности восполнить недостающие свидетельства и данные обследований. См., напр.: Власенкова Е. О психологических особенностях людей, находившихся в концентрационном лагере // Судьба. 2009. № 2 (102). Март–апрель; Высоков М. Повседневная жизнь ребенка в нацистском лагере // Там же.

усыпанное волосами и черепами». *Валентина Фроловна Зотова* была слишком мала, чтобы хорошо помнить период оккупации, но забыть, как «старшего брата немцы подвешивали к потолку за пояс пальто и долго смеялись, а мы с мамой стояли и плакали», — не могла. «Потом его хотели расстрелять. ... Совсем маленькую сестренку 1941 г. рождения в ящичке выбрасывали на улицу на мороз за то, что она плакала. Мама выбегала и брала ее в свою шубу. Так и ходила с ней весь день. Нас они закрывали в холодном чулане». *Иван Михайлович Юдин* чудом избежал смерти, когда его, 14-летнего подростка, вместе с другими жителями сожженной брянской деревни под конвоем загнали в скотный сарай, забили досками: «И как поняли мы после, нас хотели расстрелять и заживо сжечь, так как наша деревня относилась к партизанскому району и поэтому подлежала полному уничтожению. Но почему-то (карательную акцию) отменили и затем этапом погнали дальше». Как позднее он признался: «Когда вспоминаешь — теряешь дар речи!».

Надежда Терентьевна Храмова уже после своего освобождения стала свидетелем чудовищных картин: «В одном из немецких военных городков, вблизи озера Озели, нам показывали могилы людей, залитых вживую раскаленной смолой. В одной из немецкой перевалочных баз одна из комнат была полностью увешана трупами людей. Их разрезали, вытаскивали внутренности, наталкивали соломой и подвешивали за горло на крюк». Подобные страшные картины прошлого преследуют на протяжении всей жизни не одного уцелевшего бывшего узника.

Миллионы детей были истреблены, однако точных данных мы уже никогда не сможем доподлинно узнать. От них остались на складах только горы маленьких ботинок и игрушек. Так, на территории лагеря Освенцим-Биркенау было обнаружено 7 вагонов (!) детских вещей, подготовленных нацистами к отправке в Германию. В справке за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха было указано, что за

47 дней — с 1 декабря 1944 года по 15 января 1945 года — только в вышеназванном лагере было обработано для отправки в Германию **99 922** комплекта детского платья и белья. Почти **100 тысяч умерщвленных детей за полтора месяца!**⁸

Но кому и зачем предназначались все эти так хозяйски разложенные вещи? Неужели для последующего «рационального применения»? Хотя, как знать, ведь смогли же сами немцы получать для личных нужд сваренное из человеческого жира мыло или использовать в пищу фрукты и овощи, выросшие на «удобренных» человеческим пеплом огородах! Об этом красноречиво свидетельствуют официальные документы обвинения⁹. Но разум и элементарная человеческая брезгливость вопиют: «Не может быть, Господи! Ну не для подобного же ты сотворил человека!».

Десятилетия вынужденного молчания надежно «прятали» память не только об этом. К сожалению, время, когда можно было провести более полные медицинские исследования состояния здоровья малолетних узников, безвозвратно потеряно, так как в послевоенное время подобная тема не то чтобы не рассматривалась в нашей стране, ее как бы вообще не существовало. Поэтому воспоминания малолетних жертв войны во многих случаях способны компенсировать этот «фактологический провал». Между тем, спустя более чем столетия они ощущают последствия перенесенных страданий и унижений.

Пребывание в концлагерях разного типа оставило свой трагический след не только в судьбах, но и во врачебных карточках этих людей. Так, после бомбежки *Роза Адамовна Соснова* лишилась слуха, оглохнув на левое ухо, а ее сестренка, сильно испугавшись, стала зайкой. *Тамару Николаевну Плещую*, оказавшуюся в завале разрушенного бомбой

⁸ Тимощенко Л. Дети и война. С. 140.

⁹ Кузьмин С.Т. Сроку давности не подлежит. М., 1985. С. 130–132.

дома, сильно контузило, и с тех пор она стала слабовидящей. У *Леонида Ефимовича Качана* концлагерь оставил свою память: «Очень плохо кормили, сильно били, мало спали и были запуганы... Я ... стал инвалидом II группы с нарушением речи и координации движений». *Нина Тимофеевна Парочкина* и *Анна Дмитриевна Кудинова* тоже получили инвалидность II группы (болезнь Паркинсона). *Мария Павловна Петриченко* «заработала» острейший остеопороз. *Василий Трофимович Лебедев* перенес 4 операции. У *Ирины Васильевны Жадкевич* – цирроз печени. Для *Валентины Андреевны Шляхтовой* гул самолета на всю жизнь остался знаком беды. *Николай Павлович Родин* со слов матери узнал, что, когда ему было 3 года, они вместе с одним мальчиком, видимо голодные, залезли в горох, и за ними побежали немцы. Мальчик убежал, а его поймали и сильно избили, после чего он плохо разговаривал, что отразилось и на его учебе. И список этот можно продолжать. Думается, что нет тех, кто остался бы здоров, хотя бы условно, после всего перенесенного в концлагерях. Смертность среди них вдвое выше, чем в аналогичных возрастных группах, равно как и процент инвалидов и одиноких.

Дожившие до освобождения прошли стадию компенсации, за исключением тех, кто умер в первые послевоенные годы. К сожалению, долгожданное счастье оказаться на свободе не спасало узников от депрессии. *Антонина Федоровна Малкина* из г.Даугавпилс не помнит своего детства, проведенного в концлагере, так как тогда ей было всего 3 года. Но ее старшая сестра Валентина, по ее словам, в психологическом плане очень пострадала, она долго не могла спать по ночам, часто вскакивала, кричала. У кого-то депрессия с годами проходила, а у кого-то оставалась на всю жизнь, приобретая разные формы – бессонницы, одиночества, личной неустроенности. *Екатерина Васильевна Кожевникова* написала в своих воспоминаниях: «Я была маленькая, худенькая, но таскала листы железа на кучу, потом

эту кучу краном увозили в конец цеха. ... Кормили нас супом из брюквы, хлеб 200 грамм из опилок. Боялась я немцев с овчарками, так как полицаи натравляли на нас собак. Вольно ходили все нации, кроме русских, и собак натравливали только на русских. В марте 1945 г. американцы освободили нас. Мне было 17 лет, а весила я тогда 40 килограмм». И в конце – признание: «Мне так одиноко». *Екатерина Савельевна Павлова*, инвалид сначала 2-й, а затем 3-й группы, перенесшая 7 операций, нищету, потерявшая семью, осталась совсем одна. А *Ирина Васильевна Жадкевич* никогда и не вышла замуж, правда, воспитав замечательную приемную дочь.

Концлагерь оказался своего рода микропроекцией мира взрослых, так по-дьявольски изощренно распорядившихся судьбами детей. Это был не только эксперимент, но и ежеминутная пытка чрезвычайно высокого психо-эмоционального напряжения, которую не всегда могли выдержать не только дети. Поэтому чудом уцелевшие в этом аду неизбежно ощущают на себе последствия пребывания там, правда, особо не афишируя свое *такое* прошлое!.. Лишь в конце 1950-х гг. в СССР вышли первые книги, повествующие об ужасах концлагерей. Как правило, это были переводы с иностранных языков, прежде всего с немецкого. Эпоха оттепели позволила данной проблематике занять достойное место в истории. А сами власти стали смотреть на бывших узников уже несколько по-иному: теперь во взгляде сквозило не столько презрение, сколько недоумение: «Неужели такое и правда могло быть?». А оно *было* и, к сожалению, нет-нет, да и напомнит вновь через более чем шестьдесят лет в нашей сегодняшней России, такой необыкновенной, прекрасной и родной, о том, что трижды прав был замечательный русский историк Василий Осипович Ключевский, утверждавший: история ничему не учит, а лишь наказывает за незнание уроков!

Глава IV

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ-УЗНИКОВ

А мы не стали памяти перечить
И, вспомним дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.

Была земля и жесткой, и метельной.
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно.
А были вместе — детство и война.

Р.Рождественский

По-разному сложилась судьба бывших малолетних узников из СССР в послевоенный период. Те из них, кто проживал на территории Советского Союза на 1 сентября 1939 г., согласно Ялтинскому соглашению держав-победительниц, подлежали обязательной репатриации, независимо от желания. США и Советский Союз подписали это соглашение в Ялте 11 февраля 1945 г., а позже к нему присоединились Англия и Франция. Исключение делалось лишь для граждан Латвии, Литвы и Эстонии, а также Западной Украины, так как Запад считал, что эти территории были оккупированы против воли большинства их жителей. Таким образом, советских граждан, желавших после окончания войны остаться на Западе, в основном ждала насильственная депортация.

Некоторые меняли имена, фамилии, места проживания до 1 сентября 1939 г. Но здесь возникала новая проблема: при въезде в США, а затем при получении гражданства каждый обязан был дать клятву, что все сведения, сообщенные о себе, правдивы. Многие эмигранты честно признавались, что изменили свои биографические данные, и их, согласно закону, ждал либо арест иммиграционными властями, либо возбуждение дела о депортации.

Большая часть чудом уцелевших ребятишек вернулись на Родину в надежде найти здесь своих родственников и близких, обрести дом, семью, поддержку государства. Но послевоенная судьба несовершеннолетних мало отличалась от судьбы взрослых, которым предстояло сначала пройти процедуру «филтрации» в так называемых проверочно-филтрационных спецлагерях. Абсолютное большинство возвратившихся *домой*, невинные в том, в чем их подозревали — в предательстве, — были счастливы встрече с родной землей. Они, прошедшие такие истязания в фашистской неволе, верили, что о их муках узнают на Родине и помогут наладить новую послевоенную жизнь с ее надеждами и радостями. Но для вернувшейся из плена семьи *Розы Адамовны Сосновой* новая жизнь началась в спецпоселении в Алтайском крае.

След обвинений в предательстве сопровождал узников почти всю жизнь, ни для кого не делалось исключения, даже для детей. Неслучайно *Ольга Владимировна Новоселова* признавалась, что после возвращения на Родину было ощущение вины за то, чего не совершала, — за предательство! И это — для ребенка, попавшего за колючую проволоку в три года! Высшей своей наградой считает то, что их признала Родина: «Отпечаток, конечно, остался. Может, жизнь по-другому сложилась бы. Но мы не озлобились. Только сожаление, что родители не дожили и не узнали, что мы не виновны и что нас приравнили к участникам, ветеранам Великой Отечественной войны». *Надежда Степановна Трунова* горько замечает: «Освободили узников концлагеря Дортмунд американцы, предлагавшие уехать в Америку. ... Я сказала: "Россию не брошу!" Но (дома) парни нас не уважали, обзывая проститутками». *Людмила Степановна Муратова*, вспоминая свое, казалось бы, такое радостное возвращение на Родину, разговоры с оставшимися в живых в оккупации сверстниками, однажды почувствовала пропасть, отделявшую ее лагерную жизнь от

молодых забот и веселости подруг. И на вопрос о том, были ли у нее там, в Германии, любимый, она ответила: «Нет, девочки, я была в концлагере Равенсбрюк, там мужчин вообще не было». Мой ответ для них ничего не значил. Они спокойно продолжали рассказывать, как жили, а я поняла, что мое прошлое — вычеркнутые страницы из жизни, о которых не стоит рассказывать. Даже близким людям. Все равно те, кто всего этого не пережил, не поймут... По возвращении я долго болела, вскакивала ночью, впадала в беспамятство. Врачи сказали — нервы. ... Клеймо узника словно продолжало действовать и в родной стране. Мне-то еще повезло, что из одного лагеря — фашистского — не попала в другой, уже на родине»¹.

Как вспоминает *Александра Ардабанцева*, «когда я приехала домой, местные власти презирали меня, что я была в Германии. Посылали работать на самые ... тяжелые работы. Работала я в шахте кустарного типа. А потом — по отгрузке угля». Многие нижевартовцы — бывшие малолетние узники, прошли теми же путями, как, например, *Ольга Павловна Перевертун* и *Раиса Максимовна Червинская*. Ольга Павловна после фильтрационного лагеря в Фюрстенберге и возвращения в родное село затем также поехала восстанавливать шахты Донбасса, фактически начав, как и Раиса Максимовна Червинская, «жизнь с нуля». По словам Раисы Максимовны, «стали работать — было трудно, но мы старались. Мы испытали все: страх, голод, холод, но все же выстояли! Уверена, что нет такого села, города, где бы не было памяти о Великой войне. День Победы для нас — это святое! Как прекрасно, что мы дожили до ее шестидесятилетия! Не было у нас детства, рано мы стали взрослыми, так пусть у нас будет счастливая старость».

И хотя после фильтрации пришлось очень тяжело, возвращение домой многое искупало. *Александра Филипповна*

¹ Муратова Л.С. Несломленные. Ростов н/Д, 2008. С. 192.

Мащина вспоминала, как ей еще в такой далекой и опостылевшей «немецчине» «хотелось домой, на родную землю. Мы очень сильно скучали! И какая же была радость, когда окончилась война! Но когда приехали домой ... жить негде». Семья *Валентины Андреевны Шляхтовой* оказалась в одной комнатке всемером, что по тем временам было большой удачей. А многим приходилось жить в землянках, окопах, рядом с одиноко стоявшими обуглившимися печными трубами.

Послевоенный голод вынуждал даже ходить по дворам и просить милостыню, хоть какую-то одежонку, обувь. *Дремова Таусия Афанасьевна* вспоминала о тех годах единственное: голод, голод, голод. Когда у нее самой появились дети, хотелось, по ее словам, «лишь одного — накормить их посытнее, пусть они не узнают того, что пришлось пережить нам». Хотя, как знать: возможно, груз прошлого не только осложняет жизнь, но, разделенный с благодарными потомками, становится прочным фундаментом будущего не только цивилизации, способной извлекать уроки из истории, но и каждого конкретного человека, предотвращая личные трагедии и возвращая «блудных детей»? Не все следует облегчать детям. Неслучайно из уст римского философа и политика Цицерона прозвучало: «Кто страдал от боли, тот помнит себя». Здесь есть над чем задуматься...

Вернувшихся из плена часто обижали сверстники, обзывали предателями, дрались. Так, *Ада Родина* с горечью говорит о своем тяжелом послевоенном детстве: «А тут еще что ни день, то все хуже — только выйдешь на улицу, как ребятня начинает дразнить, а то и вовсе с палками налетят, улюлюкая: “Явились, всех немцев кровушкой снабдили, огрызки немецкие, небось много барахла-то навезли?” ...Кто постарше нас был: “А ну, поддай, чтоб не вылазили со двора, а то все покрадут”. И поддавали...».

В результате родителям приходилось переезжать, чтобы дети могли спокойно учиться. Скрывали информацию

о пребывании в концентрационных лагерях даже те, кто доказал свою «малолетнюю невиновность», участие родственников в партизанском движении и их фронтовое прошлое (см. Приложение 14). Вернувшийся с фронта отец *Тамары Григорьевны Зуйковой* стал председателем колхоза, однако несмотря на это «мать всячески старалась, чтобы дети как можно скорее забыли все ужасы фашистского плена. Уже много позже, когда дети стали взрослыми, она понемногу стала рассказывать о нелегких годах, проведенных в концлагере». Лишь через 50 лет мать *Т.Н.Плецкой* рассказала о годах, проведенных в фашистской Германии. «В 1994 г., — вспоминает Тамара Николаевна, — когда я узнала многое о себе самой, я и стала сидеть. Захотелось увидеть, познакомиться с теми, кто так же, как и я, был рожден в (том) лагере. ... Удивительно, но я и предположить не могла, что (мы) ... в одной школе учились, за одной партией в классе сидели, домой одной дорогой ходили, дрались, но до самой старости не знали, что мы из одного лагеря, барака, одной ложкой вскормлены, одной судьбой повенчаны!» «Знак молчания» долгие десятилетия (у некоторых и поныне!) был кодом-пропуском в «нормальную» жизнь.

Самое печальное, что бывшие узники уничтожали все свидетельства, рвали справки: кто же из них мог знать, что в будущем им придется восстанавливать эти документы для доказательства статуса бывших малолетних узников концлагерей. Так поступало большинство побывавших в плену. Доказать обратное, по словам А.В.Родиной, было невозможно, да и не имело смысла: их никто не слушал, зачастую не считая за людей, называя «немецким отродьем».

Пребывание в концлагере отражалось и на учебе: многие не могли поступить в вузы, которые им нравились, так как в заполняемых анкетах была обязательная графа: «Были ли вы за границей?». Некоторые отвечали утвердительно, некоторые скрывали информацию. «Со стороны властей к бывшим узникам, всегда было настороженное отношение,

а после войны и вовсе ужесточилось», — вспоминают проживающие ныне в ХМАО ветераны. Парадокс состоял в том, что после войны более гуманным было отношение советской власти к немецким военнопленным, нежели к вернувшимся из фашистского плена соотечественникам. Они рассматривались исключительно как предатели Родины, а плен вообще классифицировался как одна из разновидностей уголовного преступления.

Для юношей призывного возраста, бывших малолетних узников, вариантом «возвращения в нормальную жизнь» была служба в армии. Большинство так и делали, и тем самым «искупали» пребывание в немецком плену». Но даже там их настигало прошлое — в личном деле каждого имелись пометки о пребывании на Западе, что, конечно, создавало массу проблем, «перекрывало» дальнейшее продвижение по службе. Так, *Владимир Демьянович Атрохин*, находясь в армии, подал заявление о приеме в партию: «Но, узнав, что я являюсь бывшим узником концлагеря, мне отказали».

Важнейшей вехой восстановления исторической справедливости и законных прав российских граждан являлся выход Указа президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина от 24 января 1992 г. Согласно ему, были признаны «противоречащими основным правам человека и гражданина действия партийного и государственного руководства бывшего СССР и меры принуждения со стороны государственных органов, предпринятые в отношении российских граждан — бывших советских военнослужащих, попавших в плен и окруженных в боях при защите Отечества, и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период, а также оказавшихся на временно оккупированной территории, которые по политическим мотивам необоснованно осуждались за государственные преступления, направлялись в “штурмовые батальоны”, в ссылку, высылку и на спецпоселения,

подвергались проверке в сборно-пересыльных и проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах, в “рабочих батальонах” ... привлекались к принудительному труду с ограничением свободы, привлекались к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда...». С этого момента все вышеперечисленные категории получали удостоверения участника Великой Отечественной войны, как звучало в указе, «на основе записей в военных билетах и учетных карточках о пребывании в плену и окружении, архивных справок о прохождении проверок и фильтрации, других документов, подтверждающих эти обстоятельства».

Указом президента РФ № 1235 от 15 октября 1992 г. «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны» были предоставлены льготы по материально-бытовому обеспечению, установленные для инвалидов Великой Отечественной войны, бывших несовершеннолетних узников концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания. Аналогичное распоряжение было издано 26 июня 1998 г. Думой города Нижневартовска, предоставившей те же льготы «гражданам, проживающим на территории города и являющимся бывшими из числа гражданского населения узниками концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания...».

В 1997 г. в Нижневартовске было создано общество «Жертвы войны», объединившее всех, переживших фашистскую неволю (на учете в городе числился 51 бывший узник фашизма, в самой организации – меньше 40 человек). Оно имело юридическую регистрацию и входило в реестр общественных объединений России. Эта организация стала структурным подразделением Российского (председатель – Н.Н.Дорожинский) и Международного (председатель – член-корреспондент РАН Н.А.Махутов) союзов бывших узников фашистских концлагерей. В нашем округе людей

этого социального статуса насчитывалось около 300. И статистика по ним изменчива, так как возраст у них 65—80 лет и старше, а состояние здоровья подорвано войной настолько, что большинство из них — инвалиды всех категорий. Но есть и не учтенные этой статистикой. Это те, кто находится в поиске своих документов, подтверждающих пленение и рождение в концлагерях; кто был в лагере, но до сих пор боится говорить об этом или просто не знает ничего о себе и своих близких.

Проблемами этих людей, оказанием просветительской, консультационной и практической помощи и занималось общество «Жертвы войны», организовав на своей базе информационный центр. Здесь осуществлялась работа с родственниками умерших бывших узников, поиск тех, кто не получил в свое время награды, положенные правительством. И хотя на сегодняшний день Общество утратило свой юридический статус, оно существует как тот остов памяти, который не должен исчезнуть. Поэтому продолжает оказывать помощь бывшим малолетним узникам в поисках необходимых документов для подтверждения пребывания в плену и оформления соответствующих бумаг. Вопрос компенсационных выплат Германией жертвам фашизма долгие десятилетия (вплоть до марта 1991 г.) игнорировался советской стороной (правительство отказалось от участия в Люксембургских соглашениях 1951 г., предусматривавших такого рода выплаты жертвам нацизма — узникам гетто и концлагерей). Нынешнее поколение немцев, осознавая свою историческую и моральную ответственность перед жертвами нацизма и понимая, что перенесенные страдания не могут быть компенсированы никакими финансовыми выплатами, в феврале 1999 г. создало фонд «Память, ответственность и будущее». В него делались отчисления от доходов предприятий и учреждений, в свое время использовавших подневольный труд взрослых и детей. Деньги из Государственного банка Германии поступали в Госбанк

России, а затем в сберкассы по месту жительства бывших подневольных рабов рейха, численность которых в России составляет сегодня примерно 200 – 300 тысяч человек.

В результате официальных межправительственных переговоров между СССР и ФРГ в марте 1991 г. был выработан порядок апелляции. Но, как об этом говорилось выше, документами располагает не более одного процента бывших узников концлагерей. В итоге немецкой стороной «ценз документированности» был снижен. В 1993 г. Германия выделила 1 млрд. марок для разовой помощи бывшим узникам фашизма. В России был создан Фонд взаимодействия и примирения, который должен был распределить 400 млн. марок. Сумма единовременных выплат должна была составить от 400 до 1,5 тыс. марок в зависимости от места пребывания и времени заключения. Однако деньги получили не все. Между тем Российский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей добивался, чтобы размер компенсации был соразмерным с выплатами бывшим узникам европейских стран, которые получают пенсию от германского правительства. Но с таким трудом начатые выплаты компенсаций пострадавшим от фашизма на сегодняшний день свернуты. Хотя вопрос остается открытым.

Вполне очевидно, что по отношению к людям, в чьих интересах проводилась вся эта работа, консервация выплат глубоко безнравственна. Ведь средний возраст бывших малолетних узников концлагерей – под 80 лет, и каждый день отсрочки естественным образом сужает их круг. Между тем перенесенные ими «хождения по мукам», в том числе, по вине российских бюрократов, заставляют нынешнее поколение россиян глубже осознавать истоки многих проблем нашей истории.

Общество бывших малолетних узников поддерживает дружеские и деловые контакты с бывшими узниками других городов округа (Сургута, Нефтеюганска, Мегиона,

Тюмени), а также Киева, Москвы, Риги. Его активисты встречаются с учащейся молодежью города, участвуют во всех городских мероприятиях, в конкурсах грантов. На один из таких грантов за счет средств муниципалитета, спонсорских отчислений проводилась широкая просветительская работа, сформировано волонтерское движение, проведены презентации методических рекомендаций для учителей школ города с набором необходимых материалов, воспоминаний членов общества, иллюстраций, видеозаписей фильмов. Подобная деятельность не устаревает, но меняет свои формы (см. Приложение 15). Как показывает современная практика, не только на Западе, но и в нашей многострадальной России существуют тайно и явно неонацистские настроения и настораживающие провокационные заявления от тех, кто не прочь забыть печальные уроки истории. Л.С.Муратова вспоминала одну из своих послевоенных встреч с мэром и представителями общественности Рибниц-Дамгартена. Того самого немецкого города, где в 1945 г. женщин-узниц (среди которых была и она) нацисты собирались расстрелять на центральной площади, и лишь вмешательство городского населения в связи с приближением сил союзников не позволило произвести эту «акцию». От одного из присутствовавших на пресс-конференции, ссылавшегося на якобы воспоминания своей матери, она услышала, что данный факт не имел места быть. После аудиенции, видя удивление Людмилы Степановны, переводчик сказал: «Знаете, наш мэр все же немножко по своим взглядам нацист. И сюда пригласил таких же»². Но, как известно из истории, «немножко наци» не бывает!

Нижевартовск, равно как и другие регионы, представлен несколькими общественными организациями: ветеранов Великой Отечественной войны, репрессированных, бывших малолетних узников концлагерей. Работа со многими из

² Муратова Л.С. Непокоренные. С. 254.

них достаточно давно ведется школьными музеями, чьи итоговые наработки за давностью лет нередко утеряны, и тем самым нить исторической памяти бывает невольно прервана. По этой причине молодежная студенческая ассоциация «Память и будущее», которая с 2003 г. сотрудничает с обществом «Жертвы войны», и предложила начать реализацию совместного проекта «говорящей» Книга Памяти с привлечением всех творческих и инициативных сил региона, а также центральных и региональных архивов и музеев с отработкой методики сбора материалов: архивных источников, воспоминаний, кино-, фотодокументов, с формированием информационно-справочного и архивного фондов.

А время идет. Уходят люди, которые не озлобились, не очерствели. Для всех узников поистине святыми датами являются 27 января (День Освобождения Бухенвальда), 11 апреля (День Освобождения Освенцима) и 9 мая (День Победы). *Мария Васильевна Соболев* вспоминает, как в 1945 году они были освобождены советскими войсками: «Хорошо помню 9 мая, День Победы, как мы плакали от радости, что мы все шестеро и наша мать выжили. Вскоре нас отправили на Родину. Сколько было радости, что мы едем домой! А дома-то не было. Деревню и дом сожгли немцы. Жить было негде, но спасибо — родное государство позаботилось о нас, о многодетной семье. Нас, детей, отправили в детский дом, старших трудоустроили. А мать нашу наградили медалью и присвоили звание “Мать-героиня”! Все дети выучились и пошли работать. Я окончила педагогический институт. ... Любовь к труду и земле воспитывала у школьников и студентов. Нашими руками были посажены сотни деревьев, разбиты цветники и газоны. Шелестят листвой деревца и алеют газоны у четвертой школы и у колледжа. И хочется, чтобы над землей было мирной небо, чтобы молодое поколение никогда не знало слова “война”».

Думается, молодежь обязана знать о том прошлом, которое соединило поколения нашей страны в тот самый непобедимый народ, который способен не только воевать, но и помнить! Не только карать, но и сострадать! А значит, любить. *Таусия Афанасьевна Дремова* вспоминает послевоенный случай 1946 г., когда «пленный немец убежал из лагеря недалеко от нас, где содержался. Мы видели, как он на поле ел овес, и нам, детям, да и взрослым, стало его жалко».

В далекие 1970-е гг. соавтор этой книги услышала поистине уникальный рассказ коренной москвички Капитолины Андреевны Бубновой о событиях зимы 1941 г., когда первый поток пленных немцев прогнали по центру Москвы. Об этом, в принципе, написано во всех школьных учебниках, зафиксировано на киноплёнке. Шли обросшие, загнанные, грязные и голодные немцы, от вальяжности и наглости которых не осталось и следа! Но вот один фрагмент истории, рассказанный Капитолиной Андреевной, потрясает. Она своими глазами видела смену естественной реакции москвичей, плотной стеной стоявших по обе стороны улицы Горького (сейчас Тверской): от ненависти к фашистам и гордости за нашу армию — до обратного, когда вид этих, уже полуживых «существ» вызвал *жалость* — и полетели в них не камни, а куски хлеба! Если бы пять лет назад, в *День 60-летия Победы в Великой Отечественной войне* ведущая одного из центральных телеканалов буквально слово в слово не повторила рассказ Капитолины Андреевны, мы не имели бы права говорить сейчас об этом «частном воспоминании» как об историческом факте! Но широка душа русского человека, о чем в свое время говорил и Ф.М.Достоевский: «Широк русский человек — надо бы сузить!» И здесь присутствует повод для серьезного разговора: о легкости перехода от борьбы за святое и правое дело до забвения потомками ратного подвига своих, не таких уж и далеких, предков и даже реанимации (!) фашизма в России — его победительнице! Нам порой легче забыть, чем

подумать и оценить степень потерь от исторической амнезии *такого уровня!*

По словам *Тамары Николаевны Плещкой*, «невозможно осознать то, что тогда было с нами на самом деле. Но ведь это было! И об этом надо говорить и помнить..., как бы нам ни было тяжело и горько. О наших судьбах, нашей истории написано много. Жаль только, что эти книги пишут зачастую сами же бывшие узники, и выходят в свет они мизерными тиражами, оседая там, где живет автор. ... Читайте, люди, изучайте «нашу войну», где концлагеря — это миллионные кладбища без могил, где сегодня растут ... травы на священной земле, пропитанной кровью страдальцев..., в том числе детей СССР, и где каждый день был подвигом ради жизни и спасения, ради будущего!»

Николай Александрович Агошков, на вопрос, нужны ли эти воспоминания новым поколениям и нужно ли «ворочать прошлое», ответил: «Полагаю — нужно! Глядишь на георгиевскую ленточку — и что-то в душе такое ... переворачивается! Молодежи следует рассказывать нашу историю: нас не станет — они об этом и знать не будут. А знать надо!» *Виктория Викторовна Часыгова* добавляет: «Рассказывать надо, но только так, чтобы это трогало молодых, было им близко и интересно».

Зачем? Да просто для того, чтобы не исчез великий российский народ — суперэтнос. В противном случае, уничтожив его память и превратив в манкурта, можно получить очередное масштабное «белое пятно истории».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Дописана последняя страница рукописи. Две мировые войны подвели неутешительные итоги процесса «исторический амнезии», особенно в вопросе цены, уплаченной за Великую Победу великим страданием великого народа-победителя, частью которого стали дети — заложники войны.

Мощная динамика развития исторической науки в XX столетии как результат полномасштабных «исторических сдвигов» содействовала появлению целого ряда принципиально новых направлений, включая и так называемую «устную историю», возможности которой оказались необычайно востребованы исследователями при анализе процессов, происходящих в современной нам реальности начала третьего тысячелетия с ее конфликтами и войнами, страданиями взрослых и особенно детей. «Устная история, — замечает С.О.Шмидт, — в основе ... того комплекса знаний (в том числе и собственно исторических), который мы называем Священной историей, Священным Писанием. А слова Ветхого и Нового Завета — фундамент культуры и мировоззрения значительной части человечества на протяжении уже тысячелетий»¹. И нам так необходимо возвращение к этим великим и гармоничным истокам как залогоу самосохранения человечества в божественной его проекции.

По словам классика, рукописи не горят. А память? Историческая память — как быть с ней? Ведь общеизвестно, что печи крематориев фашистских концлагерей сжигали не только тела своих жертв — как некий генетический код Истории. Там уничтожалась еще и память! Неслучайно в последние дни войны пылало столько костров из документов и «вещдоков» фашизма! А начало этому положили первые костры из книг, отсвет которых сменился на зловещий

¹ Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 102.

дымный шлейф тлевших человеческих тел. И суметь *такое зло* победить советскому солдату — и быть забытым, прежде всего, в своей стране — НЕДОПУСТИМО! Трагическая смерть 92-летнего ветерана Великой Отечественной Василия Полтавцева в феврале 2010 г. (!) от рук подонков, посмевших откровенно надругаться над нашей памятью — это очередное предупреждение всему обществу!

Повторим: мозаичность воспоминаний воссоздает не только трагизм, но и силу нашего прошлого через цену, уплаченную каждым советским человеком, даже погибшим младенцем, за то, «чтобы свеча не погасла» и не прервалась в веках великая «Нить Российской Ариадны». Она — как «ключ с правом передачи» уникального Наследия предков новым поколениям исследователей-патриотов, кто должен принять этот мир в свои руки и не дать ему задохнуться от зловонного дыхания очередного фельдфебеля с амбициями!

Однако память и ненависть — не синонимы. В своей книге «Магия мозга и лабиринты жизни» замечательный ученый Наталья Петровна Бехтерева, недавно ушедшая из жизни, заметила, что из множества наследуемых признаков человек лишен единственного — передаваемой по наследству ненависти. Ближе всех подойдя к тайне человеческого мозга, Наталья Петровна ввела в свой исследовательский арсенал средств и такое, как «Душа».

Поэтому воспоминания очевидцев тех трагических событий — бывших малолетних узников фашистских концлагерей, членов Нижневартговского общества «Жертвы войны», позволяют обогатить нашу коллективную память за счет тех ее страниц, что были заполнены когда-то детской рукой. Рукой жертв фашизма. Но не для умножения ненависти, а для наращивания силы и духовности России.

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ»

*(запись и обработка произведены
студентами НГГУ в 2005 – 2008 гг.)*

Семья Лебедевых

Лебедев Василий Трофимович

Родился в 1932 г. в деревне Буда Калужской области. После войны работал на о.Сахалин машинистом на буровых подъемниках. В 1970 г. был направлен в Нижневартовск, работал на Самотлоре. Перед уходом на пенсию по болезни в 1987 г. перенес четыре операции (последствия войны). Вместе с семьей уехал в Крым и там прожил 13 лет, после чего вновь вернулся в Нижневартовск. Имеет двоих детей: сына, который живет в Нижневартовске, дочь (живет в Москве), а также двоих внучек. Любимым занятием на пенсии стала рыбалка.

Война застала в родной деревне 5 октября 1941 г. (было 9 лет). В самом начале войны получил ранение в четырех местах ноги. После того, как немцы пришли в деревню, началась не жизнь, а существование. Немцы отбирали все – еду, одежду, дома, скот. Повесили объявление: «За укрытие скота – расстрел». Из начальных событий войны запомнился приход партизан (мужчина и девушка), которые интересовались немцами и

попросили еды. Я побежал домой, попросил мать собрать еды и отнес партизанам. Также хорошо запомнилось, что (оккупанты) всех пересчитали и называли «идиотами». Иногда некоторые немцы давали хлеб с маслом, но это было очень редко. Врезалось в память, когда они первый раз пришли в дом, порвали грамоту брата за хорошую учебу.

3 мая 1942 г. всю деревню, в том числе нашу семью, мать с братьями, немцы погнали на станцию, откуда в товарных вагонах переправили в Брянск во временный лагерь для военнопленных – 142Д. В лагере спали на нарах, которые находились по периметру стен в 5 этажей. Кормили два раза в день баландой (остатки крупы и очистки картофеля с водой) и хлебом (150 г), соли не было. В камере постоянно стоял неприятный запах. Из-за начавшегося тифа каждый день заключенные вывозили трупы, среди которых нередко были близкие люди. Где-то через 6–7 месяцев пребывания в лагере умерла мать. Затем погнали в Карачево (50 км). В вагонах были только сидячие места, мест не хватало – ходили по трупам. В Орловской области расселили по домам. Потом опять лагерь. Режим в нем был жестокий: никуда не выходили, по всему периметру лагеря – колючая проволока, немцы приходили каждый день и устраивали пытки. К детям они относились так же, как и ко взрослым – отсутствовали возрастные и половые ограничения. Когда находились в лагере, думали лишь о том, чтобы как-то спасти свою жизнь, выжить в таких условиях.

До июля 1943 г. я, 11-летний узник, находился в неволе. В ходе освобождения советской армией полегло много русских. Но через два дня взяли немецкую оборону и уже сами немцы попали в плен. До Родины добирались в машинах, солдаты давали рафинад и сухари. Вернулись в родную деревню, там все оказалось разбито, ни еды, ни одежды не было.

Даже сейчас, уже 60 лет спустя, тяжело вспоминать об «украденном» детстве. Все детство прошло рядом со смертью. Тому, что выжил, обязан только своему возрасту: молод был, поэтому и выжил, к тому же взрослые спасали детей ценой своей жизни.

Самые знаменательные дни – это 11 апреля, День освобождения от фашизма, день свадьбы с Александрой Федоровной и дни рождения детей. Годы неволи остались навсегда в памяти, остались и их последствия – перенес четыре операции, рано потерял мать. А главное, несмотря на то, что объездил полстраны (Грузия, Крым, Краснодарский край и т.д.) – не достиг того, о чем мечтал! Сейчас доволен всем. Вместе с женой ждем получения квартиры, так как проживаем в общежитии.

Лебедева (Носова) Александра Федоровна

Родилась в 1936 г. в деревне Речица Калужской области.

В октябре 1942 года, когда мне было 6 лет, немцы пришли в деревню и подожгли все дома. А жителей погнали до другой деревни, которая находилась в 7 километрах. Шли пешком, многие падали и замерзали. Разместили в деревне Буда. Через некоторое время повезли в эшелонах до Брянских лагерей. В пути, а потом и в лагере много умирало из-за тифа и ранений, в том числе моя сестра.

Из «жизни» в лагере наиболее запомнился котел с баландой. Если не было своей посуды, то еды не давали; ночью плохо спали из-за частых бомбежек. В лагере отсутствовали гигиенические средства: не было расчесок, гребни – маленькие. В то время у девушек были очень хорошие волосы, и немцы обстригали нас наголо, а потом делали из них канаты, которые были очень прочные. В лагере мужчины и женщины мылись вместе. И все же, несмотря на тяжелое время, люди были более жалостливыми, чем сейчас.

Освободили в Белоруссии. После прибытия в родную деревню дали домик, через некоторое время сыграли свадьбу с Василием Трофимовичем, потом пошли дети.

подписи

Гамера (Переведенцева) Наталья Афанасьевна

Родилась 1930 г. в селе Польно Орловской области.

По 1943 год жили на оккупированной территории. Когда оккупировали село, погнали население до вокзала, кто не мог идти – расстреливали. На вокзале погрузили в телятники и повезли до Берлина. А там, на бортовых машинах – в лагерь. Работала

на заводе, сметала стружку. Потом послали в парник (2 километра пешком). Там ходили без конвоя, в одежде со знаком «OST».

Освободила советская армия 27 апреля в 1945 г. в 6 утра. За десять минут советские солдаты приказали уйти с лагеря, так как шел бой и солдаты хотели, чтобы было меньше потерь. До Одера шли пешком.

Определенной специальности не имею. Работала на кирпичном заводе, даже инженером. В 1980 г. вышла на пенсию. 7 лет назад умер муж. Тяжело перенесла эту потерю. Живу у дочек, по очереди. Имею пятерых внучек, которым вяжу носки, кофты, шапки, шарфы.

Нынешняя молодежь, на мой взгляд, неспособна на самоотверженные поступки ради своей Родины. Ребенка, выросшего в мирных условиях, нередко отличает утрата представлений о цене хлеба и труда. И думается, нашей стране нужна умная историческая память о Второй мировой войне и цене, которую пришлось заплатить за Победу. Страна обидела нас: до 1992 г. боялись сказать о том, что были в Германии. Каждый год, уже на Родине, велась допросы – подозревали в предательстве. Это настало, столько повидавших и переживших в свои детские годы! Все-го и не расскажешь.

подпись

Барановская Лидия Сергеевна

Родилась в 1928 г. в Белоруссии в деревне Творичевка Полесской области Мозерского района. Есть дочь-пенсионерка, двое внуков. После войны работала, где придется: санитарка, телефонистка. С 1983 г. на пенсии.

Война меня застала в Полесском районе, когда было 13 лет. Было холодно, нечего есть, от немцев прятались в лесу. Немцы, когда пришли в деревню, согнали всех вместе, под открытое небо. Поместили в ветхий разваливающийся деревянный дом и вели допросы. В 13 лет оказалась в лагере «Уперталь» (пригород Дюссельдорфа). Пленение длилось три года. В Германию везли в товарных вагонах, в которых было очень холодно. В лагере раз в неделю водили в баню, там проводили санитарную обработку в связи с большим количеством вшей. По прибытии на место конвоир отобрал десять человек и отправил на работу на вагонную фабрику. Работали по двенадцать часов в сутки в две смены. Очень хотелось есть, так как почти не кормили – суп из брюквы, капусты или шпината, кофе такой, что невозможно пить. Хлеб давали маленькими кусочками (двадцать на пять сантиметров) на четыре дня. Говоря о лагерной жизни, сложно выделить что-то одно самое страшное, страшным было абсолютно все! Ужасающе было слышать звуки бомбежки, разрывы бомб. Во время бомбежки прятались в ямах, где лежали бревна и песок.

Вы счастливые дети – у вас было и есть детство, к счастью! А у нас его «украли» проклятые фашисты. Берегите свое детство и детство своих детей, ведь прошлого не веротишь...

подпись

Зуйкова (Кузенкова) Тамара Григорьевна

Родилась в 1940 г. в селе Воронцово Орловской области. В 1943 г. находилась в лагере в Брянской области.

Стремительно наступали немецкие войска, занимая один за другим советские города и села. И всюду, где ступала вражеская нога, стояли стон, слезы и крики. Село Воронцово Орловской области, где жила наша семья, вскоре тоже оказалось занято оккупантами. Только по рассказам мамы знаю, как все было. Отец Григорий Алексеевич в ту пору уже воевал на фронте, оставив в доме маму, Татьяну Матвеевну, да троих детишек: шестилетнюю Марию, меня трехлетнюю и сынишку Толика, которому едва исполнилось полтора годика. В село нагрянули фашисты. Всюду слышались грубая немецкая речь да лай собак. Опустели улицы, жители попрятались по домам. Нередко раздавались автоматные очереди. Никого не щадили враги – ни стариков, ни женщин, ни детей. Мама прижала всех троих к себе, чтобы мы не боялись. В дверь вдруг громко застучали. Это были немцы. Странные тогда слова немецкого офицера я помню до сих пор: «Руссиш швайн! Шнель, шнель!» И всех деревенских жителей выгнали из домов, посадили в машины и увезли в Брянск – в концлагерь. Так началась жизнь за колючей проволокой. Дети нужны были гитлеровцам для того, чтобы брать у них кровь для своих солдат. Худые, изможденные ребяташки часто не выдерживали очередную сдачу крови. Почти всех ожидала верная смерть.

Но нам еще повезло, мы дожили до того счастливого дня, когда советские солдаты освободили заключенных. Это случилось в конце 1943 – начале 1944-го года. Вернулись на родину сельчане, выжившие в невероятных условиях, а ждали их только печные трубы на месте домов. Когда закончилась война, вернулся с фронта отец – живой, долгожданный, надежда и опора семьи. Он возглавил колхоз, а мать пошла работать на ферму телятницей. Она всячески старалась, чтобы дети как можно скорее

забыли все ужасы фашистского плена. Уже много позже, когда мы стали взрослыми, она понемногу начала нам рассказывать о нелегких годах, проведенных в концлагере.

В 1974 году я приехала в Нижневартовск. Много лет работала товароведом в ОРСе, а сейчас на заслуженном отдыхе. Рядом всегда был муж Валентин Алексеевич. Вместе воспитали хорошего сына, теперь уже и внучка Дашенька радуется бабушку и дедушку. Разве можно теперь представить, что ей, маленькой девочке, довелось бы пережить ужасы фашизма и остаться в живых. А сколько людей погибли в холодных бараках, умерли от голода, издевательств и невероятного труда, были расстреляны или сожжены в печах крематория...

подпись

Цуканова (Саутченкова) Мария Митрофановна

Родилась в 1937 г. в деревне Теребушка Брянской области Суземского района.

22 июня 1941 г. началась война, отец ушел на фронт в первые дни войны, много позже мы узнали, что он погиб под Севастополем. Уже через три месяца вся Брянщина и украинские земли, с которыми граничит область, были оккупированы немецкими войсками. Попавшие в окружение красноармейские части, малыми группами прорывались и уходили в непроходимые лесные чащи знаменитого Брянского леса. Малые группы объединялись в отряды, возникло партизанское движение, позже была налажена радиосвязь с Москвой. За деревней Смилиж в глубине леса находился аэродром. Больных и тяжелораненых самолетом отправляли на лечение (на большую землю). Наша деревня находилась в двух километрах от железной дороги Москва – Киев. Деревню сожгли, мы бежали в лес и находились в лесу партизанской зоны, жили в землянках. В тылу

немцев партизаны вели подрывные работы. После поражения немецких войск под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге на борьбу с партизанами бросили несколько немецких дивизий. Немцы шли цепью, прочесывая лес.

В мае 1943 г. мы попали в плен. Гнали нас несколько дней через сожженные деревни, где торчали только печные трубы. Пригнали в поселок Локоть Брасовского района, лагерь был обнесен со всех сторон колючей проволокой. На территории лагеря стояла виселица, вокруг немцы и их союзники – мадьяры, венгры, и много полицаяв. Людей сортировали, куда-то уводили, а кого-то тащили к виселице, при этом били прикладами автоматов, пинали ногами. Здесь, в поселке Локоть, до войны был известный на всю Россию племенной конезавод. Пришла война, коней угнали, а конюшни завода стали тюрьмой. На территории тюрьмы стояла вышка, на вышке – автоматчик-часовой. За связь с партизанами, за сочувствие к ним мирное население бросали в тюрьму. Стоял стон, людей набивали в стойла так, что не только лечь, но и даже сесть было невозможно. Освободила нас Красная Армия в конце августа 1943 г. Ровно через год, в 1944 г., мы вернулись домой на пепелища.

подпись

**Мария Цуканова с двоюродными сестрами
(на обороте фотографии надпись: «Партизанские дети»)**

Новоселова (Пронина) Ольга Владимировна

Родилась в 1938 г. в деревне Мужитино Калужской области. Имеет двоих сыновей, 41 года и 38 лет; двоих внучков, 16 и 13 лет. Уже 5 лет как вдова, с мужем прожили 38 лет.

Когда началась война, мне было 2,5 года. В семье было 5 девочек и один мальчик. Отца сразу забрали на войну. В 1943 г. в деревню пришли немцы на танках и мотоциклах. Начали сгонять жителей по несколько семей в одну избу – себе освобождали жилье. 11 сентября посадили в повозки и повезли до Брянска. Мне хорошо запомнилось то, что на всем пути валялись убитые люди, скот; стоял невыносимый запах от покойных. В Брянске людей перегрузили в товарные вагоны и повезли в Эстонию. Мама куда-то уходила ночью и приносила куски хлеба, сало. Мы потом уже узнали, что она под страхом смерти ходила побираться у эстонцев, чтобы нас накормить, рисковала своей жизнью.

В августе 1944 года узников опять готовили к отправке, неизвестно куда. Постригли всех наголо. Я никогда не забуду, как нас запускали в жаркие шкафы; стоим, уши горят. После этого – в бассейн с хлорированной водой. Надевали полосатые куртки, брюки не по размеру. В этот раз людей погрузили на корабль. Старых и больных оставили, и когда корабль отплывал, сарай с оставшимися узниками подожгли. Приплыли в Германию в г.Рехлин. Там наша семья пробыла с августа 1944 по май 1945 года. В лагере давали ведро баланды на семью. Хорошо запомнился немой немец, который возил на кухню брюкву, а мы бежали за повозкой, чтобы схватить брюкву. Он, если замечал нас, кидал вилы. Мы не понимали, глупые, что он мог и заколоть нас.

После того, как освободили советские войска, вернулись домой, но ничего не обнаружили – все сожжено, одни пни. Мать сразу забрали на допрос в КГБ. Интересовались, зачем, почему уехали, наверно, по желанию. После этого жила она с чувством вины. Это горе коснулось всех, но мы не озлобились. После войны окончила

7 классов. Как подросла – пошла работать на кирпичный завод, потом на предприятие по добыче торфа. В 19 лет я уехала по комсомольской путевке в Алтайский край на поднятие целины. Жили весело, там я и встретила своего мужа-баяниста. В 1973 г. семья приехала в город Нижневартовск, жили в балке. Работала в строительной организации штукатуром-маляром, а муж – на башенном кране. Так мы и начали строить свой любимый город. Затем 12 лет проработала в аэропорту на авиационной технической базе. В 1998 г. ушла на пенсию в 60 лет, имею 44 года трудового стажа.

День Победы для меня означает радость и гордость, что победили такого страшного врага – фашизм. Не удалось им нас, как они считали, низшую расу, поработить. Высшей наградой за свои страдания и слезы матерей считаю то, что нас признала Родина. Отпечаток, конечно, остался. Может, жизнь по-другому сложилась бы. Но мы не озлобились, только сожаление, что родители не дожили и не узнали, что мы не виновны и нас приравняли к участникам, ветеранам Великой Отечественной войны.

подпись

Соболь (Жук) Мария Васильевна

Родилась в 1938 г. в деревне Була Брестской области.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 3 года. В нашей многодетной семье было шестеро детей. Я была пятой, а еще был младший брат – грудной ребенок. Отца забрали на фронт, где он сразу погиб, похоронен в братской могиле, занесен в «Книгу Памяти». Мать осталась одна и нас шестеро детей: мал мала меньше. Деревню и наш дом немцы сожгли. Я до сих пор без содрогания не могу вспоминать этот страшнейший пожар, когда все вокруг пылало в огне, свистели пули, гудели и летели самолеты, взрывались бомбы, вокруг стояли, слезы и крик. Мать, эта мужественная женщина, схватила

на руки грудного ребенка – младшего брата, меня, трехлетнюю под мышки прихватила, остальные четверо детей держались за юбку и все бежали в лес. Спасала картошка, что росла на нашем пути. Мы падали в нее и, не поднимая головы, ползли в лес, а вокруг свистели пули. Но мы добрались до леса. Жили там в землянках, на оккупированной территории. Немцы устраивали облавы и вывозили в Германию в рабство.

В 1943 г. во время очередной облавы схватили нас с матерью. Везли в Германию на принудительные работы в вагонах, в которых перевозили скот. В Германии поместили в бараки, спали на нарах. Работали вместе с матерью, с утра до ночи, в сельском хозяйстве в деревне Ляводин. Выполнили все грязные работы на ферме. Давали норму и паек. Если не выполнишь норму, то лишали пайка. Уставали, болела спина, а на руках и ногах огрубевшая кожа трескалась и кровоточила. Мы плакали, но вынуждены были работать. Кормили баландой, от которой болел живот. Голод и холод постоянно мучили нас. Так продолжалось до 1945 года.

В 1945 г. мы были освобождены советскими войсками. Хорошо помню 9 мая, День Победы, как мы плакали от радости, что мы все шестеро и наша мать выжили. Вскоре нас отправили на Родину. Сколько было радости, что мы едем домой! А дома-то не было. Деревню и дом сожгли немцы. Жить было негде, но спасибо – родное государство позаботилось о нас, о многодетной семье. Нас, детей, отправили в детский дом, старших трудоустроили. А мать нашу наградили медалью и присвоили звание «Мать-героиня»!

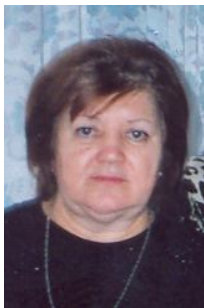
Все дети выучились и пошли работать. Я окончила педагогический институт, работала учителем биологии. В 1977 г. приехала в г.Нижевартовск. Работала в 4-й школе, в педагогическом колледже. С 1998 года нахожусь на заслуженном отдыхе. Люблю книги, природу, труд. Любовь к труду и земле воспитывала у школьников и студентов. Нашими руками были посажены сотни деревьев, разбиты цветники и газоны. Шелестят листвой деревца и алеют газоны у четвертой школы и у колледжа. И хочется, чтобы над землей было мирной небо, чтобы молодое поколение никогда не знало слова «война».

подпись

Шляхтова (Новикова) Валентина Андреевна

Родилась в 1940 г. в деревне Шаталово Смоленской области.

Вспоминать особо нечего, потому что, когда попала в лагерь, то была очень маленькой и ничего не помню. Знаю только то, что рассказывала мама. Когда началась война, мама, я и двое маленьких сестер прятались в окопах по Варшавскому шоссе, 250 км от Москвы. Отставшие советские солдаты часто просили еду, которой у нас и самих-то не было. Отец ушел на фронт. Выживали, как могли, боролись с голодом из последних сил. До сих пор пугаюсь гула самолета.

В послевоенные годы жили плохо – было очень голодно. Приехали сестры матери. Чтобы помочь прокормить детей, работали, где могли, за работу платили зерном и мукой. Собирали мороженую картошку. Воровали баранки у бабушки. Жить было невероятно тяжело, своего хозяйства не было, лишь по прошествии времени появилась корова. Подошло время, мы с сестрами пошли в школу. Велосипеда не было, поэтому с 1-го по 4-й классы ходила в школу за 3 км от дома. С 4-го по 7-й классы – за 5 км, а с 7-го по 10-й классы – уже за 10 км от дома. Жили всемером в одной комнатке. А когда отец вернулся с фронта, то стал делать пристройки к комнатке. Мама, чтобы хоть как-то прокормить семью, шила людям ручную, так как швейной машинки не было.

подпись

Червинская (Сорокопуд) Раиса Максимовна

Родилась в 1936 г. в селе Киевское Крымского района Краснодарского края. Вдова с 1997 г., с мужем прожили 41 год. Имеет двоих детей: дочь (живет в Нижневартовске) и сына (живет в Белоруссии); пятерых внуков и одну правнучку. В Нижневартовск приехала в 1971 г. и сразу пошла работать в Нижневартовскнефтьестрой машинистом котельных установок. Работала по 1986 г., ушла на пенсию в 50 лет.

Война застала в родной Кубани, мне тогда было 7 лет, поэтому о войне помню очень много, но не обо всем хочется вспоминать. Когда отца забрали на фронт, вся тяжесть легла на плечи матери. Немцы, не спрашивая, заняли дом; нас выгнали в подвал и мы там находились – 10 человек (еще соседка со своими детьми). Было очень жутко: света не было, свеча или лампа, но в основном в темноте. Мы сидели тихо – понимали, что война, и нас могут убить. Мать, где могла, добывала нам еду, а когда мы выходили из подвала, то старалась не попадаться немцам на глаза, потому что их это раздражало и они нас били.

Весной 1943 г. немцы собрали все село и насильственно погнали маршевой колонной: гнали как скот, если кто не успевал идти – расстреливали. Это было жутко и страшно! В вагонах привезли все село на Украину в Николаевскую область в Новооденский район, где мы и находились до освобождения советскими войсками. Всех расселили в деревне в старые дома, как сараи. Мать пошла работать в колхоз, а дети помогали, как могли. В скором времени немцы пришли и сюда. Отобрали у нас последнее одеяло, под которым мы спали все. Но мать не хотела отдавать, и один из немцев хотел убить ее, но я очень плакала, умоляла, говорила, что мы умрем в чужом краю. Нас там так и называли «чужие». В школу не пускали, били. В общем, жили мы там точно в неволе. Вскоре в деревню приехала разведывательная конница русских солдат. Так как наша семья жила на краю деревни, то они остановились у нас. Командир попросил табака,

и я показала, где его можно взять, за что получила кусочек рафинада и алюминиевую кружку. После того как солдаты уехали, хозяйка, у которой мы жили, сильно избила меня, после чего я сильно болела.

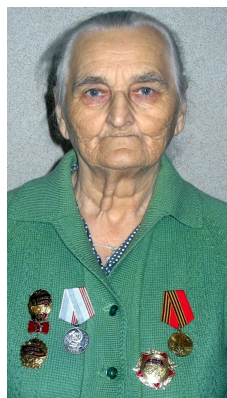
Когда дошли известия о том, что освобождена Кубань, семья вернулась домой. Но дома-то и не было – одни стены, но мы радовались и этому. Стали работать – было трудно, но мы старались. Мы испытали все: страх, голод, холод, но все же выстояли! Уверена, что нет такого села, города, где бы не было памяти о Великой войне. День Победы для нас – это святое! Как прекрасно, что мы дожили до ее шестидесятилетия! Не было у нас детства, рано мы стали взрослыми, так пусть у нас будет счастливая старость. Спасибо!

подпись

Храмова (Михайленко) Надежда Терентьевна

Родилась в 1925 г. на Украине, в Житомирской области.

(Помню) начало войны: было воскресенье, после известия начался страшный переполох и очень быстро пришли немцы, детей в семье было много. Страшно было. Многих сельчан сразу же расстреливали, других сжигали, загоняя в конюшни или школу. От немцев спасались, как могли. Симулировали болезни, чистотелом натирались, заводили чесотку и вшей – немцы страшно этого боялись.

На телегах нас погнали к железной дороге, посадили под замок. Увезли в Германию. Пригнали в лагерь рабочих, помню только улицу – Шансенберг. Фабрика была по выделыванию кожи, нашили нам голубые таблички «OST» (восточный).

Сразу же пришла мысль о побеге, выбрались через речонку на железную дорожку. Сидели в лесу больше недели. Гестаповцы поймали, вернули в лагерь и посадили в карцер (цементные сидения, комната не больше нашего туалета, без окон лишь одна дверь).

Мы были жестоко наказаны, нас били, не разбирая по голове или ногам. В лагерь пришла немка и забрала к себе на работу, убирала у нее золу из печи, стирала до тех пор, пока пальцы до самых костей не стирались, очень жестокая была хозяйка. Убежала от нее в Саарбрюккен, к другому хозяину, но над ним стоял все тот же хозяин, что и над лагерем. Хотели отдать в шахту, расплакалась я и отпустили в свой лагерь. Работала на французской кухне. Вскоре лагерь разбомбили. Спрятались в лесу, собрались колонной. Немцы нас угнали в другой лагерь, название не помню. Оттуда гоняли полы в учреждениях мыть, колени протирались. Было все равно, ребенок ты или взрослый человек, немцы не щадили никого. Здесь немцы вели себя особенно жестоко, заставляли людей себе же копать ямы для могилы, потом ставили людей в ямы и расстреливали, все это происходило и при детях. Конечно, и среди немцев находились такие, которые нас жалели, некоторые нас подкармливали. Но в целом — страшно!

Освободили нас американские войска в 1945 г., домой гнали через Пруссию пешком, далее по железной дороге вывезли в степь на карантин (от сифилиса). Оставили без воды и без еды, ходили по дачам попрошайничали. Потом наших водили на допрос в КГБ. Домой попала только в 1946 г.

Помню страшные картины: в одном из немецких военных городков, вблизи озера Озели, нам показывали могилы людей, залитых вживую раскаленной смолой. В одной из немецкой перевалочных баз одна из комнат была полностью увешана трупами людей. Их разрезали, вытаскивали внутренности, наталкивали соломой и подвешивали за горло на крюк.

О чем наиболее тяжело вспоминать — так это об украденном детстве; самой лагерной обстановке; послевоенном периоде «фильтрации» с его «особым» отношением к бывшим узникам. Современное отношение к отечественной истории в целом и пожилым людям в частности в нашей стране, полагаю, нужно менять в сторону действительной заботы, внимания и памяти! Поздно о нас вспомнили, многие из нас уже умерли...

А какую огромную радость испытывали мы от возвращения на Родину, домой! После войны нашла себе мужа, его по путевке послали на целину в Казахстан, там сорок лет и прожила, там и дети появились, а потом внуки.

подпись

Жадкевич Ирина Васильевна

Родилась в 1919 г. в Брянске.

Замужем никогда не была. В данный момент живу в городе Нижневартовске с сестрой, которую когда-то удочерила, и ее мужем. Есть четверо внуков-мальчиков, которых очень люблю.

До начала войны окончила бухгалтерские курсы – работала помощником бухгалтера. В 1974 г. ушла на пенсию. Перед уходом на пенсию работала бухгалтером в Облметхозснабе (снабжали медикаментами, посудой, инвентарем и т.д.).

Война застала нашу семью в 1941 г. в городе Орле. Так как мама болела, врачи посоветовали переехать в местность с сухим климатом, в частности, в город Орел. Когда началась война, в городе началось смятение. Кругом было мародерство. Продукты выдавались по талонам, есть было практически нечего. Русские сами сжигали свои дома и все то, что они не хотели, чтобы досталось врагу. Когда в городе появились немцы, они организовали рынок, где русские меняли ценные вещи на очистки от картофеля и на кожуру от моркови. Сахара и соли не было.

В 1943 г. немцы погнали семью в Германию, на биржу труда. Я попала к хозяйке, которая очень жестоко обращалась со своими работниками. Она их била, ели они в стороне украдкой, чтобы хозяйка, не дай Бог, их не заметила. Пленники делали черную работу: чистили картофель, ходили на рынок, носили белье в химчистку. Через некоторое время меня отобрали на работу к другому

хозяину, звали его Рудольф Бауэр. Хозяин был добрым человеком, ел с работниками за одним столом. А иногда, по праздникам, даже платил небольшие деньги своим работникам. Когда освободили Германию, хозяин лично привез нас на лошадах в лагерь к русским. Лагерь состояли из длинных бараков и подразделялись по направлениям: Южное, Восточное, Северное, Западное. Я попала в Восточное направление. Потом в составе троих девчонок увезли в Лейпциг, где мы работали в ОХО (сортировали продукты, вещи). Позже меня отправили в город Николаев работать на судостроительном заводе – подсобницей.

Во время плена не раз случались крайне опасные ситуации, как, например, однажды зимой полицией загнал всех работников в двухэтажное здание, которое раньше было банком, и начал ко мне приставать. Я, спасаясь от него, прыгнула с окна второго этажа на снег. Когда горел элеватор, а есть было нечего, то ели горелое зерно. Но самые тяжелые воспоминания связаны с тем периодом жизни, когда работала на хозяйку. Слава Богу, что все это закончилось! Хотя, конечно, годы, проведенные в неволе, наложили соответствующий отпечаток на нынешнюю жизнь. И я заработала такое заболевание, как цирроз печени.

После войны отец вернулся с фронта и встретил девушку Иру, с которой они расписались. Вскоре он написал мне письмо с приглашением приехать к ним. Жить с отцом и мачехой понравилось. Через некоторое время родилась моя сестра – Жанна. В 1952 г. умерла мачеха, и я стала для своей сестры Жанны фактически матерью.

Нынешняя забота от Жанны – самая большая награда, полученная мной от жизни.

подпись

По словам Жанны, дочери Ирины Васильевны, ее замечательная мама – такой человек, который в жизни ничего и никогда не просил для себя. Она всю свою жизнь делала все для других. В то же время Ирина Васильевна – очень сильная и волевая женщина, которая прошла все на своем веку: и огонь, и воду, и медные трубы. И заслужила спокойную старость.

Атрохин Владимир Демьянович

Родился в 1932 г. в с.Кокоревка Брянской области. С первой женой прожили 33 года, она умерла в 1991 г. Со второй женой (Зоей Алексеевной Журимей) – с декабря 1992 г. От первого брака имеются две дочери, два сына. Все они живут в Брянской области. Иногда приезжают в г.Нижневартовск навестить отца и познакомить внуков с дедушкой. Работал и столяром, и слесарем, и шофером. Трудовой стаж составил 50 лет. На пенсии с 1990 г.

Начало войны встретил в поселке Кокоревка. Окончил 1 класс. В 1942 – 1943 гг. немцы полностью сожгли поселок. Все жители перебрались в лес, жили в землянках. У нас не было ничего, кроме коровы. Питались ягодами, лесными яблоками, молодыми побегами липы. В лагерь попал в 10-летнем возрасте и находился там по сентябрь 1944 г. Пришла крупная советская разведка. Через 10 дней, когда они стали отступить, мы всей семьей попросились идти с ними, и нас погрузили на повозки.

На лес, где жили партизаны и обычное население, обрушилась облава в три цепи: вместо партизан (их поймали очень мало) пленили мирное население, где я оказался со всей своей семьей – с двумя братьями, тремя сестрами и мамой. Цыган и коммунистов расстреливали прямо по дороге. Сначала направили в тюрьму г.Локоть (Брянская обл.), где нас продержали 4 недели. Затем – на станцию Брасово, в вагоне обработав какими-то химикатами, от которых потом горело все тело. На 3-й день, решив нас покормить, немцы высыпали котел картошки на цементный, очень грязный пол; выстроили всех в шеренгу, каждый должен был, подойдя к куче, взять 2 крайние картошки.

Когда пришла моя очередь, я не взял крайнюю картошку, так как она была вся в песке и грязи, а потянулся за рядом лежащей, чтобы немцы не увидели, но тут же надзиратель пнул меня под зад и ударил плеткой. Шрам был толщиной в два пальца и

заживал 3 месяца, боль была адская. Картошку я так и не взял, пришлось стать в очередь заново.

В очередном из «лагерей смерти», который был расположен в г.Резекне(Латвия), распорядок дня выглядел следующим образом: утром давали 0,5 л. противного горького кофе и 100 г. хлеба наполовину с древесными опилками; вечером – 0,5 л баланды и 100 г. того же хлеба. Каждое утро людей выводили на «плац», выстраивали и держали их там, иногда по 6 часов.

Отношение лагерной администрации к нам, детям, было ничуть не лучше, чем к взрослым. Выполняли одну и ту же работу, даже кормили в одинаковом количестве, сострадание полностью отсутствовало. Если ребенок падал или плакал, его могли спокойно расстрелять. Именно поэтому матери все время следили за своими детьми. Мы рано повзрослели. Мы не знали детства.

Поэтому День Победы является самым наивысшим праздником для меня. Это гарантия жизни будущему поколению. Хотя немногие знают об ужасных событиях военного времени. Мне тяжело сказать, почему. Когда я служил в армии, мне хотелось вступить в партию, но, узнав, что я являюсь бывшим узником концлагеря, мне отказали. Сейчас мне не на что жаловаться. Дети и внуки здоровы, значит, все хорошо.

подпись

Петриченко (Лимарева) Мария Павловна

Родилась в 1926 г. в Ворошиловградской области.

Меня угнали в Германию в сентябре 1942 г. в 16 лет. Везли в вагонах, где перевозили лошадей, приехали в город Ковель (Польша). Там мы прошли санобработку и потом привезли в какой-то город ночью. Здесь нам выдали железные бирки на шею примерно 12×16 сантиметров с номерами на грубой цепочке. Номера я не помню. Здесь же сняли отпечатки с большого пальца в трех копиях. Потом меня привезли в Берлин той же ночью. Выстроили в ряд по два. Прошел начальник лагеря с собакой, переводчиком и фонарем. Меня вывели из строя и сказали: «Ты будешь работать на кухне». Когда я дождалась утра, начала искать своего родного брата. Но его здесь не оказалось. Так началась моя жизнь узника.

Жили за проволокой целый год. Брата я так и не нашла. Через год нам выдали «аусвайс» и нашивки «ост». С этим «документом» мы могли пойти в парк, где сидел в заточении антифашист Э.Тельман. Лагерь наш находился возле большого завода «Сименс», окруженный большим каналом. Завкухней звали фройлен Гайман. Всеми русскими лагерями по снабжению питанием руководил герр Петч. Вскоре наш лагерь разбомбили и многие погибли. Из моей комнаты две девушки были убиты. Меня перевезли в другое место в Берлине. Бомбили союзники – США, Великобритания, а также СССР, бомбили каждую ночь. Много было разрушений. Второго начальника кухни звали Новак – чех. Это был жесточайший человек, нас, русских, ненавидел. В нашем отделении лагеря было два полиция, одного мы звали папашей. Он нам все рассказывал, что скоро Гитлеру капут, придут русские. “В 1943 году Рузвельт, Черчилль, Сталин заключили договор”, – услышала я от него. А другого мы звали собакой, это был настоящий фашист. Он всегда ходил с собакой и резиновой плеткой. И если кого заставлял перелезающим через проволоку, мог убить или дать собаке на растерзание. Мы голодали, нас кормили

одним шпинатом. Многие убежавшие не возвращались. Наш лагерь разбомбили в апреле 1945 г. Освободили нас русские 5 апреля 1945 г. Потом всех собрали в один лагерь в городе Ораниенбург. Оттуда я и была привезена на Родину в 1945 г. Самая большая радость – когда мы узнали, что едем домой: это было 9 мая. Огромная радость, что Господь хранил меня всю войну и хранит до сего часа, а мне уже 78 лет.

Вернувшись обратно домой, работала на шахте (разделявала породу), вышла замуж. Есть дочь, внуки, живут отдельно. После войны работала бухгалтером. С 1979 г. живу в Нижневартовске. Верующая, уже 13 лет езжу в дом молитвы в Старый Вартовск. Но лагерь сказывается до сих пор: у меня, как и у большинства узников, остеопороз, боли. Важно помнить, что фашизм – это разруха, убийства, истребление мира.

подпись

Мащина (Радькина) Александра Филипповна

Родилась в 1935 г. в деревне Косное Брянской области. Вдова. Двое детей: дочь и сын; четыре внучки, один внук, две правнучки. После войны работала, где только можно было, так как была еще маленькой. Основная профессия – повар, штукатур-маляр. Перед уходом на пенсию работала в конторе общественного питания УРСа «Нижневартовскнефтегаз». На пенсии с 9 марта 1994 г.

Война нас застала в Брянской области, в деревне Косное. Мне тогда было 6 лет. О начале войны нам объявили, и мы убежали в лес. Прятались в канаве, кушать ничего не было, и мы вернулись в деревню. Там уже были немцы: заходили в дом и грабили, забирали весь скот. Когда нас забирали в лагерь, мне было около 8 лет. До какого года мы там находились, я не помню. Освободили американцы. Лагерь находился в г.Люксембург.

Немцы начали отступать и всех нас забрали с собой. Шли пешком и на лошадях, а до Германии ехали на поезде. Там мама работала на вырезке торфа. Нас у нее было четверо, мы ей помогали. Старший брат работал на пилораме, где он остался без пальцев. Кормили нас очень плохо. Мы плели корзины из лозы и меняли их на хлеб. Самое страшное то, что мы находились под постоянным присмотром эсэсовцев и за колючей проволокой. А выжили благодаря нашей маме. Мы должны были слушать каждого солдата, послушаться – верная смерть. Иногда нам удавалось побегать с другими детьми и на этом все. С утра до вечера работали. Жаль «украденного» у нас детства.

У нас было представление о Родине, ведь нам так хотелось домой, на родную землю. Мы очень сильно скучали! А какая радость была в связи с освобождением из плена и окончанием войны! Особенно, что мы все еще живы, а ведь нас осталось так немного. Но нашу послевоенную жизнь удачной явно не назовешь. Когда мы приехали домой, нас ждало разочарование: жить негде. Да и время было сложным.

Осталось все в памяти и все стоит перед глазами, чуть что – слезы на глазах.

подпись

Трунова (Папирняк) Надежда Степановна

Родилась в 1924 г. на Украине, в селе Пыляво Винницкой области. Есть 3 дочери, внуки, правнуки. Работала в железнодорожной столовой. В Нижневартовске с 1974 г. В свободное время шьет, читает, пишет стихи, поет в хоре.

Война меня застала в Виннице, дядя сделал поддельный паспорт, и уже в 16 лет я была замужем. Беременной меня угнали в Германию в лагерь Дортмунд, на чулочную фабрику. Там работала, спала, ткала из бумаги какие-то матрасовки для мертвых немцев.

В лагере родила ребенка. Хотели отобрать, не отдала. Спали на 4-этажных нарах, кормили баландой, хлебом с опилками. В концлагере людей убивали, снимали скальпы, обрабатывали и делали абажуры для ламп. Когда была там, разбили мениск. В самом лагере добра мы не находили, а вот мирное население нас жалело и иногда подкармливало, то морковь подкинет, то булку хлеба найдем в траве.

Освободили нас американские войска. Многим предлагали уехать в Америку, из 45 человек вернулись в Россию только 7, а я сказала – «Россию не брошу!». Но, вернувшись из Германии, наши парни нас не уважали и называли проститутками. Хотя я считаю свою последующую жизнь в целом удачной: несмотря на то, что я необразованная, я работала на «умных» работах, на вагоностроительном заводе в Белгороде.

Наградой считаю для себя пансионат, где живу, здесь мне хорошо, я всегда говорила: «Я здесь живу как в раю, только поверх земли!» Однако никогда нельзя забывать, что фашизм – это смерть.

подпись

Плецкая Тамара Николаевна

Родилась в 1943 г. в пригороде города Леобен на фабрике Бригль Бергмейстера.

По своему возрасту (родилась в 1943 г.), естественно, у меня, младенца, своих воспоминаний быть не может. Обо всем происходившем с моей семьей я знаю из рассказов моей матери – Плецкой (Иващенко) Анастасии Ивановны и ее солагерников, с которыми я познакомилась совсем недавно, ведя поиск оставшихся в живых детей-узников лагеря Никласдорф из семейного блока.

Осенью 1942 г. моих родителей угнали в Германию. На фильтрации в городе Граце (Австрия) их отобрали для работы на фабрике Бригль Бергмейстера, что располагалась в 5 км от

города Леобен на юго-восток. Таких было 15 семейных пар. Жили они на чердаке автогаража в лагере за колючей проволокой. Личные номера, «осты», деревянные колодки на ногах. Еда — шпинат да «супок» из брюквы как подарок к праздникам и маленький кусочек хлеба. 15 женщин работали на бумажной фабрике, вымешивая ногами чаны-штофы с древесиной и кислотой. В положенное время родилось семь девочек и один мальчик. За всем наблюдала лагерьфюрерша. За мужчинами на токарных работах — мастер-«Маврич».

Через месяц после моего рождения мама сильно заболела крупозным воспалением легких, и нас отвезли в частный госпиталь в Леобен, где за больными ухаживали монашки из местного костела. Благодаря этому мы остались живы. У мамы не было молока и меня подкармливали женщины — австрийки из палаты, лежащие рядом с нами. В конце 1944 г. лагерь начали сильно бомбить. В одну их бомбежек меня контузило, так как мы оказались в завале разрушенного дома. С тех пор я — слабовидящая. В живых нас сегодня осталось четверо детей, все со слабым здоровьем. Остальные умерли в детстве. Возвращались мы в Советский Союз глубокой осенью 1945 г.

Со дня Победы моя мать меня везла чуть ли не полгода! А потом — все как у всех: проверки, запреты, унижения и святая тайна матери о моем рождении. Только через 50 лет она рассказала мне о том, что сама смогла вспомнить о том, как это с нами было там, в Германии. В 1994 г., когда я узнала многое о себе самой, я и стала сидеть. Захотелось увидеть, познакомиться с теми, кто также как и я, был рожден в лагере. Вот ведь судьба-злодейка! Удивительно, но я и предположить не могла, что (мы двое) в одной люльке лежали в лагере, в одной школе учились, за одной партией в классе сидели, домой одной дорогой ходили, дрались, но до самой старости не знали, что мы из одного лагеря, барака, одной ложкой вскормлены, одной судьбой повенчаны! ...

Пройдя по нескольку судов ... мы теперь «восстановленные», только гражданство у каждого свое: границы и расстояния мешают общению и помощи друг другу... Наше узниковское братство, хотя я не люблю ... слово «узник», совсем невелико: по всей

России едва наберется 300 тыс. взрослых и детей. Это все пенсионеры и практически инвалиды, хотя реабилитаций у нас не было ни в 45-м, ни сейчас. Невозможно осознать то, что тогда было с нами на самом деле. Но ведь это было! И об этом надо говорить и помнить..., как бы нам ни было тяжело и горько.

О наших судьбах, нашей истории написано много. Жаль только, что эти книги пишут зачастую сами же бывшие узники, и выходят в свет они мизерными тиражами, оседая там, где живет автор. Одну из таких, бесценную по материалу (мы привезли) в Нижневарттовск. ... Это была наша грантовая программа. ... Читайте, люди, изучайте нашу войну, где концлагеря — это миллионные кладбища без могил, где сегодня растут ... травы на священной земле, пропитанной кровью страдальцев..., в том числе детей СССР, и где каждый день был подвигом ради жизни и спасения, ради будущего.

подпись

PS: Регистрировали наше рождение в каком-то здании за территорией лагеря. Это я и моя мама после лечения в частном госпитале. Врач, спасавший нас, был эмигрантом из Украины.

Алехно Василий Григорьевич

Родился в 1938 г. в деревне Вежны Светлогорского района Гомельской области.

Помню зиму. Огромная колонна женщин, стариков, детей. Все люди движутся в каком-то направлении. По обе стороны вооруженные немецкие солдаты с собаками и березовыми дубинами в руках. У каждого на груди железная бляха. Никто не мог даже на шаг выйти из колонны (тут же следовал удар дубиной, независимо от того, кто это сделал). Утром мы очутились на огромной поляне в лесу. Территория была ограждена множеством рядов колючей проволоки. Кругом вышки с пулеметами. Так мы оказались в Азарическом (название на белорус. яз.) лагере смерти, который находился на территории Белоруссии. В лагере не было ни одного барака. Стояла зима: январь, февраль, март. Люди ложились на мерзлую землю. Кто-то утром вставал, а кто-то оставался лежать навечно. Мертвые лежали вместе с живыми. Выйти из этого лагеря не было никакой возможности. 10 метров до колючей проволоки — ... люди или взрывались на минах, или их срезало автоматной очередью. Воды не завозили — топили снег и так пили воду. Было одно место возле проволоки не заминировано — там собирался народ получить хлеб, который солдаты из приезжающей машины порой бросали через проволоку голодной толпе. В питании был только один хлеб. Кто поймает батон хлеба, тот выживал. Позже, будучи взрослым, читал один документ, подписанный Адольфом Гитлером, где говорилось, что при отступлении немецких войск лагерь должен был быть заражен сыпным тифом. Это должно было вызвать эпидемию тифа при контакте с Советской армией. Но что-то помешало. Так мы остались в живых. В том лагере находился я и моя семья: братья Николай и Михаил, мама Варвара Николаевна, дедушка, бабушка, тетя с тремя детьми, сестра Валя, которая после освобождения умерла. Нас освободили в 1944 году.

подпись

Тимофеева (Рапцевич) Мария Михайловна

Родилась в 1925 г. в селе Белом Ленинградской области.

Когда в село пришли германские войска, началось мое гонение по лагерям, на работу, так как я была в семье одна рабочая: больная мать да братику 5 лет, два брата были на фронте. Мне тогда было 16 лет. ... Я работала на дробилке камней для дороги ... от станции Оредеж до Ленинграда. День работали под конвоем с собаками, а на ночь закрывали нас в бараках ... в Ям-Тесове, даже в церкви. Помню там еще были дети с Белоруссии. За работу нам давали хлеб с опилками. Когда работали недалеко от дома, 15 – 20 км, я старалась ночью побежать к своим и понести им хлеб.

Один раз не успела добежать на проверку. Меня сильно ударил один немец по лицу, а потом автоматом по голове и отправил в комендатуру. А там пригрозили: один раз еще убегу – расстреляют. Но когда узнала, что отправят в Германию, решила бежать ... из лагеря, который находился в деревне Воронье Гнездо или Апраксин Бор, что под Ленинградом. Нас обстреляли, меня ранили в ногу. Это было 23 ноября 1943 г. А 28 ноября ... всех жителей нашего села Белое ночью под конвоем с собаками выгнали из домов и пешком погнали на станцию Оредеж, где погрузили в товарные вагоны и повезли в Латвию.

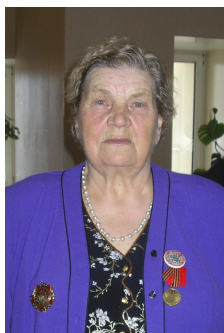
В местечке Мадонна нас разобрали хозяева на работы. Так я начала батрачить, доить коров, пахать землю, зимой прясть лен по вечерам. А 17 февраля 1944 г. меня вывезли в Германию, где использовали на различных строительных работах, а потом я работала у хозяина деревни Гехинген. Помню в семье Генриха, мать – Эмма, а дочь Эльза.

Освободили нас французы, а потом американцы. Номера своего не помню. Но были у нас на рукавах синие тряпочки с буквами «рус» или красные ленточки. Потом нас, русских, собрали в лагерь, где приезжало наше военное начальство и вело с нами разговор. В ноябре 1945 г. мы вернулись в село Белое.

подпись

Кожевникова (Романенко) Екатерина Васильевна

Родилась в 1927 г. в Кировоградской области (Украинская ССР).

Когда началась война, мне было 14 лет. Нас согнали в район к вечеру, а утром пешком повели за 35 км в областной центр – Кировоград. Там дня три собирали эшелон, затем погрузили в телячьи вагоны и повезли в Германию, в город Эссен. Вот я и увидела, сколько там заводов! Нас привезли в лагерь – Германияштрассе. На работу водили под конвоем, обуты мы были в деревянные колдушки. Без нашивки «Ост» никуда нельзя было выйти. На заводе АППА-2 или АНКА всех нас вызывали и выгоняли на работу из барачков. Я была маленькая, худенькая, но таскала листы железа на кучу, потом эту кучу краном увозили в конец цеха. Поработали мы с полгода, потом завод разбомбили. Бомбежки были и днем, и ночью. Бомбили англичане и американцы, доставалось в основном лагерям. Сколько я потеряла подружек там, не было даже времени поплакать над ними, так как через час опять была бомбежка.

Кормили нас супом из брюквы, хлеб 200 грамм из опилок. Боялась я немцев с овчарками, так как полиция натравляла на нас собак. Вольно ходили все нации, кроме русских, и собак натравливали только на русских. В марте 1945 г. американцы освободили нас. Мне было 17 лет, а весила я тогда 40 кг. Мне так надоел суп с брюквой, что я до сих пор не могу кушать репу.

У американцев мы были до сентября, они нас откормили. Можно много еще описывать, но тяжело. Подружки были с Ворошиловграда Мария Михайловна Пилипенко, с Киева Валя Павленко, я потеряла их адреса. Мне так одиноко.

23 июня 1998 г.
подпись

Юдин Иван Михайлович

Родился в 1928 г. в деревне Псурь Брянской области.

К началу войны мне было 13 лет. Я помню, что в 1942 г. мою деревню Псурь немцы сожгли. Это было летом. Меня вместе с другими жителями деревни насильно под конвоем погнали этапом. Пригнали в деревню Большая Жуковка, загнали в скотный сарай, забили досками. И как поняли мы после, нас хотели расстрелять и заживо сжечь, так как наша деревня относилась к партизанскому району и поэтому подлежала полному уничтожению. Но почему-то (карательную акцию) отменили и затем этапом погнали дальше. Сначала в лагерь в селе Улема и затем в концлагерь города Брянска, где держали нас вместе с военнопленными, отгороженными колючей проволокой. Кормили крапивой, отбирали молодых и здоровых, кто мог выполнять работы, и загоняли насильно в железнодорожные вагоны, и везли, как скот, в Германию. Последний распределительный концлагерь был Зоест. Там работали на фирму Бавва и других, выполняя непосильную работу под обстрелами и бомбежками. Кормили плохо, работа была, как у заключенных.

Освободили нас американцы в апреле 1945 года. Переправили нас водным путем на корабле через Англию в город Одессу. Там был фильтрационный пункт. Оттуда я и приехал домой на Брянщину.

подпись

Логваль Роман Францевич

Родился в 1940 г. в Белоруссии. До начала войны жил в деревне Белица Жлобинского района.

Семья наша была из 8 человек. Мне был год, когда началась война. Что было со мной и моими родителями во время войны, я сам не помню. О том, как мы попали в концлагерь, мне рассказывали родители уже после войны. После объявления войны в нашем селе вскоре появились солдаты Красной Армии, колоннами они двигались в сторону Бобруйска. Шли тайно. Через два дня со стороны деревень Луки и Кабановка объявились немцы. Начался бой. В этом бою, кроме солдат погибло очень много мирного деревенского населения, сгорели дома.

Деревня осталась в руках немцев. Прочесав окрестности, они выловили в лесах еще немало красноармейцев, вывели их на кладбище и расстреляли. Затем взялись за мирных жителей. Нашу семью выгнали из дома, и мы отправились в деревню Турки, где жили наши родственники, пока не было немцев. Через месяц вернулись мы в свою деревню. До зимы 1944 г. мы жили в оккупации. Приближение фронта привело немцев в ярость. Они решили остановить советские войска с помощью распространения тифа. На нашу семью навалились несчастья. Старших братьев Дмитрия и Федора угнали рыть окопы и строить различные укрепления. В это же время тяжело заболел отец и умер. Старшую сестру Марию, заболевшую тифом, немцы забрали из дома и вывезли в лес под Рогачев. О дальнейшей судьбе Марии мы ничего не знали. Через неделю после смерти отца мы решили бежать, но не тут-то было. Войти и выйти из деревни было уже невозможно. Вокруг стояли посты. Поступила команда собираться. Прихватив с собой кое-какие вещи и по команде пришли к машинам, погрузились. Машины привезли всех в Жлобин, к зданию, огороженному колючей проволокой и охраной с собаками.

Ночевали на улице прямо за оградой, а было начало марта. Наутро всех под дулами автоматов и под лай собак погнали к платформе и погрузили в вагоны-телятники. Часа в четыре дня поезд остановился на станции Рудобелка. Нас выгрузили. Со станции под охраной погнали в первый лагерь в районе деревни Рудня. Это было болотистое охраняемое место. Лечь было невозможно, везде была вода. Собрал вещи, сложили в кучу и взгромоздившись на нее, переночевали. Утром всех немцы построили в колонну, и мы пошли дальше. Но не все могли найти в себе силы на очередной переход. Очень много стариков и слабых маленьких детей остались там умирать.

Второй лагерь был на возвышении. Воды не было. ... Началась давка и немцы открыли стрельбу... Истрадавшиеся люди от жажды и голода не (находили) выхода. Посредине был туалет. Содержимое вычерпали, (но) вода прибывала и ее пили. ... На утро вновь пришлось идти и опять без крошки во рту. Многие истощенные жители бросали своих детей. ... У меня в лагере отнялись ноги... Но мать меня не бросила. За юбку матери держались брат Алексей и сестра Люба, а меня мать несла на спине. ... Третий лагерь ... находился недалеко от деревни Азаричи. ... Здесь мы прожили до конца освобождения Белоруссии. ... Тяжела была послевоенная жизнь. ... Только осенью 1946 г. мы попробовали своей картошки. ... Дальше вспоминать нет желания и тяжело. Вот так прошли мои детские годы.

3.06.1998 г.
подпись

Соснова (Цимерман) Роза Адамовна

Родилась в 1940 г. в селе Широкая Балка Николаевской области.

Вся наша семья (мать – Цимерман Алимпиада Георгиевна, отец – Адам Адамович, брат – Михаил Адамович, сестра – Елизавета Адамовна) с июня 1941 г. по январь 1943 г. проживала в Николаевской области на временно оккупированной территории. Во время оккупации папа сильно болел, а мама работала принудительно на рытье траншей. В январе 1943 г. нас насильственно эвакуировали немецкие власти в Польшу, в город Кладаву, где работали в сельском хозяйстве.

Папа и маленькая сестренка были больны. Эвакуировали нас этапом. По дороге на ночь нас всех загнали в какой-то сарай-конюшню: люди валялись с ног от усталости, голода и холода. Ночью началась бомбежка. Лошади переполошились, забились и заржали. Сестренка моя перепугалась и на всю жизнь осталась зайкой, а я лишилась 100% слуха, т.к. оглохла на левое ухо. Когда мы прибыли в лагерь, то местные жители приходили посмотреть на нас, как на зверинец через колючую проволоку. Они нас называли «черноморскими свиньями», потому что этап прибыл с Черного моря из г.Николаева.

Мама работала в сельском хозяйстве, жили в курятнике, а взрослые старались подкармливать детей через отверстия оконных решеток, чем придется. Папа умер 22 февраля 1944 г. В неволе встретились с бабушкой – Цимерман Эмилией Адамовной, папиной мамой, домой возвратились с ней вместе в ноябре 1945 г., но уже в Алтайский край на спецпоселение.

подпись

Кожуховский Станислав Максимович

Родился 18 августа 1938 г. в г.Запорожье, Украина.

Место и сроки пребывания в лагере: Германия, г.Контон, с 7.10.1943 г. по 02.1945 г. Период передвижения и пребывания на территории помню мало и смутно. Шла война, нас погрузили в вагоны, завязали двери и повезли. От старших слышал: в Германию.

На территории Германии были в каком-то лагере, огороженном колючей проволокой, охраняли солдаты с собаками. Передвижение по лагерю было запрещено. Я, как и все люди, сидел на земле, очень хотел есть и пить, но воды не давали, сильно болела голова. Потом жили в городе Грюнберг.

В начале 1944 г. нас (меня, сестру и маму с маленьким братом) вместе с еще несколькими семьями перевезли в деревню. Жили мы в деревянных сараях на окраине деревни. Взрослые ходили на работу по ремонту разрушенных бомбежками железных дорог, а в иные дни работали на лесопосадках. Все время нас проверяли на наличие солдаты с собаками.

В Запорожье прибыли в конце сентября 1945 г.

подпись

Компанеец Михаил Александрович

Родился в 1925 г. в Тоцком районе Оренбургской области.

История наших бед началась с 1929 г., когда нас раскулачили, сослав в г.Котлас на лесозаготовку. Было очень тяжело, двое наших малышей умерли, за ними – мать. Мы остались с сестрой и отцом. И чтобы не умереть с голоду, мы вдвоем с сестренкой бежали за 60 км до Северной Двины, а затем пробирались в родные места.

Отец позже оказался в Архангельске, где сумел даже выхлопотать себе паспорт, с ним и подался к брату в Крым – в Керчь, где купил маленький дом. Но пожить в нем долго не пришлось: началась Великая Отечественная война. Вслед за этим в дом попала бомба, разорвав буквально в клочья сестру. Отец пошел на фронт. Затем – фашистская оккупация Керчи, угон в Германию на работы на крупновских шахтах.

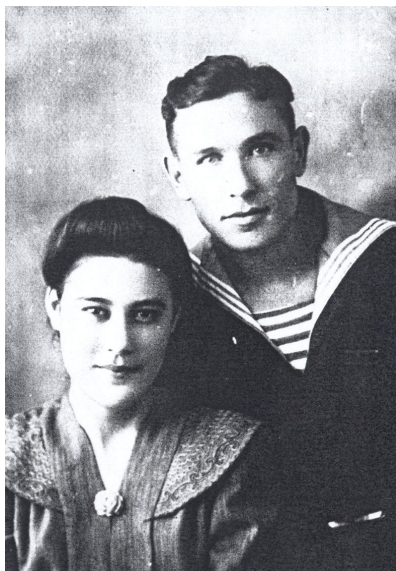
Сначала – в городе Ватенишайн. Потом, после многочисленных моих побегов, затем поимок с помощью гитлерюгенд, я оказался в городе Вохумфюнф – в штрафном лагере, где, отсидев 2 недели и получив № 3030, попал на шахту Гануфер (как потом оказалось, еще не самую плохую!), и вновь пустился в бега. И здесь попал в настоящий ад: лупили постоянно, вши ковром. Именно там я чудом остался жив, когда после 4-х побегов меня приговорили к смертной казни в составе таких же четырех узников. Уже были приготовлены 4 петли, поставлены скамейки, на которых мы должны были стоять. Но жена коменданта, любившая присутствовать на казнях (у нее даже был дамский пистолет), вдруг попросила своего мужа сохранить мне жизнь. Так я уцелел.

Наш лагерь в г.Хаген в результате бомбежек союзников сгорел, погибло много узников, а я попал в 6-этажную гестаповскую тюрьму, которую также разбомбили. Спасло то, что мы находились в подвале. Город был разбит, есть было нечего не только

нам, но и самим немцам. Потом пришли союзники, которые, увидев нас *такими* в тюрьме, были потрясены. Один из них даже заплакал, взял меня на руки и хотел покормить, на что один из военных сказал, что еда убьет нас. Нас привезли в тот самый лагерь, откуда забрали в гестапо.

Американцы 2 недели грабили городок Хаген-Форгаме. После всего я вновь оказался в Керчи, нашел под Симферополем в совхозе своего дядю, брата отца, который остался жив после того, как его угнали фашисты, но по дороге Симферополь – Керчь колонну пленных наши войска отбили. Потом окончил ФЗУ, через два года был награжден «Медалью за доблестный труд», высоко ценимой тогда. Оказался в Баку, где проживал мой отец. Спустя десятилетия, вслед за семьями моих двух дочерей, переехал в Нижневартовск, где долгое время работал сварщиком. Вот такая моя история.

(Запись воспоминаний произведена по телефону в феврале 2010 г.)

Часыгова (Судникова) Виктория Викторовна

Родилась в 1944 г. в Германии.

Я родилась 28 апреля 1944 г. в Германии. Моя мама была угнана в немецкий город Люгау, ее младший брат – в Польшу. По пути следования мама познакомилась с моим будущим отцом, который был ранен, а мама ухаживала за ним. Они оказались в одном лагере. Мама очень хорошо знала немецкий, а отец – английский язык, поэтому они были переводчиками. Им решили пожениться и даже зарегистрировали брак. Через год родилась я, весом 3,8 кг, и была здоровым ребенком. Назвал меня папа Викторией в честь будущей победы СССР. Мы с родителями оказались в разных лагерях, я – в детском.

В течение полугода дважды в день меня носили маме кормить. По воспоминаниям мамы, однажды утром немка, в очередной раз принеся меня, как-то странно посмотрела на маму и сказала: «Какая новорожденная красивая». Это сразу почему-то отозвалось в ее сердце, которое буквально сжалось. Увидев меня во второй раз, мама обнаружила, что у меня не поднимались рука и нога. Маму отправили в больницу, где немецкий врач Шульц объяснил, что болезнь «неотвратима и никто ничем уже не поможет», но мозг остался неповрежденным, добавив: «Вы – мама счастливая. И ваш ребенок будет полноценным».

Как оказалось впоследствии, в результате каких-то медицинских манипуляций лагерных врачей у меня были парализованы правая рука и левая нога, что при «нормальном» параличе не бывает, поскольку парализует либо правую, либо левую сторону. При этом все органы оказались смещены, осталось одно легкое. Потом маму вместе со мной отправили на работы к хозяину-бауэру, где мама доила коров, что и позволяло ей кормить меня.

Папа бежал из концлагеря, и вплоть до того времени, когда мне исполнилось 13 лет, мы не знали о его судьбе и того, что он после войны пытался нас найти. Как говорила позднее мама, то, что показывают о войне по телевидению, очень-очень далеко от действительности. Как-то раз, уже будучи студенткой, я купила модные тогда туфли сабо, да еще и надела шляпку на голову. Увидев меня, мама потребовала снять туфли, вспомнив эпизод в Германии: «Нас водили с папой на работы глубоко под землей (на авиазавод). Когда нас вели по уличной брусчатке в колодках, стоял стук, и немцы, отворяя окна, кидали нам кушать. Если мы ловили – были накормлены, если кусок падал и его кто-то поднимал, того немедленно расстреливали. Ничего нельзя было брать с земли!»

До 1946 г. мы были у бауэра (с ним был подписан какой-то контракт) на английской территории. Долго ждали обмена – были трудности с документами. До института я вообще не знала обо всей этой истории. Лишь в белорусской деревне, куда мама вернулась после войны, меня звали немкой, не приняли в комсомол, а мама смогла работать лишь на тяжелых работах – «садчицей» в печь. Ограничения существовали долгие годы. Но мне повезло благодаря маме: удалось поступить и окончить институт. А мои замечательные бабушка с бабушкой приложили много сил для того, чтобы облегчить мою инвалидность, и я в 4 года пошла. Даже была сорванцом, отлично плавала и ныряла. Вышла замуж, родила дочь. С 1981 г. проживаю в Нижневартовске.

Конечно, жизнь очень сложна, но ее надо принять так, как это дано от Бога, что я и пытаюсь объяснить внучке, когда выполнить ее просьбу невозможно, просто потому, что невозможно! На это она мне заявляет: «Бабушка, ты очень жестокая!» Несмотря на все перенесенное, я считаю себя очень счастливой женщиной. Да и молодым со мной до сих пор интересно. Я им часто напоминаю: «Нельзя роптать на жизнь!»

(Запись воспоминаний произведена по материалам видеосъемки, апрель 2009 г.)

Карабаева (Кикоть) Мария Авксентьевна

Родилась в 1925 г. в Полтавской области.

Я, Карабаева Мария Авксентьевна, ... родилась ... в селе Мостовищина Великобагачанского района Полтавской области. Наша семья жила бедно, юность прошла в нужде, заботах как выжить. В 1942 г. немцы захватили наше село. Это произошло внезапно, никто из жителей не смог убежать. А если кому это удавалось, немцы догоняли и расстреливали на месте, не глядя на то, кто перед ними – ребенок или взрослый человек. Всех нас, жителей села ... собрали в строй и под конвоем повели к станции. Там нас погрузили в вагоны, долго везли в неизвестном направлении. Спали на полу, даже бывало, что друг на друге из-за нехватки места. Кормили мало и редко, иногда даже забывали кормить. Привезли нас в Германию, в город Вальцы, выгрузили на станцию и поместили в какой-то барак. На следующий день началась наша трудовая жизнь. На нас одели полосатую одежду, похожую на пижаму, дали деревянные башмаки и на грудь прикрепили синюю ткань с отметкой «ОСТ», что означало «Русские», остальным – с другими отметками. Затем стали сортировать: взрослых в одну сторону, детей в другую ...

подпись

Зотова (Ратникова) Валентина Фроловна

Родилась в 1936 г. в Калужской области.

Я, Зотова Валентина Фроловна, родилась 4 апреля 1936 г. в деревне Верхуличи Спас-Демьянского района Калужской области. Нас было четверо детей. С самого начала войны папу сразу мобилизовали в армию, а где-то уже в 1941 г. немцы захватили нашу деревню. Я была слишком мала, да и мама старалась не вспоминать о том страшном времени. Моего старшего брата немцы подвешивали к потолку за пояс пальто и долго смеялись, а мы с мамой стояли и плакали. Потом его хотели расстрелять. Сейчас его уже нет в живых. Совсем маленькую сестренку 1941 г. рождения в ящике выбрасывали на улицу на мороз за то, что она плакала. Мама выбегала и брала ее в свою шубу. Так и ходила с ней весь день. Нас они закрывали в холодном чулане. Потом они совсем нас выгнали, и мы жили сначала в чулане, а потом ушли на квартиру. Маму гоняли на какую-то работу, а мы сидели голодные взаперти. Так мы прожили до августа 1943 г. А в начале августа всю деревню угнали насильно в лагерь г.Рославль Смоленской области. Нашу деревню сразу подожгли. Гнали нас колонной по Варшавскому шоссе. По дороге нас загнали в ригу, закрыли ворота, обложили соломой, но почему-то не подожгли, а сами ушли. На следующий день нас опять погнали. Мама даст нам по кусочку лепешки, что она прихватила с собой, так и шли мы. В лагере мы находились до освобождения войсками Советской Армии. Домой вернулись в октябре 1943 г. Жить было негде... поселились в окопах, которые были вырыты на огородах. Так мы и жили, пока нас папа не забрал в г.Спас-Демьянск.

подпись

Дремова (Поличенкова) Таисия Афанасьевна

Родилась в 1940 г. в Смоленской области.

Со слов матери, до войны мы жили в Смоленской области. С началом войны отец оказался на фронте. В семье было трое детей, я – самая младшая. Однажды, когда был воздушный бой, осколком убило бабушку. Наши солдаты, выходя из окружения, в перестрелке убили какого-то немецкого офицера. Фашисты в первой же попавшейся деревне расстреляли все мужское население, включая 10-летних мальчишек.

3 сентября 1941 г. нашу семью – маму, двух моих сестер и меня вместе с жителями нашей деревни Григорьевка Смоленской области немецкие солдаты выгнали из домов, а село сожгли. И пока все не сгорело, они не уехали. Всех, в том числе нашу мать с детьми, погнали очень долго без остановок, делая единственный привал ночью, не разрешая отходить в сторону (иначе расстрел!). В пути колонна оказалась между двух «огней»: стреляли и наши, и фашисты. Пригнали нас в концлагерь, огороженный проволокой. Очень хотелось кушать, и поэтому ребяташки, увидев рядом поле, где надеялись найти хоть что-то съестное, сделали подкоп и там же на поле были расстреляны находившиеся на вышке охранниками. Моя сестренка, к счастью, вернулась живой. В 1943 г. мы оказались в концлагере г.Рославль Смоленской области. Мама работала на принудительных работах, а мы, дети, находились на территории лагеря.

В декабре 1943 г. нас освободили. Но жить было негде, кушать нечего. 9 человек жили в погребе. Начался тиф. Помню случай, когда в 1946 г. один пленный немец убежал из лагеря недалеко от нас, где содержался. Мы видели, как он на поле ел овес, и нам, детям, да и взрослым, стало его жалко.

В 1952 г. переехали в Московскую область, потом, в 1972 г. – в Курскую. С 1979 г. живем в Нижневартовске. Имею двух дочерей и двух внуков.

Вспоминаю о тех годах одно: голод, голод, голод. Когда у самой появились дети, хотелось лишь одного – накормить их посытнее, пусть они не узнают того, что пришлось пережить нам. Но бережливость осталась у меня главной чертой.

(Запись воспоминаний произведена по материалам видеосъемки, апрель 2009 г.)

Агошков Николай Александрович

Родился в 1942 г. в деревне Казиновка Орловской области.

Со слов сестер, знаю, что в плен нас с матерью погнали в Белоруссию, в Гомельскую область. Уже в сознательном возрасте не помню разговоров по этому поводу: то война, то послевоенная разруха. Питание – лебеда. После войны все пошло своим чередом: работа, которой отдал 40 лет. С 1978 г. – в Нижневартовске.

Если бы я попал в лагерь постарше, то помнил бы больше. А я был маленьким – даже повезло, что не помню ничего. Старшие – только между собой что-то вспоминают. И нужны ли эти воспоминания новым поколениям? Нужно ли «ворошить прошлое»? Полагаю – нужно! Глядишь на георгиевскую ленточку – и что-то в душе такое ... переворачивается! Молодежи следует рассказывать нашу историю: нас не станет – они об этом и знать не будут. А знать надо!

(Запись воспоминаний произведена по материалам видеосъемки, апрель 2009 г.)

Коваленко Мария Емельяновна

Родилась в 1924 г. в селе Одаровка Покровско-го района Ворошиловградской области.

В 1942 г. проживала в городе Сватово Ворошиловградской области. В декабре 1942 г. была насильно угнана в Германию, в город Нойштадт (Вайништрассе), бывшая Лотарингия. Прожи-вала в лагере, а на работу на мебельную фабрику хозяина Красеман водили ежедневно под конвоем... На фабрике работала грузчиком..., проживали на территории лагеря в дере-вянном бараке, в одном помещении находилось 12 – 16 человек. Питание составляло 250 г. хлеба в сутки. Два раза в день варили какую-то баланду из овощей ... Весной 1945 г. ... нас освободили американские войска, а затем передали нас по нашей просьбе со-ветскому командованию, где я и проходила фильтрацию. Затем 10 месяцев работала в летней войсковой части Покрышкина. ... Оттуда была демобилизована и отправлена на Родину.

3 ноября 1998 г.
подпись

Качан Леонид Ефимович

Родился в 1937 г. в г. Запорожье.

Я, Качан Леонид Ефимович, по национально-сти – украинец, родился в городе Запорожье 6 октября 1937 г., где и проживал с родителями до начала Великой Отечественной войны. 1 сентября 1943 г. вместе с родителями бы насильно отправлен в Германию, где содержался ... в концлагере до освобождения советскими войсками 14 апреля 1945 г. (Нахо-дился) в лагере восточных рабочих в селе Гогенбок с 1 сентября 1943 г. по 14 апреля 1945 г.

В период нахождения в концлагере в моих детских воспоминаниях (мне было тогда 6 лет) осталось в памяти: очень плохо кормили, сильно били, мало спали и были запуганы, что повлияло на мою речь (я стал заикаться). Еще запомнилось, что часто брали кровь и что-то вводили вовнутрь. Все, что я перенес в концлагере (пытки, тяжелая работа для меня) отразилось на моем здоровье. Я стал инвалидом II группы с нарушением речи и координации движений.

подпись

Перевертун (Черненко) Ольга Павловна

Родилась в 1924 г. в селе Гельмязово Золотоношского района Черкасской (Полтавской) области.

Я, Перевертун Ольга Павловна, в девичестве Черненко, была угнана в Германию на принудительные работы с села Гельмязово Полтавской (ныне Черкасской) области. Везли нас в товарных вагонах. Сначала привезли в Бремен, раздели догола, осмотрели всех и отправили в город Дельменгорст на фабрику «Ютешипинерой». Жили на фабрике, никуда нас не выпускали. Одеты были в рабочую одежду с нашивками «ост», на ногах деревянные колодки. Кормили плохо, в основном похлебка из моркови и брюквы (у меня от этого желтели ладошки). У нас была надзирательница, звали ее «Пипа». Она без конца перерывала наши постели и тумбочки. Фабрика представляла собой большое здание с большими окнами. Полы были гладкими и хорошо скользили, и мы между станков не ходили, а ездили в своих колодках. Работали много – по 12–14 часов. Хотелось спать и есть. Уже в конце войны, когда в Германии были введены продовольственные карточки, нас стали выпускать в город и выдавать карточки, но они были такие мизерные, что на них можно было купить только иголку или порцию мороженого. Тогда мы воровали на фабрике нитки и продавали их, а также кто умел, вязали шарфики и тапочки и меняли их на хлеб.

В конце войны нас сильно бомбили. Бомбоубежища были разделены — отдельно для немцев, отдельно для нас. Однажды была сильная бомбежка, бомба угодила где-то рядом, нашу дверь оторвало и меня оглушило. Я долго не могла ничего слышать. Когда выбрались из убежища — фабрики нашей не было, остались одни руины. Сожгли и город Бремен. С 1942 по 20 апреля 1945 г. находилась в германском плену в города Дельменгорст. Освобождали нас американские войска. После фильтрационного лагеря в Фюрстенберге я вернулась на родину, в свое село, а затем поехала восстанавливать шахты Донбасса.

(Воспоминания записала дочь Маколатий Н.С.)

Фомина (Похвалитова) Нина Петровна

В феврале 1942 г. я с соседскими девушками пошла в поселок Моспино. Там мы сели в поезд, чтобы поехать в г.Сталино (Донецк). На станции города Сталино нас поймали солдаты в немецкой форме, поставили в строй и силой стали сажать в поезд. Этот поезд поехал в Германию.

В Германии нас стали распределять по хозяйствам. Я попала на посудную фабрику в г.Швельна. Работала я там сварщицей. Жила при фабрике в бараке. Работали на той фабрике по 12 — 14 часов в день. На работе за нами постоянно наблюдали надзиратели. Иногда нас били. Кормили нас в основном вареной брюквой и шпинатом. Было постоянное чувство голода. Иногда приходилось воровать продукты. И на работе, и в бараке мы находились в постоянном наблюдении. На свежем воздухе совсем не бывали.

В 1945 г. фабрику разбомбили. Под бомбежкой я чуть не погибла. Спаслись удалось чудом. Освободили нас американцы. Также в Германию были насильно угнаны мои мать, отец и младшая сестра. Но об этом я узнала по возвращении на Родину.

(Воспоминания записала дочь Чурсина Л.С., 8.06 98 г.)

Агиевич (Карпенко) Мария Николаевна

Родилась 1926 г. в Ростовской области.

В 1942 г. в городе Новошахтинске Ростовской области находилась германская биржа труда, с которой нас всех с Новошахтинска по повестке забрали в Германию. Был отправлен целый состав детей с Южной шахты. Нас посадили в грузовые вагоны и отправили в Германию. Сопровождали нас немецкие солдаты. На одной из станций, я не знаю какая, нас выпустили в туалет, я хотела убежать, но не удалось. Немецкий полицейский увидел, как меня спрятали под юбку женщина – полячка, и крикнул на нее, и мне пришлось бежать обратно в вагон. Когда я залезла, то немец дал мне такой подзатыльник, что я юзом полетела по вагону. Когда мы прибыли в Берлин, нас построили в одну шеренгу, где нас уже ждали покупатели – бауэры. Мы жили в лагере военнопленных. Каждое утро полицейские нас водили на работу на железобетонный завод, а вечером приводили под конвоем назад. Там мы и находились в этом лагере, пока нас не освободили танкисты англо-американские, от них мы узнали, что война закончилась. Кормили нас в лагере очень плохо: ели брюкву и «кульрабу» (кольраби) – такое вонючее растение. Потом русские посадили нас на машины и повезли на станцию «Центральный Волховыцк». Там мы находились больше недели, никто нас не кормил. А потом подогнали пассажирские вагоны, вернее, поезд и повезли на Родину. Это было в начале июня 1945 г. Так я оказалась дома, чудом уцелевшая.

подпись

Парочкина (Ревуцкая) Нина Тимофеевна

Родилась в 1926 г. в селе Ключевка Красиловского района Хмельницкой области.

Я, Парочкина Нина Тимофеевна, 1926 г. рождения. В июне 1942 г. была угнана в Германию на работы. Мама работала на окопах, а меня, ее единственную дочь, со станции «Антонина» посадили в вагон-товарняк и отправили. Не дали даже попрощаться с мамой. Нас в вагоне было 50 человек из деревни Ключевка. Всех забрали работать на фабрику «Роведер». Там мы делали маскировочные сети для армии. Я работала на станке. Без выходных. На рукавах носили синенькие «ост»... В цеху было очень душно. Кормили нас два раза в сутки брюквой. Хлеб давали один раз на 10 дней. Били нас нещадно. Фабрика находилась за колючей проволокой. Выходить за нее нам не разрешалось. За нарушение – расстрел. Фабрика была текстильного назначения, здание пятиэтажное. Освобождали нас англичане в мае 1945 г., а домой я вернулась в июле 1945 г.

подпись

Кудинова (Горбенко) Анна Дмитриевна

Родилась в 1926 г. в г.Азов Ростовской области.

Меня фашисты угнали в Германию в октябре 1942 г. из города Азов Ростовской области. Угрожали за неявку расстрелом. Увезли нас на барже. Привезли в Ростов и отправили в Германию товарняком. По пути нам не давали еды и питья. По нужде выводили из вагонов под надзором полицейев. Кто пытался убежать, того ловили и отправляли (назад в вагон или расстреливали). Привезли нас в пункт назначения и распределили по хозяевам. Я попала за колючую проволоку в лагерь – г.Фридрихсгафен на завод «Мойбах», где мы были разнорабочими.

Жили в бараках, спали на нарах. Кормили нас баландой. Работали по 12–20 часов в сутки. За провинность били. Кто пытался выйти за колючую проволоку, чтобы добыть себе картошки на питание, того ловили и сильно наказывали. Там я пробыла до освобождения американскими войсками в мае 1945 г. ... В сентябре я приехала домой в Азов. ... Сейчас проживаю у сестры... Являюсь инвалидом второй группы, болею болезнью Паркинсона, не транспортабельна.

25.10.1998 г.

подпись

Шумейко (Рубанова) Матрена Ефимовна

Родилась в 1917 г. в Брянской области.

С первых дней войны территория, где я жила (Брянская область), была оккупирована немцами. Мужа моего немцы расстреляли, а меня вместе с другими в 1942 г. погрузили в вагоны-телятники и повезли. Сказали: «Будете работать на германскую армию и народ». Ехали около недели, на остановках, когда выходили по нужде, пыталась бежать, но почти не удавалось, стреляла охрана. Сначала привезли в один лагерь, там были недели две. Территория, обнесенная колючей проволокой, много охраны под открытым небом. За все это время, кроме воды, ничего не давали. Народу было очень много, начали умирать. Трупы закапывали наши же пленные на наших глазах тут же за проволокой. Я выжила только потому, что в дорогу мне мама насыпала мешочек сухарей, и я их сосала. Потом отобрали два вагона людей, и меня в том числе, и повезли дальше.

Привезли в лагерь, где были бараки, обнесенные колючей проволокой, за которую выходить было нельзя. А рядом на берегу большой реки был завод. На этом заводе делали торпеды. Сказали, что работать будем мы там. Я работала чернорабочей, убирала, приносила, уносила. За малейшее непослушание нас били

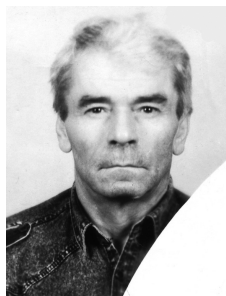
плетками по чему попало. Кормили раз в сутки супчиком из очисток свеклы, картошки, моркови, (давали) 100 г. в сутки подобие хлеба. Местные жители приходили к руководству лагеря и просили, чтобы мы в свободное время работали у них в хозяйстве. За это они нас подкармливали. Благодаря этому осталась жива. Знать, где мы находимся, было не положено, но доходили слухи, что река называется Медуза или Мязуза, неподалеку от города Щецина. Потому как приближался фронт, нас еще раза 2 – 3 возили из одного лагеря в другой. Потом надзиратели сбежали. Наши солдаты нас немножко подкормили и отправили на Родину. Так кончились мои три года ада. За давностью лет и моего преклонного возраста некоторые факты и названия могут быть искажены.

(Запись со слов М.Е.Шумейко сделана ее дочерью)

Шнаковский Василий Фавстович

Родился в 1942 г. в Белоруссии.

Мне было весной 1943 г. 9 месяцев, и я не знаю, как все это происходило. Однажды я увидел фотографии: у отца и матери на груди были таблички с номерами. Я попросил отца рассказать, как мы попали в Германию весной 1943 г. Наша деревня была окружена немцами, которые поджигали дома, а жителей выгоняли и под дулами автоматов погнали пешком на станцию Парохонск Пинской области. Нас всех загрузили в товарный состав и повезли в Германию. Там всех расформировали по лагерям на принудительные работы.

Наша семья: отец, мама, две сестры, брат и я, – попали в лагерь № 1 Остенгольц Мор Ибер Вальсрорда. В этом лагере мы были два года. Родители, сестра и брат работали, мать часто плакала и просила Бога, чтобы мы остались живы. Кормили плохо. В 1945 г. начались бомбежки (союзников)... Мы не знали, чьи

это самолеты. Однажды во время одной из бомбежек я испугался и побежал туда, где работали родители. Ударной волной меня отбросило в канаву, которая и спасла мне жизнь, так как вторая бомба, разорвавшись, присыпала меня землей.

Освободили нас английские войска. Это было весной 1945 г. Летом нас отправили на Родину. Деревня наша была сожжена.

подпись

Павлова Екатерина Савельевна

Родилась в 1925 г. в г.Никополе, Украина.

12 июня 1942 г. угнана в Германию, попала в концлагерь г.Гельзенкирхе, где работала на заводе «Кюперсбуш». Ходили под конвоем с собаками на работу в арестантской одежде, деревянной обуви (гольциуги). Одежда в полоску с номерами «Ост». Работали с 7 утра до 7 вечера. Кормили шпинатом вареным (называли суп) с червями, песком, без картошки. Хлеб давали один раз на неделю – 1 кг наполовину с древесными опилками.

В деревянных бараках было очень холодно, трехъярусные деревянные кровати, матрасы с опилками и подушки. Утром при подъеме, кто не успел встать вовремя в строй, того избивали, а иногда напускали собак. Ночью каждый день бомбили город по 5 – 6 раз, покоя не было. На заводе нас били, некоторые не выдерживали этих пыток и умирали. Нас собралось 7 человек, умудрились сделать побег, чтобы попасть к хозяину-бауэру, где немного лучше кормили. Но при задержании нас посадили в камеру одиночку в г.Люксембурге. (Потом) нас отправили в Рур на шахты, а затем – в г.Гюстров, еще больше и хуже концлагерь. Там мы работали на сельхозплантациях от зари до зари, и на ночь (нас) привозили в лагерь. Перед самым освобождением нас распределили

по хозяевам, где застала победа, по ту сторону Эльбы. Нас освободили американские солдаты, где и сделали мне операцию, т.к. из-за ударов в голову у меня было сильное воспаление мозговых оболочек. (Потом) нас отправили на фильтрацию. Мы проходили несколько проверок и нас отправили на Родину.

Очень трудно вспоминать все пережитое нам, чудом оставшимся в живых. По приезду домой нам по полгода не выдавали паспорта и систематически вызывали в органы проверки, считая врагами народа. Я инвалид (сначала 2-й, а затем 3-й группы), всю жизнь очень болею, перенесла 7 операций, нищету, потеряла семью и осталась совсем одна.

подпись

Суманова (Иваненко) Надежда Васильевна

Родилась в 1924 г. в Полтавской области.

Я, Суманова Надежда Васильевна, родилась 16 мая 1924 г. в селе Кальшняя Полтавской области. Началась война 1941 г., но фашисты заняли Полтаву в 1942 г. Я возвращалась из лесу, меня схватили немцы и увезли на станцию Миргород. Нас там сильно били, было много молодых. Загоняли дубинками в вагон, кто пытался бежать, того расстреливали на месте. ... Везли нас целый месяц, не кормили. Иногда давали кусочек хлеба и баланду. Доехали до Германии в город Дортмунд. Нас выгрузили, кто не мог ходить, того тут же расстреливали... Отправили на завод работать. На заводе мы делали головки на снаряды. Всех поселили в бараки. Кормили два раза в день брюквой, шпинатом. Люди от такой еды очень болели, и нас сильно избивали за всякую провинность. Там мы были в плену 3,5 года. Освободили нас американцы, и после освобождения сразу же отправили на Родину. Я работала в госпитале, для того чтобы прожить. Домой вернулась в сентябре 1945 г.

Всего невозможно описать и рассказать, это была бы целая книга страданий и унижений человека.

подпись

Родин Николай Павлович

Родился 22 июня 1941 г. в Пскове.

Я ... могу только со слов матери написать то, что она мне рассказывала. Мать немного запомнила те годы, так как не очень-то они и были хорошими. Где-то весной 1943 г. фашисты захватили город Псков и всех мирных жителей стали отправлять насильно в Германию, грузить как скот в товарные вагоны. У матери была большая семья и все были вывезены. Во время дороги в Германию поезд сильно бомбили и несколько семей погибло. Но наша семья сохранилась. Где-то мать со своими сестрами работали... Мать рассказывала, что я и еще один мальчик (мне было тогда 3 года), видимо голодные, залезли в горох и за нами побежали немцы. Но мальчик тот был старше и убежал, а меня поймали и сильно избили, после я долго не разговаривал, почти до самой школы. Но и потом я плохо разговаривал, и все это отразилось на моей учебе. Трудно закончил школу, получил специальность водителя. Больше ничего не могу написать, так как в 15 лет уехал из родного дома, а мать больше никогда не вспоминала о тех годах.

подпись

Мусиенко Иван Михайлович

Родился в 1926 г. на Украине.

Угнали меня без документов. В селе, где я родился, загса не было. Запись года рождения, т.е. 1927 г., (произведена со слов), когда я получал метрику в районе о рождении по возвращении из Германии. Оказалось, что ...фактически я 1926 года рождения, село Луценки Лохвицкого района Полтавской области. До 1942 г. проживал там же, откуда и был угнан в Германию. ...Ночью в октябре 1942 г. домой, где я жил с младшей и старшей сестрой Марией и Анной, пришли полицаи. Как помню, один полицай – сосед Мелетенко Михаил, другой – Копылов, ранее раскулаченный,

как потом говорили односельчане, возвратился при немцах и еще 2 незнакомых полицаев. Старшая сестра Анна начала возмущаться, полицай Мелетенко ... дважды ударил ее шомполом.

Раньше весной угнали мою среднюю сестру Софию, которая отбывала изгнание в Австрии и в 1945 г. вернулась домой. Нас, предназначенных к отправке в Германию, ночью пешком в сопровождении полицаев, они ехали на лошадях верхом, пригнали на станцию Сталинская. Затолкали в вагоны-телятники по 60 человек, как потом выяснилось. Ехали и спали стоя. Изредка подвозили еду к вагонам в баках. Нас из дома собирали наспех, а потому никто ничего взять не успел. Еду набирали даже в шапки, и у кого что было ... Я ел из фуражки.

В Киеве был пересельный пункт. Там нас сортировали и давали жетоны. Они были трех цветов: белый, желтый, зеленый, — и по ним нас распределяли по вагонам и повезли в Германию, кого куда. Ехали долго, несколько суток. Воду подавали, когда останавливались. Из вагонов не выпускали, в полу вагонов были дыры (так называемые туалеты).

Таким путем ехали ...сутками. Привезли, выгнали из вагонов и погнали в лагерь. Нас было 150 человек. Это было в городе Военгартен, километрах в 40 от города Фридрихсгафен, куда потом нас возили на работу.

...Работали на машинной фабрике, я работал ... слесарем. Жили в 3-этажном доме: 1-й этаж — кухня-столовая; 2-й — жили в комнате на нарах по 70 человек; 3-й — туалет. С нами жили ребята со всей России со многих областей. ... Там мы находились до освобождения нас французами в конце апреля 1945 г.

Потом нас перевезли в сборный лагерь на русскую зону. ... (Затем) нас погрузили в вагоны и отправили в Москву. Ехали месяц. В Москве проходили фильтрационную комиссию.

подпись

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

Документальные материалы

1. Берген-Бельзен (сопроводительная брошюра к выставке, посвященной детям, женщинам и мужчинам, униженным, замученным и убитым в концлагере Берген-Бельзен). Ганновер, 1990.
2. Вербицкий Г.Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию (Вторая мировая война). Документы и воспоминания. Нью-Йорк, 2000.
3. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Тюмень, 1999–2008.
4. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР, 1934–1938 гг.: В 2 кн. М., 2001.
5. Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1984.
6. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 2 т. М., 1954.
7. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8 т. М., 1987–1991.
8. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7 т. М., 1957–1961.
9. «Пишу своими словами...» История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа / Сост. И.Г. Джуга. СПб., 2009.
10. Преступные цели – преступные средства. Документы по оккупационной политике фашистской Германии. М., 1963.
11. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / Под ред. и с предисл. П.А.Жилина. М., 1987.
12. Река времен: В 5 кн. Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П.Чулкова из собрания Государственного литературного музея. Кн. 4. М., 1996.
13. Руденко А.Р. Судебные речи и выступления. М., 1987.
14. Русский провинциальный некрополь. М., 1914.
15. Свидетели обвинения / Сост. Е.А.Вечтомова, В.В.Иванов. Л., 1990.
16. СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 2000.
17. Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В.Лоскутовой. СПб., 2003.

1. Алексич С. У войны не женское лицо. Минск, 1985.
2. Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А.В.Гончарова. М., 1979.
3. Воспоминания климовчан-остарбайтеров. Могилев, 2005.
4. Жагрина Н.Д., Рогачева Т.А., Бурым Л.Д., Александров В.М. «Как это с нами было». Воспоминания малолетних узников фашистских концлагерей. СПб., 2004.
5. Костин И.А., Непшлиева К.А. Плененное детство. Петрозаводск. 2005.
6. Кривоблоцкий В.В., Поликанина В.П. Память. Минск, 2005.
7. Литвинов Вл. Коричневое «ожерелье». Киев, 2001.
8. Люди, победившие смерть. М., 1973.
9. Муратова Л.С. Несломленные. Ростов н/Д, 2008.
10. Мы – дети репрессированных: В 2 кн. Нижневартовск, 2009.
11. Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключенной № 10787 / Пер. с нем. Н.А.Смирновой. М., 1985.
12. Никитин В.З., Ермакова А.И., Демченко А.И. и др. Несломленные в фашистской неволе: Очерки и воспоминания. Тюмень, 2001.
13. Оккупация. Воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей – в год 60-летия великой Победы. Петрозаводск, 2005.
14. Полевой Б. В конце концов // Роман-газета. 1969. № 6.
15. Протоиерей Василий Ермаков, Дмитриева С.И. Воспоминаний горькие страницы... Документально-художественное издание. СПб., 2000.
16. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986.
17. Родина А.В. На детстве моем войны отметина. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2003.
18. Рольникайте М. Я должна рассказать. М., 1976.
19. Спустя полвека: народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Курган, 1994.
20. Тимощенко Л. Дети и война. Даугавпилс, 1999.
21. Фриц М., Юрза Г. Да здравствует жизнь! Ад. 565 дней в Освенциме-Биркенау. М., 1988.
22. Шкондин И.И. Дорогами судьбы. Ростов н/Д, 2001.

2. Энциклопедии

1. Энциклопедия Второй мировой войны. Крах Третьего рейха (весна — лето 1945 г.) / Пер. с англ. В.Д.Тарасова. М., 2007. Т. 5.
2. Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С.М.Воропаева. М., 1996.

3. Литература

1. Бадак А.Н., Войнич И.Е. Всемирная история: В 24 т. Минск, 1997. Т. 23 — 24.
2. Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции, 4—5 апреля 2005 г. Нижний Тагил, 2005. С. 66—68.
3. Балабанова М.Ю. Советские остарбайтеры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск, 2004.
4. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1994.
5. Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии. М., 1986.
6. Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979.
7. Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы: В 7 кн. Тверь, 2000.
8. Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.
9. Домановский Л.В. Устные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 194—239.
10. Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1996.
11. Зотов В. Трижды ветеран // Местное время. 1996. 22 февраля.
12. История Великой Отечественной войны 1941—1945: В 6 т. М., 1960—1965.
13. История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. М., 1980. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии.
14. Калимуллина Л.Р., Умнова В.В. Кто вы, Иваны, не помнящие родства, современной России? // «Имею честь достойно Родине служить». Проблемы духовности современного общества и патриотического воспитания молодежи ХМАО: направления и перспективы: Материалы окружной научно-практической

конференции (Нижевартовск, 3 марта 2006 г.). Нижевартовск, 2006. С. 109–112.

15. Калинин И. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.

16. Кизилов М.Г. Боль коротких встреч. О судьбах советских женщин, угнанных на работу в Германию в годы Великой Отечественной войны. М., 1992.

17. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 17–27.

18. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.

19. Кузьмин С.Т. Сроку давности не подлежит. М., 1985.

20. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

21. Лукьянова И. Стой смирно! // Ридерз дайджест. 2008. № 10. С. 33–34.

22. Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена»: Сборник материалов по итогам первого этапа проекта. 2000–2003 гг. Нижний Тагил, 2003.

23. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М., 1988.

24. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

25. Назаретян А.П. Психология массового стихийного поведения. М., 1997.

26. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995.

27. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 2001.

28. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985.

29. Российский менталитет: Психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996.

30. Семиряга М.И. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985.

31. Серван-Шейбер Д. Поладить ребенка, чтобы он... вырос // Psychologies. 2009. Январь. № 34. С. 150–151.

32. Социология в России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.

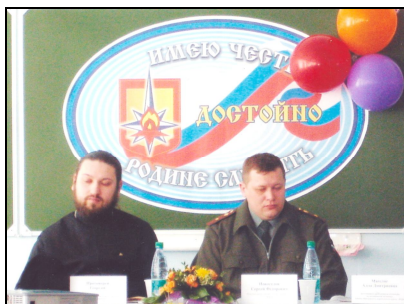
33. Спустя полвека: Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 1994.

34. Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 2000.
35. Судьба. 2009. № 2, март-апрель. (Газета Международного союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей).
36. Сысоев Г. «Дети в подвале играли ... в гестапо» // День. Всеукраинская газета. 1997. 19 апреля.
37. Тень Холокоста (Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». Москва, 4–7 мая 1997 г.). М., 1997.
38. Томпсон П. Устная история / Пер. с англ. М., 2003.
39. Уильямсон Г. СС – инструмент террора. Смоленск, 1999.
40. Фиш Г. Подруги из Грини // Литературная газета. 1963. 2 июля.
41. Фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. / Под ред. О.Е.Лебедевой и М.В.Строганова. Тверь, 2005.
42. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
43. Фрумкина П.М. Психолингвистика. М., 2001.
44. Чекрыгина Е.А. Подпольная школа в концлагере Бухенвальд // Студент и научно-технический прогресс: Материалы XLVI международной научной студенческой конференции. 26–30 апреля 2008 г. Новосибирск, 2008. С. 195–197.
45. Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
46. Шуплецов В.М. Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945). Пермь, 1973.
47. Эпоха. Культура. Люди (История повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–50-е гг.): Материалы междунар. науч. конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.). Харьков, 2004.
48. Эрманн И. Новые представления об истории в Швейцарии и влияние советской истории // Историческое знание в современной России. Дискуссии и поиски новых подходов. М., 2005. С. 75–82.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

«Имею честь достойно Родине служить»:
цикл научно-практических конференций, организованных
ассоциацией «Память и будущее» (2006 – 2009)

Общероссийские мероприятия, посвященные
Дням памяти, с участием ассоциации «Память и будущее»

Наши исторические маршруты

Нижний Тагил, 2005 г.

Пушкинские горы, 2007 г.

Издательский проект ассоциации
и благодарственное письмо директора «Пушкинского заповедника»

Город-герой Севастополь, 9 мая 2008 г.

Бывшие
малолетние
узники
фашистских
концлагерей

Ответ Международной службы розыска на запрос Т.Н.Плецкой

	SERVICE INTERNATIONAL DE RECHERCHES INTERNATIONAL TRACING SERVICE INTERNATIONALER SUCHDIENST
	Bad Arolsen, 22.12.2006 Broc
Frau Plezkaja Tamara Nikolajewna Ul. Schukowa 2-11 628609 NISCHNEWARTOWSK Tjumenkaja obl. RUSSISCHE FÖDERATION	
Unser Zeichen (bitte angeben) T/D – 2 111 835	Ihre Anfrage, hier eingegangen am 28.07.2000
Betrifft: Beschaffung Ihrer Geburtskunde	
Sehr geehrte Frau Plezkaja,	
wir nehmen Bezug auf Ihre oben angeführte Anfrage. Im Anschluss an unsere Empfangs- bestätigung vom 12.01.2001 möchten wir Sie zunächst um Verständnis dafür bitten, dass Sie erst heute ein weiteres Schreiben von uns bekommen. Unsere Dienststelle erhielt in letzter Zeit eine solche Flut von Anfragen, dass es uns nicht immer möglich ist, in einem angemessenen Zeitraum zu antworten.	
Heute übersenden wir Ihnen einen Auszug aus dem Geburteintrag Nr. 58/1943, ausge- stellt vom Standesamt Niklasdorf, Österreich.	
Auf den abweichenden Nachnamen weisen wir hin.	
Wir hoffen, dass wir Ihnen behilflich sein konnten und verbleiben	
mit freundlichen Grüßen	Госпоже Плещкой Тамаре Николаевне Ул. Жукова 2-11 628 609 Нижнеартговск Тюменская обл. Российская Федерация
Im Auftrag R. Bröker für die Archive	
Anlage: 1	Наш индекс (пожалуйста, указывайте) T D / 2 111 835
	Ваш запрос, поступивший 28.07.2000
По поводу: Доставки Вашего свидетельства о рождении	
Глубокоуважаемая госпожа Плещкая,	
мы ссылаемся на Ваш запрос указанный выше. В связи с нашим подтверждением приема от 12.01.2001 мы хотели бы сначала просить Вас о понимании того, что Вы только сегодня получаете следующее письмо. Наше ведомство в последнее время получило такой поток запросов, что мы не всегда можем ответить в соответствующий период.	
Сегодня мы переслаем Вам выписку из записи рождения номер 58 / 1943, поставленной загсом Никласдорфа, в Австрии.	
Мы обращаем внимание на отклонение в фамилии.	
Мы надеемся, что мы смогли быть Вам полезны и остаемся	
с уважением	
По поручению	
R.Bröker для архивов	
Приложение: 1	

1	REPUBLIK ÖSTERREICH		DVR: 33120
2	Standesamts- behörde/ Service		Standesamtsverband Niklasdorf
3	Auszug aus dem Geburtseintrag/Extrait de l'acte de naissance Nr. 58/1943		
4	Tag und Ort der Geburt/ Date et lieu de naissance	Jo Mo An 0 5 1 2 1 9 4 3	Niklasdorf, Österreich
5	Name/ Nom	Plecki	
6	Vornamen/ Prénoms	Tamara	
7	Geschlecht/Sexe	F	
	8	Vater/ Père	9 Mutter/ Mère
5	Name/ Nom	Plecki	Plecki
6	Vornamen/ Prénoms	Nikolai	Anastasia
10	Andere Angaben aus dem Eintrag/ Autres énonciations de l'acte		
11	Tag der Ausstel- lung/ Date de délivrance	Jo Mo An 1 5 1 1 2 0 0 6	
	Granol Johann (Standesbeamter) Unterschrift/ Signature		 Siegel/ Scăru

Свидетельство о рождении Т.Н.Плецкой
(на фото справа)

ТРИЖДЫ ВЕТЕРАН

Василий Леонтьевич Ваньшев действительно трижды ветеран: труда, Великой Отечественной войны, ветеран французского сопротивления. В Нижневартовск по русскому обычаю приехал доживать свой век с младшим сыном, который по злому року судьбы остался один.

Есть у В. Ваньшева и две дочери на Алтае. Там он, будучи механизатором в совхозе, вышел на пенсию и жил преспокойно почти 13 лет.

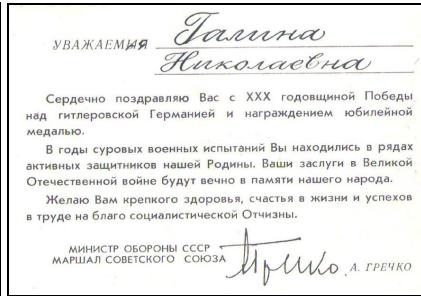
Но так ли спокойно, если еще три года назад числился он в списках репрессированных? А сразу после войны не раз поднимали его ногами на допросы. Он твердил только одно: "Я воевал против фашистов, да, был в плену, да, был в партизанском отряде "Маки".

У французских партизан Василий Леонтьевич был пулеметчиком. Его лично помнит 82-летний полковник командир отряда "Маки" Жорж Генгуэн. Помнят хорошо его и в советской дивизионной разведке. Он бесстрашно уходил на задания в тыл противника. Около Днепра с товарищами попал в окружение. Был ранен. Во Львове решился на побег, но попытка не удалась. Отправили коновоем во французский концлагерь. В марте сорок четвертого, совершив побег из лагеря, попал в партизанский отряд.

Конец войны Василий Леонтьевич встретил в Берлине автомехаником, вернулся на Родину на Алтай лишь в сорок шестом году. И только в 1993 году в Москве, в посольстве иностранных дел Франции, его признали ветераном французского сопротивления, назначили пенсию, которую он получает дважды в год. Вручили юбилейную медаль "За освобождение Франции". Кроме этого, грудь ветерана украшает орден Отечественной войны II степени и два зевых креста участника сопротивления.

Валентин ЗОТОВ.
На снимке: В.Л. Ваньшев.
Фото автора.

Г.Н.Петрова в Музее на Поклонной горе у своей экспозицией

ОПРОСНИК
для интервью с членами общества
«ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ»

Если что-либо покажется Вам тяжелым для воспоминаний – вопрос снимается.

1. Анкетные данные:
 - Ф.И.О.
 - Место и год рождения.
 - Семейное положение (дети, внуки).
 - Послевоенная профессия и место работы перед уходом на пенсию.
 - С какого года на пенсии.
 - Досуг, любимое занятие.
2. Где Вас застала война и сколько лет Вам было?
3. Помните ли что-нибудь из начальных событий войны?
4. Возраст, с которого Вы находились в концлагере, и по какой период? Кто освободил?
5. Месторасположение лагеря.
6. Обстоятельства Вашего «пленения».
7. Можете ли рассказать о некоторых, наиболее запомнившихся событиях тех лет?
8. О чем наиболее тяжело вспоминать?
 - об «украденном» у Вас детстве;
 - самой лагерной обстановке;
 - послевоенном периоде «фильтрации» с его «особым» отношением к бывшим узникам,
9. Что оказалось самым страшным в лагерной жизни? И как можно было в тех условиях выжить *ребенку*?
10. «Режим» распорядка одного лагерного дня?
11. Каким было отношение лагерной администрации к детям-узникам? Находилось ли там место состраданию, «доброту»?
12. В какой мере кинофильмы о фашистских концлагерях и детях в них отражают реальное положение дел?
13. Играли ли дети в лагерях в детские игры (если да, то какие)?
14. Было ли у маленьких узников представление о Родине и откуда?

15. Сохранились ли у Вас какие-либо «памятные свидетельства» о той страшной поре?
16. Какой самый знаменательный день Вашей жизни?
17. Что для Вас лично означает 60-летие Победы?
18. Насколько удачно сложилась послевоенная «взрослая» жизнь?
19. Какая самая большая награда, полученная Вами от жизни?
20. Как Вы думаете, наложили ли годы неволи свой отпечаток на Вашу взрослую жизнь, и, если да, то какой?
21. Наблюдая за взрослением Ваших детей и внуков, ощущаете ли Вы, что дети, рожденные в неволе или проводившие в ней детские годы, психологически иные именно из-за этого? Какие черты, на Ваш взгляд, отличают «ребенка-невольника» от его ровесника в иных социальных условиях?
22. Как сказалось на Вашем здоровье (в детском и взрослом состоянии) пребывание в лагере?
23. Ваша самая любимая песня, кинофильм?
24. Существует ли в нашей стране историческая память о Второй мировой войне и цене, которую пришлось заплатить за Великую Победу над фашизмом?
25. Что для Вас означает понятие «фашизм»?
26. По Вашему мнению, нынешняя молодежь способна на самоотверженные поступки ради своей страны?

СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ!

Из архива общества «Жертвы войны»

Анкета бывшего узника
Удостоверение № _____

- Ф. И. О. Алехно Васильевич Тригорьевич
- Дата рождения (точная) 19.03.1938г. по документам
- Место рождения д. Вешны Светлогорского р-на Волковысской обл.
- Национальность белорусе
- Адрес проживания ул. Кедров 24/б-112 телефон _____
- Есть ли семья да супруг (а) да дети двое
- Образование высшее профессия строитель
- Когда приехал(а) в Нижневартовск 1978г.
- Пенсионер да Инвалид нет
- Подвергался ли медицинским экспериментам? не знает
- В каких лагерях был, их месторасположение и сроки пребывания в них к/л. Азаричи (Белоруссия) Колемковские
- Когда возвращен(а) в СССР? в 1944, по освобождению
- Номер фильтрационной карты 845, 945 фильтрационного дела оп1 г.65.ч.64.

Дата заполнения 17.12.1998г.

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ

МНЕНИЕ ВЕТЕРАНА НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

«Кто как не дети – будущее истории – понесут нашу правду о войне последующим поколениям. И я считаю, что работа с детьми – это самый правильный подход к нашему делу, к нашему правду. Не массовые митинги и выступления перед жующими жаechу в школах, где после наших воспоминаний мы же болем и страдаем, а мы читать на все, то что было, в том числе и на военные события минувшей войны. До чего дошло! Ветераны уже выступают перед малышами в детских садах! Это ли не кошмар, называемое военно-патриотическим воспитанием будущих поколений? А нас, узников гитлеровских концлагерей, несудящие люди то званиями называют, то участниками наших социальных концертов, то гасгабарерами. Вдумайтесь только в это. И это происходит с чиновниками наших социальных служб! А что говорить о других гражданах? Об узниках за Уралом, где не очень большая численность наших общественных объединений, люди знают нашу. И тут нет нашей вины. Нет закона «о жертвах нацизма», нет должного внимания к страданиям минувшей войны. А отношения в нами ветеранских организаций, часто негативно, знакомо многим из нас и не нуждается в комментарии. Нам нужен, в первую очередь, всем нужен (!) Закон о жертвах

АКТУАЛЬНО!

уже не узников, да в Наблюдательный совет российского фонда или в Советную палату. Но лучше всего в Немецкий и Австрийский фонды. Может быть найдутся там порядочные люди, задумаются?»

Да мы присутствуем инициативы Германии и Австрии за их помощь жертвам из стран Восточной Европы. Но полного удовлетворения нам эта помощь не принесла. А в среду тех, кто предостерегал нацистами в годы войны, немецкая помощь внесла другое – дарачку и недоверие. То тут, то там возникают недоуменные вопросы: «Почему вам столько, а нам меньше, а кешовому и совсем ничего?»

О национальных фондах. Считаю, что после завершения выплат (в определенных сроках – до мая 2005 года, а не затянута по известным причинам) их работу следует пересмотреть и штаты сократить. Безусловно, мобильные кадры (к примеру до 45 лет) оставить.

Важно отметить – оставивших «персональных пенсионеров», отживших своих пенсионное время в офисах центра Москвы, позволять. Фонды перейти в штале Министерства соцзащиты по работе с узниками. Только с узниками! Вот тогда-то отношение к нам изменится.

О денежных выплатах со стороны союзников Германии, даже с богатенькой Японией, на мой взгляд, следует забыть навсегда. Этот вопрос упирает 60 лет тому назад. Вопрос надо ставить только о создании благотворительных фондов, которые будут помогать осуществлять гуманитарные проекты памяти о войне.

Мы прогустем, не помним, а кто и когда будет строить реабилитационные центры и санатории для жертв фашизма? И доживем ли мы до тех времен, когда существуют общенациональный фонд? Ведь уже сегодня многие из нас в состоянии выйти за пределы своих квартир!

Сегодня многие из нас едут в Германию, получают путевки на санаторно-курортное лечение за счет средств германского фонда. Но что обидно? Нам, живущим на периферии, там же не достаются. Дело в том, что мы живем далеко от Москвы. Страна велика, знакомых, родственников и близких у сограждан фонда – миллионы! До Сибири или Урала у чиновников фонда руки не доходят.

И еще. Организация поездок жертв нацизма – дело хорошее, хоть они еще в состоянии ходить. Но не вникаю их надо возить, в первую очередь, а тех малоподвижных, кто там родился. Нам уже по 60 и чуть больше, а на Родине мы ни ногой. Вот эти проекты встреч и надо

осуществлять в первую очередь. В этом наша гуманное и социальное право, пока еще живем.

Увеличение памяти жертв войны – святое дело. В книгах, кино, на встречах. Предлагаю провести акцию памяти по Великой Транссибирской магистрали. Российскому союзу БМУ под силу провести это мероприятие. В стороне не должны остаться ни фонд, ни Министерство путей сообщения.

Сегодня мы открываем музейные экспозиции, выпускаем книги. Только у нашей организации выпущено 4 книги по «концлагерям»: «Митинги: Что и кому еще предложить? У нас хорошо пошло волонтерское движение, и, я считаю, за ним будущее. Работа не только укажет наши проблемы, они слушат свои курсовые и дипломные работы, направляя их в Министерство просвещения. Почему бы наших новых активистов из числа молодежи, студентов и преподавателей не приглашать на наши форумы? Без аспиранта НТНП Марии Балашовой (она уже ведет волонтер) и доцента пединститута Натальи Васильевны Сапожниковой я не вижу успешной деятельности нашей организации.

Вместе с ними мы продолжаем работу по гранту города «Урок храбрости», которую мы вели три года, в школах распространены книги Людмилы Тимошенко «ДЕТИ И ВОЙНА», разработанным проектом «НАМБАРЬ И БУДУЩЕЕ», развиваем волонтерское движение по программе «СЛАБОТА».

Т.Н. ПЛЕЦКАЯ, председатель Нижневартовского городского общества бывших узников немецких концлагерей «ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ»

Ханты-Мансийский автономный округ

**ЭТАПЫ РАБОТЫ
МОЛОДЕЖНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ
«ПАМЯТЬ И БУДУЩЕЕ»**

2003

Начало сотрудничества с Нижневартовским обществом бывших малолетних узников концлагерей «Жертвы войны»; *создание ассоциации*, формирование актива волонтеров из числа студентов 1-го курса Исторического факультета НГТУ.

Защита дипломной работы студентки V курса исторического факультета Марины Балабановой «*Институт советских остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны*».

2004

Проведение в отделе соцзащиты Администрации г.Нижневартовска, школах Нижневартовска и Излучинска, НГПИ **Дней Памяти**, посвященных юбилейным датам нашей истории:

11 апреля – День освобождения узников концлагерей;

9 мая – Дня Великой Победы над фашизмом;

30 октября – День памяти жертв политических репрессий.

Анкетирование среди учащихся шк. № 42 и студентов НГПИ, посвященное изучению проблем исторической памяти и состояния гражданственно-патриотического воспитания.

Регулярные рабочие и праздничные встречи с членами Общества «Жертвы войны», *сотрудничество со СМИ и ТВ*.

Издание на средства организации «Жертвы войны» *монографии* М.Ю.Балабановой «**Советские остарбайтеры в годы Великой Отечественной войны**».

Издание на собственные средства *информационного буклета* Ассоциации «Память и будущее».

2005

Начало формирования источниковой базы данных Общества «Жертвы войны» через *анкетирование* его членов и оформление их *персональных документальных файлов*.

Проведение региональной расширенной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, с опубликованием материалов.

Первая поездка в историческую лабораторию Нижнетагильской социально-педагогической Академии (рук. — проф. В.М.Корнилов) и ознакомление с методикой работы формирования модуля Книг Памяти; подготовка и проведение итоговой презентации — отчета о поездке в Нижний Тагил.

Участие в конкурсе грантов Главы Администрации г.Нижневартовска и получение Гранта с передачей его в фонд создания будущего музея НГГУ.

2006

Участие во втором конкурсе грантов и получение Гранта.

Подготовка и проведение 1-й окружной научно-практической конференции «Имею честь достойно Родине служить».

Подготовка и проведение общегородского мероприятия в ДК «Октябрь» — Дней Памяти всех тех, кто стал жертвами войны и тоталитаризма.

Формирование архива ассоциации и сбора необходимых документальных материалов в архивах Омского отделения ФСБ и российских музеев; установление рабочих контактов с Музеем истории Великой Отечественной войны, Музеем обороны Москвы; получение 1-го Гранта НГГУ аспиранткой Балабановой Мариной.

2007

Подготовка и проведение 2-й общероссийской научно-практической конференции «Имею честь достойно Родине служить».

Организация и проведение музейно-архивной практики членов ассоциации (11 чел.) в Пушкинских Горах.

Сотрудничество с клубом исторической реконструкции «Роксада» и подготовительные мероприятия по созданию сайта конференции «Имею честь достойно Родине служить» и сайта ассоциации «Память и будущее».

Подготовка и проведение общегородского мероприятия в ДК «Октябрь» — Дней Памяти жертв войны и тоталитаризма.

Поездка части членов ассоциации в Санкт-Петербург и участие в международной научно-практической конференции «Пушкин и его время». Награждение дипломами конференции.

2008

Подготовка и проведение 3-й общероссийской научно-практической конференции «Имею честь достойно Родине служить».

Создание сайта ассоциации «Память и будущее».

Создание мультимедиа-презентации поездки членов ассоциации «Память и будущее» в Пушкинские Горы.

Защита дипломных проектов в рамках целевого проекта «Книги Памяти»

2009

Подготовка макета «Говорящей» Книги Памяти с мультимедийным приложением.

Командировка в Москву в Музей на Поклонной горе на экспозицию, посвященную истории бывших узников концлагерей.

Консультационный этап сотрудничества с Музеем на Поклонной горе.

Сотрудничество со СМИ и ТВ.

Защита дипломных проектов в рамках целевого проекта «Книги Памяти».

2010

Реализация издательского проекта «Книга Памяти бывших малолетних узников концлагерей».

Проведение 4-й научно-практической конференции «Имею честь достойно Родине служить».

Презентация «Книги Памяти» как «эха несостоявшегося детства».

*Основные направления работы
Молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее»*

1. Научно-теоретическое обоснование проекта экспериментальной лаборатории исторического моделирования и исторического туризма:

- Разработка экспедиционных маршрутов
- Организационно-экономическое обоснование проекта
- **Кадровое обеспечение (структура, направления, кураторы):**
 - А. пресс-центр*
 - Б. мультимедийный центр*
 - В. связи с общественностью* (создание базы данных по возможным контактам и связям на уровне исторических центров и туристических комплексов)
- *Театр исторических миниатюр*

2. «С чего начинается Родина» (история России и историческая память):

- *Цена исторической памяти* (судьбы «живых носителей истории» через судьбы текстов).
- *Хранители исторической памяти ХМАО-Югры*
- *Способы кодирования исторической памяти*
- *Письма военной поры: поиск, судьбы.*
- *«Места силы» Югории и ее будущее*
- *«Места Силы» России и Сибири: Пушкинские Горы, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Аркаим*

3. История России и историческая память:

- *Цена исторической памяти* (судьбы «живых носителей истории» через судьбы текстов).
- *Письма военной поры: поиск, судьбы.*
- *«Места силы» Югории и ее будущее*
- *Хранители исторической памяти ХМАО-Югры*
- *«Места Силы» России и Сибири: Пушкинские Горы, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новгород, Аркаим*

4. Человек в срезе истории военных лихолетий:

- *Войны и проблемы детского сиротства*

- «Образы детства» в истории жертв войны и политических репрессий
- Гендерные проблемы в истории мировых войн XX столетия
- Третье тысячелетие и человек в истории: куда идет цивилизация

5. Исторические объединения, клубы исторической реконструкции и молодежные студенческие ассоциации: настоящее и будущее

- Общественные объединения и историческая память
- Официальные структуры власти и самодеятельные объединения: связи с администрацией города и района, комитетами по делам молодежи, УВР НГТУ.

6. Современная политика России и молодое поколение студенчества

- Школа молодого политика
- Трибуна молодого политика

7. История Дипломатии и международное публичное и частное право

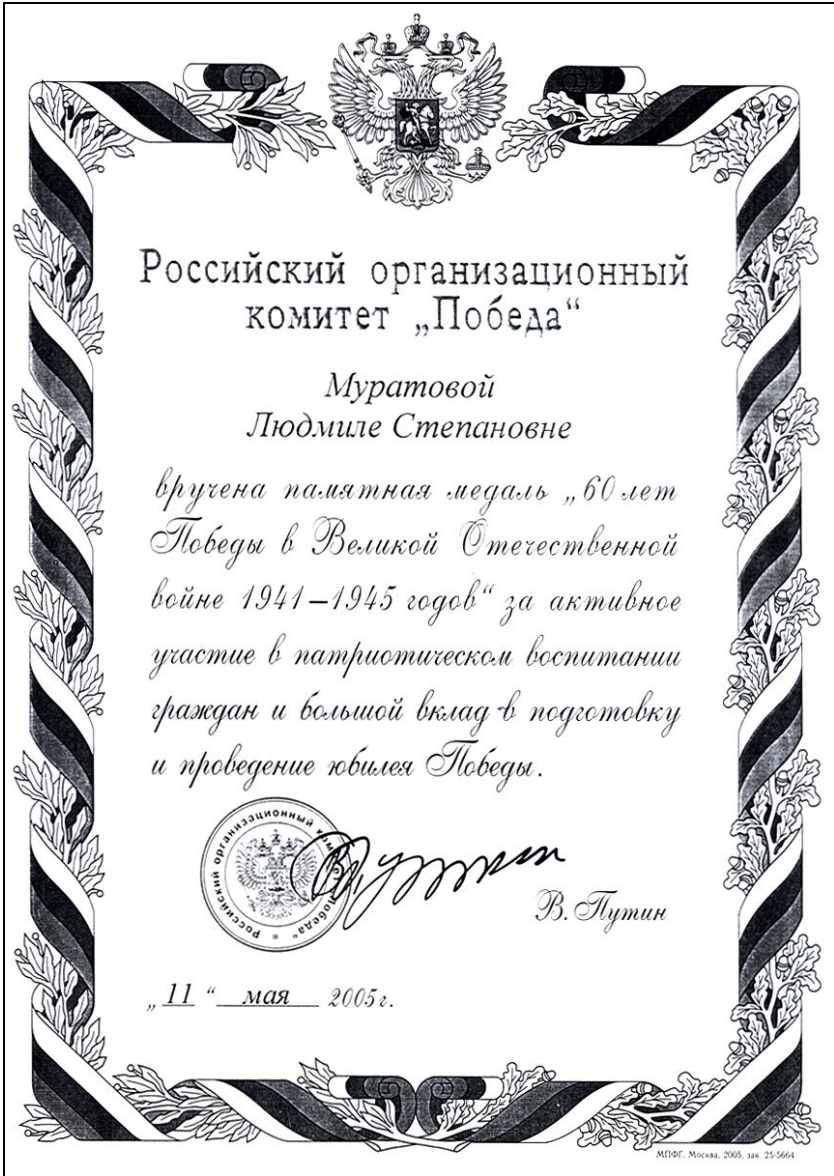
- Как начинаются войны
- Как оканчиваются войны
- Школа молодого дипломата

8. Экспериментальная Story-studio-travel молодежной ассоциации «Память и будущее»

- Проект Story-studio-travel: экономическое обоснование, направления деятельности, творческие проекты
- Театр исторической песни («Нас водила молодость», «Огненные сороковые», «Память России в песне»)
- Екатерина II как драматург: «О величии России»
- Проведение 4-й юбилейной конференции «Имею честь достойно Родине служить», посвященной 65-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

9. Издательский проект «Книга Памяти»

Издание «говорящей» Книги памяти «Эхо несостоявшегося детства» (май 2010 г.)

Российский организационный
комитет „Победа“

Муратовой
Людмиле Степановне

*вручена памятная медаль „60 лет
Победы в Великой Отечественной
войне 1941–1945 годов“ за активное
участие в патристическом воспитании
граждан и большой вклад в подготовку
и проведение юбилея Победы.*

A handwritten signature in black ink, which appears to be 'В. Путин'.

В. Путин

„11“ мая 2005 г.

РОСТОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА

РОСТОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФОНДА МИРА

РОСТОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ БОРЦОВ
АНТИФАШИСТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ И
ЖЕРТВ НАЦИСТСКИХ РЕПРЕССИЙ

Л.С.Муратова

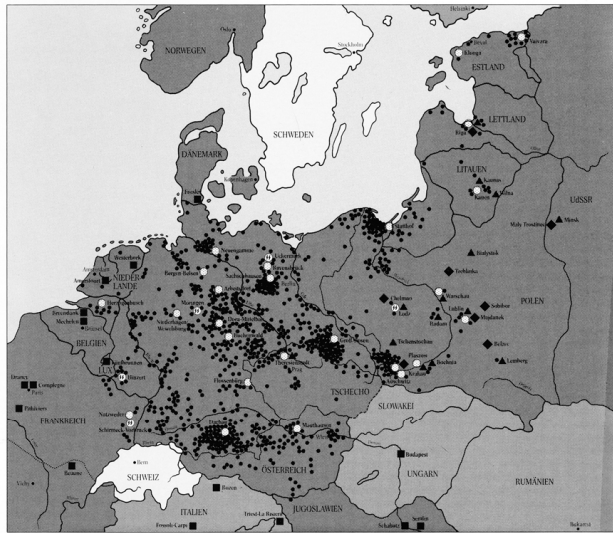
**Встречи студентов
с членами общества
«Жертвы войны»**

Карта:
Центральная Европа
1942 – 45:

- Германский рейх и оккупированные или аннексированные территории
- Союзники Германии
- Нейтральные государства
- ~ Государственные границы 1937 г.
- ⊗ Концлагеря и специальные лагеря СС
- ⊙ Внешние команды концлагерей
- ◆ Лагеря смерти
- ▲ Гетто (избранные)
- Пересыльные и сборочные лагеря на оккупированных территориях

В карту не включены лагеря для принудительных работ евреев (их было более 800) и лагеря для венгерских евреев (более 220).

Снимок:
Ворота концлагеря и лагеря смерти Освенцима-Биркенау, январь 1945 г.
(Państwowe Muzeum Oświęcim Brzezinka)

**Список концлагерей, на которые имеются данные
в Государственном архиве Российской Федерации
(119817, Москва, ул.Б.Пироговская, д.17. ГАРФ)
и в Центре хранения историко-документальных коллекций
(125212, Москва, ул.Выборгская, 3. ЦХИДК)**

Амерсдорф _____	Голландия
Аушвиту _____	Польша
Бухенвальд _____	Германия
Вевельсбург _____	Германия
Верхняя Силезия _____	Германия
Гдыня _____	Польша
Гросс-Розен _____	Германия
Дахау _____	Германия
Дора-Миттгельбау _____	Германия
Зайнетен _____	Австрия
Заксенхаузен _____	Германия
Ламсдорф _____	Германия
Майданек _____	Польша
Мартраген _____	Голландия
Марибор _____	Югославия
Маутхаузен _____	Австрия
Нацвейлер _____	Франция
Ольдерней _____	Франция
Освенцим _____	Польша
Равенсбрюк _____	Германия
Седлец _____	Польша
Треблинка _____	Польша
Штутгафф _____	Германия
Шталаги № 122, № 307, № 308, № 316, № 326	

**Экспонаты передвижной экспозиции, размещенной в 2007 г.
в Тюменской областной научной библиотеке**

Веревочная петля
фабричного производства.
Концлагерь Заксенхаузен

Золотые коронки,
вырванные у заключенных

Человеческий череп из
концлагеря Майданек

Мыло, сваренное из
человеческого жира

Одежда заключенных

Освенцим

Несколько портретов на фоне колючей проволоки

Освенцим был крупнейшим лагерем уничтожения, его называли фабрикой смерти, конвейером смерти, машиной смерти. Как и всякое определение, эти — далеко не полные. Прежде всего Освенцим населяли люди. Фактически в польской Силезии на нескольких тысячах гектаров было построено самое чудовищное государство в мире с населением в несколько миллионов человек, из которых уцелели менее трех тысяч, со своей системой ценностей, экономикой, органами управления, иерархией, правителями, палачами, жертвами и героями. Кем же были люди, организовавшие это государство смерти, и кто противостоял им?

Палачи

Их вряд ли помнят в лицо. Потому что у них были самые обычные человеческие лица. Они улыбались в объективы камер, снимаясь на фоне трупов убитых ими людей. Они носили белые халаты или армейскую форму, ставшую привычной для взглядов жителей Европы. После ареста они охотно отвечали на вопросы, подробно рассказывая о том, что видели и слышали. Свое участие в массовых казнях и издевательствах объясняли приказами и желанием способствовать процветанию Третьего рейха. Они просто выполняли свою работу, тяжелую грязную работу, которую поручил им любимый фюрер. Вот лишь некоторые из тех, кто считал, что загонять в газовые камеры стариков, женщин и детей, ставить опыты на живых людях, морить голодом сотни тысяч несчастных — это просто работа.

Рудольф Гёсс

Комендант концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау Рудольф Франц Фердинанд Гёсс родился в 1900 году в Баден-Бадене. В 15 лет пошел на фронт, в 1922 году вступил в нацистскую партию, пять лет провел в тюрьме за политическое убийство. В 1933 году стал членом СС. Служил в лагерях Дахау и Заксенхаузен, пока в 1940 году Гиммлер не предложил ему возглавить новый концентрационный лагерь, строившийся неподалеку от польского города Освенцим.

Гёсс принялся за дело с рвением. Позже в своих воспоминаниях он жаловался на тупость и лень своих подчиненных, рассказывал, как сам ездил за продуктами для охраны лагеря и заключенных, воровал километры колючей проволоки, которую начальство забыло выписать для лагеря, и едва ли не сам таскал доски.

Гёсс был первым, кто провел испытания газа Циклон В на узниках. До середины 1941 года узников уничтожали с помощью угарного газа, синильной кислоты, которая образовывалась при действии серной кислоты на твердые цианиды. Однако летом 41-го Гиммлер сообщил Гёссу о принятом "окончательном решении еврейского вопроса", и Гёсс начал превращать лагерь в фабрику смерти. Уже в сентябре 1941 года в Аушвиц прибыла первая группа советских военнопленных. На них и провел комендант первый опыт по применению газа Циклон В.

Впрочем, только газовыми камерами успехи коменданта не ограничивались. Возглавляемое им предприятие приносило Германии два миллиона марок ежемесячного дохода. Каждый день в специальный отдел по работе с еврейским имуществом германского банка отправлялось не менее 12 килограммов золота, изъятого у узников. В самом же лагере царили тотальный учет и контроль. Узников пересчитывали несколько раз в сутки. Если кто-то из заключенных умирал на работах за пределами лагеря, товарищи обязаны были принести его труп назад для точного пересчета. В хозяйстве у Гёсса не пропадало ничего — печи работали на полную мощность без остановки, прахом заключенных удобряли землю, из волос узников делались матрасы для немецких подводников, его рабы

Акция была проведена в блоке 11. Я надел противогаз и лично наблюдал за убийством. Должен признаться, что после процедуры я испытал облегчение: вскоре мы должны были начать массовое уничтожение евреев, однако ни Эйхман, ни я понятия не имели, как лучше это организовать. Мы были уверены, что газовая камера — наилучшее решение, но не знали, какой газ и как лучше использовать для этого. Теперь мы не только получили газ, но и поняли, как правильно проводить процедуру.

*Рудольф Гёсс,
из воспоминаний*

обшивали все лагерное начальство и поставляли одежду в модные магазины Берлина. Туда же шли антиквариат и ценные мелочи, которые брали с собой узники, отправлявшиеся в лагерь.

В конце 1943 года руководства Третьего рейха отметило старания Гёсса, назначив его главным инспектором концентрационных лагерей. В одном из отчетов Гёсс был назван "первопроходцем в этой области, автором новых идей и методов".

После освобождения лагеря советскими войсками Гёсс бежал, скрывался в Германии под именем Франц Ланг, но в 1946 году был арестован войсками союзных сил и выдан польским властям для суда. Комендант Аушвица закончил свою жизнь на выстроенной специально для него виселице прямо перед воротами в одну из газовых камер.

Йозеф Крамер

Йозеф Крамер, или "Чудовище из Бельзена", успел поработать под началом Гёсса "всего" полгода. Гауптштурмфюрер Крамер возглавлял лагерь Аушвиц-II, или Биркенау, считавшийся главным лагерем уничтожения. Именно жена Крамера так гордилась своими аксессуарами - в частности, сумочкой из татуированной человеческой кожи.

Крамер родился в 1906 году в Мюнхене, вступил в нацистскую партию в 31-м, а уже в 32-м прибыл к первому месту службы — в концлагерь Дахау. Затем в его послужном списке значатся Заксенхаузен и Маутхаузен. В Биркенау особым предметом его заботы были газовые камеры и печи крематория — именно за их бесперебойную работу отвечал заместитель коменданта. В декабре 1944 года Крамера перевели комендантом в Берген-Бельзен.

В апреле 45-го Берген-Бельзен был освобожден британскими войсками, Крамер был арестован и вместе с 44 подчиненными предстал перед судом. "Чудовище из Бельзена" приговорили к смертной казни через повешение. Казнь была приведена в исполнение 12 декабря 1945 года.

Мария Мандель

Начальнице женского лагеря Биркенау к моменту назначения в лагерь было 30 лет. Однако Мария Мандель уже успела поработать в лагерях смерти Лихтенбург и Равенсбрюк. Коллеги описывали ее как чрезвычайно умного и преданного своему делу специалиста. Узники же называли ее чудовищем, испытывавшим искреннее удовольствие от процесса отбора заключенных, особенно детей, для отправки в газовые камеры. Одного из таких детей она даже взяла на время под свое покровительство — подкармливала и баловала понравившегося ребенка, а когда он ей наскучил, внесла его в список на уничтожение.

Именно Мандель организовала лагерный оркестр, встречавший измученных людей у ворот лагеря веселой музыкой. Под эту музыку производилась селекция, музыка сопровождала признанных негодными к работе в газовые камеры. В 1944 году Мандель была переведена в концлагерь Мульдорф, где и прослужила до мая 1945 года.

В августе 45-го Марию Мандель арестовали, спустя два года начальницу женского лагеря казнили по приговору суда.

Ангел смерти Йозеф Менгеле...

Кто и когда так назвал Йозефа Менгеле, неизвестно. Известно зато, что Менгеле не попал в список 23 врачей, которых судили на Нюрнбергском процессе. Им были предъявлены обвинения в проведении бесчеловечных опытов над тысячами заключенных. Пятнадцать врачей были признаны виновными. Семерых ждала казнь, восемь провели долгие годы за решеткой. Йозеф Менгеле спокойно дожил на свободе до 1979 года.

Уроженец Баварии начал свою карьеру во франкфуртском Институте наследственной биологии и расовой гигиены под руководством генетика Отмара фон Фершуера, "прославившегося" своим трудом о расовой неполноценности и потенциальной опасности евреев. Старательного студента интересовали прежде всего антропология и генетика. Он опубликовал несколько статей, защитил диссертацию. В 1939 году Менгеле сменил белый халат на военную форму. Он провел некоторое время на Восточном фронте в составе частей Waffen SS, получил ранение, был произведен в гауптштурмфюреры и отправлен служить в Аушвиц.

По воспоминаниям "коллег", в лагере его встретили как героя. Он же был вездесущ. Менгеле занимался первоначальной селекцией узников, без тени сомнения отправляя тысячи людей напрямую в газовые камеры, затем отбирал заключенных для различных экспериментов, возглавлял исследования и сам проводил тысячи опытов над живыми людьми.

Среди тем, интересовавших любознательного доктора, были пересадка органов и тканей, операции по смене пола, исследования в области ограничения рождаемости для представителей "неполноценных" рас и увеличения плодовитости немков. Не чурался доктор Менгеле и изучения последствий воздействия на людей различных химических и ядовитых веществ. Особенно же его занимали близнецы — для них у Менгеле была разработана особая программа исследований, которая не прекращалась даже со смертью испытуемых. Данных о точном числе подопытных Менгеле нет, однако известно, что из трех тысяч отобранных для экспериментов детей в живых остались менее 200.

Благозвучие тем исследований не может скрыть тот факт, что опыты проводились на живых людях, и, конечно же, ни о какой анестезии речи не шло. Менгеле пересаживал людям органы животных и документировал мучительную смерть во время отторжения пересаженных органов; после нескольких опытов пришел к выводу, что наилучшим способом ограничения рождаемости низших рас будет кастрация, и провел несколько сотен операций, чтобы разработать наиболее эффективную и быструю методику. Для подтверждения гипотезы о возможности изменения цвета глаз у евреев он вводил различные химические красители в глазные яблоки узников и заключил, что сделать арийца из еврея невозможно.

Одно только описание методик исследований способно вызвать приступ дурноты у любого, однако, по словам коллег, "Ангел смерти" был приветлив, приятен в общении, чистоплотен, на детей не кричал, часто улыбался, а в минуты досуга любил зайти в барак, где располагался женский лагерный оркестр, чтобы послушать классическую музыку.

Менгеле счастливо избежал ареста. В 1947 году он перебрался в Южную Америку, жил в Парагвае и Бразилии и умер в 1979 году — во время купания у него случился удар, и он утонул. Между тем, даже в 1985 году многие подвергли сомнению факт смерти Йозефа Менгеле, утверждая, что ему в очередной раз удалось скрыться.

...и его подручные

Карл Клауберг считался медицинским светилом. К началу войны он был известным гинекологом, возглавлял клинику в Киле, стал профессором Кенигсбергского университета. В 1942 году для продолжения исследований Клауберг прибыл в Аушвиц, где получил в свое полное распоряжение барак номер 10 в женском лагере.

Согласно документам, опыты проводились на нескольких тысячах евреек и цыганок. Женщин подвергали мучительным процедурам — Клауберг проводил ампутации матки, испытывал различные вещества для рентгенографии матки и труб, занимался стерилизацией женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области с последующим чревосечением и изъятием яичников, изучал действие разных химических препаратов по заказам немецких фирм. После проведения опытов женщин ждали газовые камеры — большинство из них уже были не способны работать.

Клауберг не сумел скрыться, его арестовали, судили в СССР и приговорили к 25 годам тюремного заключения. Однако спустя семь лет доктор был помилован и отправлен на родину. По возвращении Клауберг созвал пресс-конференцию, на которой заявил о своих успехах во время работы в Освенциме. После

того как несколько выживших узников выразили свой протест, Клауберг был арестован повторно, но не дожидая суда — он умер накануне начала процесса в 1957 году.

Иоганн Пауль Кремер прибыл в Аушвиц в 1942 году после работы в университете Мюнстера. Кремер заменил заболевшего врача и пробыл в лагере менее трех месяцев. В его обязанности как лагерного врача входил прием заболевших заключенных, которые пытались получить освобождение от работы и направление в лагерный лазарет. Большинству из них Кремер прописывал смертельные инъекции. Перед умерщвлением он опрашивал заключенных и фотографировал их. Кроме того, он наблюдал массовые казни в газовых камерах и фиксировал свои наблюдения в дневнике. Одна из записей гласит: "Впервые присутствовал на специальной акции. Дантов ад кажется комедией по сравнению с тем, что увидел я. Не зря Аушвиц называли лагерем уничтожения!"

После войны Кремера судили в Польше и приговорили к смертной казни. Позже приговор был заменен на пожизненное заключение.

Единственной женщиной, которой были предъявлены обвинения в опытах над людьми, была **Герта Оберхойзер**. Она изучала осложнения при лечении боевых ран. Во время опытов, призванных симулировать военные условия, в раны узников помещались посторонние предметы — грязь, стекло, щепки, насекомые. Кроме того, Герта Оберхойзер испытывала сильнейшие транквилизаторы на детях, определяя смертельные дозы препаратов.

После войны Оберхойзер судили, признали виновной и приговорили к 20 годам тюрьмы. Однако она была освобождена в апреле 1952 года, после чего продолжила медицинскую карьеру — доктор Герта стала семейным врачом в городке Штокзее. Лицензию у нее отобрали только в 1958 году.

Николай Готовский

Сказать, что жительница Ялты Анна Павловна Польщикова — живая легенда, это значит не сказать ничего. О ее судьбе написано несколько книг, сотни публикаций в газетах и журналах разных стран мира. На основе ее биографии снят художественный фильм "Тюмни имя свое".

Десетки людей в разных странах мира называют Анну Павловну своей матерью. Потому что она совершила невероятное — спасла жизнь тем, кому суждено было погнаться на свет в концлагере. Анна Павловна спрятала от надзирателей и выкормила 17 детей разных национальностей — русских и украинцев, поляков и евреев. Все они считают Польщикову родной матерью. В ее крымскую квартиру приходят письма из Австралии и США, Западной Европы и России...

В 1938 году Аня Польщикова закончила фармацевтический техникум. Как дочери героя гражданской войны, распределенного денкинцами, ей дали рекомендацию на службу в Советской Армии. Но так получилось, что в первый же год войны Аня попала в окружение и оказалась на оккупированной территории. В 1942 году она поехала в Австрию, где ее прождали за 14 марок тамошний помещице. Через месяц Аня от нее убежала. Но вскоре попала в тюрьму. Вообще Польщикова прошла чистилище пяти тюрем. Однако они стали только преддверием. В Освенциме она пережила все заключенными различных расовых племен. Например, профессор Карл Клаузберг и доктор Хорст Шуман занимались стерилизацией мужчин и женщин — с целью разработки наиболее эффективного метода биологического уничтожения славян.

Но если до конца 1943 года фашисты старались уничтожить как можно больше славян, то в конце войны их тактика неожиданно изменилась. По неофициальному распоряжению СС часть детей в концлагерях начали оставлять для опытов по

МАМА

ИЗ ОСВЕНЦИМА

БЫВШАЯ УЗНИЦА ФАШИЗМА СПАСЛА ЖИЗНЬ 17 ДЕТЕЙ, ПОЯВИВШИХСЯ НА СВЕТ В КОНЦЛАГЕРЕ

изменению... национальности. Небезызвестный врач Йозеф Менгеле даже предложил изменять детям цвет глаз, экспериментируя на обезьянах и младенцах в возрасте до одного года.

Зачем это делалось? За годы войны армия раса повела огромные потери. Чтобы их восполнить, нацистские доктора додумались русских, украинцев, чехов превратить... в поляков. И желавшие сотрудничать с гитлеровцами, по их мнению, должны быть у настоящих арийцев.

Но, как уже говорилось выше, в первые годы существования Освенцима с бременными узницами и детьми на цо-ли в газовой камере. Были случаи, когда женщины рожали прямо на барачном дымоходе, который проходил посреди помещения. Обычно роженицу умирало от заражения крови. Если же

роды заканчивались относительно благополучно, то врачи СС отбирали ребенка и умерщвляли.

Самые страшные пытки фашистские немцы придумали для евреев — их заставляли душить собственных детей своими руками. Русских младенцев, как правило, тоже не оставляли в живых, врачи для сыроежки. Для этого после родов врачи забавлялись перевязать пуповину, и ребенок умирает.

В Освенциме выжила только те дети, которых подлима, незадолго до освобождения лагеря. Да еще повзало там, которых спасла Анна Польщикова.

Ангелина ИВАННИК.

На снимке: Анна Павловна Польщикова и ее сын Виктор, родившийся 15 октября 1944 года в концлагере Освенцим.

Фото автора.

Эдуард Гайслер — примерный семьянин и образцовый палач

Гайслер Эдуард, 1890 года рождения, уроженец деревни Бруненсдорф (Австрия), немец, из рабочих, образование 8 классов, женат. С марта 1944 по апрель 1945 года командир отделения в охранном батальоне СС дивизии СС "Мертвая голова"; унтер-офицер. 21 августа 1945 года Военным трибуналом гарнизона Берлина осужден к расстрелу.

Из протокола допроса Эдуарда Гайслера:

Будучи в учебной роте по истреблению людей в основном еврейской национальности и цыган, учили, что такую национальность, как еврей, мы должны уничтожить на территории Германии и оккупированных немецкими войсками стран и районов Советского Союза из-за того, что эта национальность никогда не хочет работать на физических работах, а занимается торговлей, обманом и унижением других национальностей, в частности, немцев, что они всегда пролезают на высокие должностные посты и тем самым ущемляют такую национальность, как немцы, а цыгане вообще живут на обманах, и поэтому всех цыган и евреев мы — немцы — должны будем уничтожить от малого до старого, чтобы эта нация вообще не существовала на земле. Евреи и цыгане, по рассказам в учебной роте, являлись врагами немецкой национальности первой категории, и их немедленно всякими средствами мы должны были истреблять, так как эти нации и являлись зачинщиками второй империалистической войны.

По материалам «Российской газеты»

АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ АДМИНИСТРАЦИИ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

248620, г.Калуга, Кооперативный поселок, 1
Телефон 7-55-52

14.04.1995 г. № Б-3154

На № _____ от 28.03.95

353710 Крайродарский край,
ст. Кашевская,
ул. Октябрьская, 54, к. 11
Гриже Н.В.

СПРАВКА

выдана Трошиной Нине Владимировне,
1931 года рождения

в том, что он(а) Трошина Анна Ивановна, 1908 года рождения
Мария Владимировна, 1929 года рождения, ул. Жуури-
нов район Калужской области, Трошин Владимир Ива-
нович, ул. Жууринов район Калужской области в августе 1943 г. был(а)
насильственно вывезен(а) немецко-фашистскими войсками в Детомню,
а в августе 1944 г. в Германию, где находился(ась) с
по май 1945 г. в лагере г. Рокитки "Африка" работала на
разных работах. Фиксационно проведена трошиной на
СППГОЗ г. Торня (Польша), после чего 2 июля 1945 г. выехала
на Родину. Фиксационные даны на несовершенно-
летних из лагерей. Орудиями доказаны на
раснослать

Справка составлена на основании имеющихся в Государственном архиве Калужской области архивных материалов для представления в органы социального обеспечения.

р. 448, сч. 1, дело № 679
17905 л. 87
Основание: Ф.Р-448 оп. 1 дело № 17910 лл. 177

Директор архива

Л.И. Сапожникова

Исполнитель Каленкова
телефон 7-27-22

Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга
ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ ПАРТЫІ ПРЫ ЦК КП БЕЛАРУСІ —
філіял ордэна Леніна Інстытута марксізма-ленінізма
пры ЦК КПСС
ПАРТАРХІЎ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ордена Трудового Красного Знамени
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КП БЕЛОРУССИИ —
филиал ордена Ленина Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
ПАРТАРХИВ

220016, г. Минск, ул. Чырвонаармейская, 4/45, тэл. 29-32-14

220016, г. Минск, ул. Красноармейская, 4/45, тел. 29-32-14

№ 2865 « 7 » мая 1986г.

На В/№ _____ 19__г.

Гр-ке Барановской Л.С.
626449, Тюменская обл., г.Лангепас,
Светлый пр., 9, кв.14

Сообщаем, что по учетным данным партархива Барановский Владимир Сергеевич, 1923 года рождения, с 10 февраля 1943 года по 28 декабря 1943 года числится партизаном 105-го отряда 50-й бригады Полесской области в должности помощника комиссара отряда по комсомолу. 28 декабря 1943 года Барановский В.С. погиб в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Зам.директора Института истории
партии при ЦК КПБ по партархиву *П.Лапач* (П.Лапач)

Тип. 1. З. 1309. Т. 10 000. Минск. 1985.

**Министерство безопасности
Российской Федерации**

**У П Р А В Л Е Н И Е
по РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

СПРАВКА

21.09.93г. № 6/7-92932

гор. Ростов-на-Дону

Выдана в том, что Горбенко Анна Дмитриевна

1926 года рождения

15 октября 1942 года немцами был[а] вывезен[а]

в Германию, где находился[ась] на принудительных работах до 20 мая 1945 года
После освобождения направлен[а] на госпроверку, в ходе которой установлено, что за период
пребывания в Германии преступлений против Родины он[а] не совершал[а].

К месту жительства в Ростов-на-Дону прибыла в сентябре 1945 года.

Справка выдана для предъявления в отдел социальной защиты населения.

Начальник подразделения

Вход...
18
В. П. Пилипович

Приложение 15

Дни памяти и встречи с ветеранами и узниками концлагерей
в шк. № 42, 5, 10

**Мероприятия в Управлении социальной защиты
Администрации г.Нижевартовска**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
<i>Глава I</i>	
«УСТНАЯ ИСТОРИЯ» И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МАЛОЛЕТНЕГО УЗНИЧЕСТВА ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	21
<i>Глава II</i>	
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДЛЯ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ.....	49
<i>Глава III</i>	
«ОБРАЗЫ ДЕТСТВА» В УСЛОВИЯХ ФАШИСТСКОГО ПЛЕНА.....	73
<i>Глава IV</i>	
СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ-УЗНИКОВ	91
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	104
ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ»	106
БИБЛИОГРАФИЯ	158
ПРИЛОЖЕНИЯ	163

ЭХО НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ДЕТСТВА

«ГОВОРЯЩАЯ» КНИГА ПАМЯТИ

Редактор *Т.А.Фридман*
Художник обложки *Л.П.Павлова*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 19.04.2010
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Book. Усл. печ. листов 12,75
Тираж 500 экз. Заказ 1065

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартковского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*